

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

АРЕФЬЕВА Оксана Валентиновна

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СТИМУЛОВ В СПЕЦИАЛЬНОМ
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ
ПОЛИГРАФА В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Том 1)**

**Специальность 5.3.9 – юридическая психология и психология безопасности
(психологические науки)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:

доктор психологических наук, доцент

Ульянина Ольга Александровна

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДА РАСПОЗНАВАНИЯ СКРЫВАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ	20
1.1. Понятие лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа	20
1.2. Современные методы и инструменты выявления скрываемой информации.....	39
1.3. Теоретические подходы в отечественной и зарубежной науке к проведению специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа	54
1.4. Индивидуально-личностные особенности восприятия визуальных стимулов человеком	72
1.5. Психотехнология формирования визуальных стимулов для проведения полиграфного исследования кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации	85
Выводы по главе.....	99
Глава 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ ФАКТОРОВ РИСКА В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛИГРАФЕ КАНДИДАТОВ НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	103
2.1. Организация и методы исследования	103
2.2. Анализ результатов изучения представлений сотрудников органов внутренних дел о факторах риска, подлежащих выявлению в процессе профессионального психологического отбора на службу	120
2.3. Факторы, определяющие выбор смысловых единиц при визуализации факторов риска.....	135
2.4. Анализ результатов группового фокусированного интервью психологов- полиграфологов на тему: «Визуализация факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения для проверки на полиграфе кандидатов на службу в ОВД» ...	177
2.5. Сравнительный анализ классического подхода в предъявлении стимулов и подхода с использованием визуализации	200
Выводы по главе.....	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	232
ПРИЛОЖЕНИЯ	

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Качественный профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел¹ Российской Федерации является гарантом эффективности всей правоохранительной деятельности, поэтому в научной литературе достаточно долго и широко обсуждается проблема его совершенствования. Современным направлением повышения эффективности данного вида работы является внедрение инновационных и научно обоснованных психологических методов, одним из которых является специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа².

В 2011 году увеличилось количество исследований с применением полиграфа в связи с проведением полномасштабной аттестации сотрудников ОВД Российской Федерации. В то же время началось активное обучение ведомственных психологов проведению специального психофизиологического исследования с применением полиграфа³.

На современном этапе метод СПФИ в Министерстве внутренних дел Российской Федерации⁴ применяется достаточно широко: при осуществлении профессионального психологического отбора⁵ на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, перемещении сотрудников на другие должности, включении в резерв кадров для выдвижения на вышестоящие должности, проведении служебных расследований. Порядок проведения СПФИ в ОВД регламентирован нормативными правовыми документами внутреннего пользования.

¹ Далее – ОВД.

² Ульянина О. А., Арефьева О. В. Визуализация стимулов скринингового теста специального психофизиологического исследования с применением полиграфа // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов : интеграция теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29 окт. 2021 г.) / под общ. ред. А. С. Душкина, Н. Ф. Гейжан ; сост.: А. В. Демидов, М. Г. Баринаова, Ю. А. Новикова. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2021. С. 342–347.

³ Далее – СПФИ.

⁴ Далее – МВД России.

⁵ Далее – ППО.

Цель проведения СПФИ в рамках ППО на службу в ОВД – выявление несовместимых с данным видом деятельности факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения¹ у лиц, проходящих тестирование. Факторы риска, подлежащие выявлению, представлены в постановлении Правительства Российской Федерации². В соответствии с нормативными правовыми документами внутреннего пользования психологи кадровых подразделений изучают такие противоправные деяния, как: «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ», «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость», «Участие в незаконном обороте оружия», «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений», «Совершение уголовно наказуемых деяний», «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера», «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций», «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями». Психологи центра психологической диагностики медико-санитарной части изучают факторы риска в виде противоправных деяний, имеющие отношение к медицинской составляющей: «Склонность к злоупотреблению алкоголем или токсическими веществами», «Потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ», «Склонность к совершению суицидальных действий».

В 2022 году согласно статистике психологами кадровых подразделений проведено изучение 69 557 кандидатов на службу в ОВД. В ходе СПФИ в том же году установлено 9064 случая выявления факторов риска у данных кандидатов³. Этот показатель свидетельствует о том, что практически в каждом восьмом

¹ Далее – факторы риска.

² Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 (ред. от 06.03.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50. Ч. VI. Ст. 7075.

³ Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации в 2022 году : сб. аналит. и информ. материалов. М.: ГУРЛС МВД России, 2023. 77 с.

случае была выявлена информация, препятствующая поступлению на службу в ОВД или поступлению на обучение в ведомственную образовательную организацию.

Несмотря на всестороннее изучение кандидатов на службу в ОВД, все же имеются случаи противоправных деяний со стороны уже действующих сотрудников. В связи с этим особенно остро стоит вопрос о совершенствовании имеющихся методологических подходов к проведению ППО, в частности коррекции существующей методики СПФИ, с помощью которой и подлежат выявлению совершенные в прошлом незаконные деяния.

В научной среде вопрос повышения качества ППО на службу в ОВД освещается с разных сторон и затрагивает проблемы организационного, содержательного, нормативного характера, однако проблема совершенствования СПФИ практически не обсуждается. Согласно нормативным правовым документам, регламентирующим проведение СПФИ, изучение факторов риска осуществляется в словесном диалогичном формате, то есть в процессе устной беседы полиграфолога и обследуемого. При этом не учитываются индивидуальные особенности обследуемого, оказывающие значительное влияние на восприятие и его результат. Кроме того, не принимаются во внимание внешние факторы, в том числе состояние современной действительности с преобладанием визуального контента информации. В реалиях последних лет происходит переход от классической, аудиальной, передачи информации к визуальной, что диктует необходимость в перестройке и коррекции методик проведения СПФИ в рамках ППО посредством использования зрительной репрезентативной системы обследуемого. Вследствие этого разработка и формирование визуальных стимулов, отражающих изучаемые факторы риска, являются обоснованно актуальными и необходимыми.

Результатом такого научного анализа будет описание научно обоснованной методики с применением визуальных стимулов факторов риска для проведения СПФИ в рамках ППО на службу в ОВД.

Степень научной разработанности темы исследования. Анализ имеющейся проблемы необходимо начать с анализа теоретических подходов к определению понятия лжи, так как в рамках проведения СПФИ она имеет специфические оттенки. Изучением лжи занимались как древние мыслители, так и современники различных областей науки: философы, лингвисты, педагоги, социологи, юристы, психологи. В научном познании феномен лжи определяется неоднозначно, его понятие зависит от различных подходов исследователей и формирования в связи с этим многообразия взглядов.

Понятие лжи раскрывали в словарях различной направленности С. И. Ожегов, Е. Ф. Губский, Ф. А. Брокгауз, Л. П. Крысин, С. Ю. Головин, В. И. Даль.

А. Августин, В. Штерн, О. Липман, Ж. Дюпра, И. Кант, К. Краус, Ж. Мазип, Н. В. Крогиус, П. Экман, Р. Митчелл, О. Фрай, Т. В. Сахнова, С. Шалютин, А. Р. Ратинов в понятии лжи главенствующую роль отводили ее преднамеренности. Авторы характеризовали ложь как желаемое действие, направленное на достижение определенных целей, умышленное поселение в уме других различных верований, умышленное показание против другого, сознательное создание ложного представления, намеренная попытка формирования у собеседника определенного убеждения, попытка сфабриковать информацию, действие, оказывающее определенное воздействие на оппонента.

А. Р. Лурия, Х. Вайнрих в понятии лжи выделяли особую природу человека, выражающуюся в когнитивных особенностях и имеющихся способностях.

К. Мелитан, С. Поварнин, Л. Адам, В. В. Знаков, Г. Грачев, И. Мельник, В. В. Васильев, В. Соловьев не усматривали во лжи субъективной составляющей. Авторы классифицировали ложь, разграничили понятия между синонимами лжи, показали независимость истинной или ложной информации от произносящих ее субъектов.

Понятие лжи рассматривалось в контексте СПФИ, но не было конкретизировано относительно ППО. Так, отечественные полиграфологи определяют

ложь с профессиональной точки зрения. Ю. И. Холодный, С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов, В. В. Коровин убеждены в осознанности лжи как продукта вербальной и невербальной деятельности, осуществляемой с целью введения в заблуждение. Исследователи объясняют механизмы образования ложных высказываний, отмечают проблемные моменты в распознавании лжи, обращая внимание на оценку ситуации в целом.

Многообразие взглядов на определение понятия лжи порождает и многочисленность методов ее выявления. Ученые посредством экспериментов пытаются найти эффективные методы диагностики лжи, причем в решении данной проблемы задействованы различные области науки: психология, физиология, социология, юриспруденция, филология и другие.

Инструментальные методы распознавания лжи появились в XIX веке, когда А. Моссо разработал первый прибор – плетизмограф, регистрирующий кровенаполнение сосудов и изменение пульса при демонстрации образов, внушающих страх. Исследования Ч. Ломброзо, М. С. Панасити, Д. Кардоне, Э. Ф. Павоне, А. Манчини, С. М. Аглиоти, Дж. Биттл, Charles R. McQuiston, Allan D. Bell, В. А. Барабанщикова, О. В. Жбанковой, В. Б. Гусева направлены на выявление скрываемой информации при помощи различной техники, специального программного обеспечения, искусственного интеллекта.

Проблемой неинструментальной диагностики лжи занимались такие исследователи, как П. Экман, У. Фризен, О. Фрай, Nathan J. Gordon, Р. Фишер, Э. Гизельман, Д. Моррис, В. П. Морозов, П. В. Морозов, Н. М. Романова, М. А. Самохина, В. В. Семенов, Л. Н. Иванов.

Взаимосвязь индивидуальных особенностей и тенденции ко лжи изучали Ф. Зимбардо, К. Леонгард, В. Т. Кондрашенко, И. А. Церковная, В. М. Девишвили, А. В. Белинский, М. О. Мдивани.

Индивидуальные особенности восприятия играют немалую роль в распознавании лжи. Изучением восприятия на протяжении нескольких веков занимались представители гештальтпсихологии – М. Вертгеймер, В. Келлер,

К. Коффка, К. Левин; специалисты в области психологии, физиологии и нейропсихологии – Дж. Гибсон, Д. О. Хэбб, Е. Брюнsvик, Р. Баркер, Ж. Пиаже.

Исследования советских и зарубежных ученых Б. Ф. Ломова, В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилеса, А. Л. Ярбуса, Р. Хелда, Дж. М. Стрэттона, Р. Грегори, А. В. Запорожца, Л. Г. Ружской, В. Кёлера, И. Фолькельта, Б. Н. Компанейского, А. Р. Лурия, Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейна, А. Г. Маклакова, Д. Э. Майерс позволили вывести ряд важнейших свойств восприятия.

Изучением восприятия в контексте ведущих репрезентативных систем занимались психологи, биологи, физиологи: Н. Линдгрен, А. Пиз, Г. Бейтсон, А. А. Бодалев, А. И. Навалихина, А. Н. Козловская, А. Н. Исупова, Д. Х. Хьюбел, Т. Н. Визел, Э. М. Хорнбостел, В. Бернштейн, П. Шиллер, О. А. Долгополова, М. А. Conway, L. Shams, Ч. Шеррингтон, А. А. Ухтомский, Б. Х. Гуревич, А. И. Коган.

Проблему зависимости восприятия от индивидуальных различий изучали А. Бинэ, Д. Брунер, Л. Постмен, Л. Беллак, Е. Т. Соколова, К. Lewin.

Начиная со второй половины XX века достаточно активно изучалось влияние доминирующего полушария на способ познания окружающего мира. Изучением межполушарных дихотомий головного мозга занимались зарубежные и отечественные ученые: R. W. Sperry, M. S. Gazzaniga, R. A. Wilson, F. C. Keil; С. Спрингер, Г. Дейч, М. Vanich, А. Belger, R. Cook, В. Yazgan, Е. Bowden, М. Jung-Beeman, S. M. Fiore, J. W. Schooler, L. Aziz-Zadeh, J. T. Kaplan, М. Iacoboni, А. Dietrich, R. Kanso, А. Р. Лурия, Л. С. Цветкова, Э. Г. Симерницкая, Н. А. Бернштейн, М. М. Кольцова, Л. В. Фомина, Ф. Бильгоу, П. Денисон, Е. Д. Хомская, Т. А. Доброхотова, Н. Н. Брагина, З. В. Денисов, Р. Ю. Ильюченко, С. Спрингер, Г. Дейч, D. M. Tucker, N. A. Fox, R. J. Davidson, П. В. Симонов, М. Н. Фишман, М. Г. Михайлова, М. И. Зайченко, Е. Д. Хомская, О. В. Плебанек, С. С. Маклеод, Л. Пикок, О. Розенбах, Г. А. Литинский, Е. В. Гурова, А. П. Бизюк, Ю. В. Микадзе, Н. К. Корсакова, Е. И. Николаева, Н. В. Москвина, Н. А. Хохлов, М. С. Ковязина, Н. В. Василевская, К. А. Васильева, Б. Г. Ананьев, М. С. Неймарк, С. Е. Драпкина, В. П. Морозов, А. В. Бару, M. Safer, D. Kimura, H. Kallman, Е. П. Кок, Б. С. Котик,

А. Багдонас, Н. Кочюнене, Т. Bever, D. Hines, D. Kimura, P. Satz, E. Zurif, M. Bryden, E. Teng, К. Хайд, Э. Блэймайр, Г. Уиткин, С. Tinajero, M. F. Paramo, F. Cadaveira, S. Rodriguez-Holguin, C. Garrick, W. Rapaczynski, H. Ehrlichman, D. Charman, Л. А. Шмакова, В. Ю. Будилова, М. В. Хватова, С. А. Никитина, Т. И. Меерзон, В. П. Зинченко, Б. Г. Ананьев, Ю. В. Микадзе, Б. С. Котик.

Р. М. Merikle¹, В. А. Барабанщиков², Е. В. Субботский³ и другие продолжают интересоваться исследованием восприятия и в наши дни.

Изучением понимания визуального материала и его отражением на качестве результата восприятия занимались Ч. С. Пирс, Ф. де Соссюр, Р. Барт, К. А. Lutz, R. J. Lutz, Д. Эльбрахт, Н. F. Adams, J. Gutman, U. Bernhard, H. Jacobi, J. Stapel, H. D. Hadley, E. K. Jr. Strong, H. Muensterberg, R. L. Collins, S. E. Taylor, J. V. Wood, S. C. Thompson, K. P. Frey, A. H. Eagly, A. Ray, D. B. Lucas, C. E. Benson, I. L. Janis, S. Feshbach, P. A. Keller, L. G. Block, M. Bennett, И. Ньютон, Г. Грассман, Т. Юнг, Г. Гельмгольц, Э. Геринг, К. Э. Волкова, Ю. В. Бартенева, В. В. Кандинский, П. С. Школьник, В. Ф. Тарасов, Т. Забозлаева, В. Г. Зазыкин, К. Юнг, С. Палмер, К. Шлосс, Э. Дж. Эллиот, Н. Е. Введенский, И. В. Годнева, П. П. Лазарев, Г. Роршах, М. Люшер, Р. Хейс, Г. Хилтман, Е. Ф. Бажин, А. М. Эткин, Ф. Перлз, Р. Штраух.

Проблема зависимости качества результата восприятия от скорости и длительности узнавания визуальной информации интересовала Д. Н. Подвигину, В. К. Прокопеню, J. R. Rossiter, L. Percy.

Со стороны психофизиологии проблему появления реакций организма и активизации нейронов в ответ на стимул изучали П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров. С опорой на теорию функциональных систем анализировались результаты психофизиологических исследований с применением полиграфа А. В. Учаевым, Е. С. Исайчевым, С. А. Исайчевым.

¹ Merikle P. M., Smilek D., Eastwood J. D. Perception without awareness: perspectives from cognitive psychology // *Cognition*. 2001. Vol. 79. P. 115–134.

² Барабанщиков В. А. Системогенез чувственного восприятия. М.: МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. 550 с.

³ Субботский Е. В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007. 422 с.

Несмотря на проработанность целого ряда вопросов в данной проблемной области, изучение особенностей использования визуальных стимулов факторов риска при проведении СПФИ в рамках ППО требует научного внимания.

Объект исследования – проведение многотемного скрининга специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации

Предмет исследования – процедура применения визуальных стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Цель исследования – выявление особенности процедуры применения визуальных стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Достижение поставленной цели реализуется посредством решения следующих задач:

1. Уточнить понятие лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа.

2. Описать современные методы и инструменты выявления скрываемой информации; теоретические подходы к проведению специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа.

3. Раскрыть индивидуально-личностные особенности восприятия визуальных стимулов человеком.

4. Разработать, обосновать и апробировать визуальные стимулы факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в многотемном скрининге

специального психофизиологического исследования в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

5. Разработать рекомендации для психологов по использованию визуальных стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Общая гипотеза. Визуализация стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения способствует формированию представления, адекватного изучаемой теме, что влияет на степень выраженности физиологических реакций обследуемого в зависимости от имеющегося / не имеющегося в прошлом опыте противоправного деяния.

Частные гипотезы исследования.

1. Количество смысловых единиц в визуальных стимулах факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения зависит от степени абстрактности наименования фактора риска.

2. Представления сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации зависят от их социально-демографических характеристик, что проявляется в содержании смысловых единиц визуальных стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения.

3. Использование визуализации стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа позволяет уточнить результаты СПФИ.

Методологическую основу исследования составляют следующие теоретические подходы:

1. Теории полиграфа, объясняющие появление физиологических реакций в ответ на предъявление релевантных стимулов:

– однокомпонентные теории полиграфа: теория угрозы наказания (А. Моссо, П. Экман), теория конфликта (О. Липман, А. Р. Лурия), условно-рефлекторная теория (И. П. Павлов), теория активации (Д. Ликкен), теория психологической установки (Д. Н. Узнадзе, К. Бакстер), дихотомизационная теория (Г. Бен-Шахар, А. Либлих), теория количества информации, теория возвращения затруднений, теория новизны (Р. Хеслегрейв), теория целенаправленного тестирования памяти (Ю. И. Холодный), теория выявления в памяти следов преступлений (А. Krzyoecin), ориентационная теория (М. Кляйнер, Е. Н. Соколов), теория опроса (R. Nelson), теория важности значимой темы (А. Гинтон);

– мультикомпонентные теории полиграфа: информационная теория (П. В. Симонов), мотивационная теория (В. А. Варламов, Г. В. Варламов), теория направленной актуализации динамических личностных смыслов сознания (А. Н. Леонтьев, С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов, А. Ю. Бабилов), теория динамики активности внимания (А. П. Сошников, А. Б. Пеленицын), эмоциональная теория (С. В. Поповичев), мотивационно-адаптационная теория (Л. Г. Алексеев), теория дифференциальной выраженности (D. J. Krapohl, P. K. Show), теория предварительного процесса (R. J. Barry).

2. Психологические теории восприятия, послужившие основой для изучения механизма восприятия стимулов:

– гештальт-теория (М. Вертгеймер, В. Келлер, К. Коффка, К. Левин);
 – теоретические концепции Дж. Гибсона, Д. О. Хэбба, Е. Брюнсвика, Р. Баркера, Ж. Пиаже;

– теория перцептивных действий (Б. Ф. Ломов, В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилес, А. Л. Ярбус, Р. Хелд, Дж. М. Стрэттон, Р. Грегори, А. В. Запорожец, Л. Г. Ружская, В. Кёлер, И. Фолькельт, Б. Н. Компанейский и др.).

3. Теоретические подходы к изучению зависимости восприятия от индивидуальных различий:

– репрезентативных систем (А. Р. Лурия, Н. Линдгрэн, Г. Бейтсон, А. А. Бодалев, А. И. Навалихина, А. Н. Козловская, А. Н. Исупова, Д. Х. Хьюбел, Т. Н. Визел, О. А. Долгополова, М. А. Conway, L. Shams, В. П. Зинченко, Б. Г. Ананьев и др.);

– межполушарных дихотомий головного мозга (J. В. Tucker, N. А. Fox, R. J. Davidson, П. В. Симонов, М. Н. Фишман, М. Г. Михайлова, М. И. Зайченко, Е. Д. Хомская, О. В. Плебанек, С. С. Маклеод, Л. Пикок, О. Розенбах, Е. П. Кок, Б. С. Котик, Г. Уиткин, Л. А. Шмакова, В. Ю. Будилова, М. В. Хватова и др.).

4. Теоретические подходы к изучению представлений (С. Л. Рубинштейн, Б. М. Величковский, В. П. Позняков, Б. С. Алишев).

Интегративный подход, применяемый в исследовании, раскрывается в анализе теорий специального психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Изучение обследуемого на полиграфе лица посредством применения комбинированных методов выявления скрываемой информации отражает требования системного подхода (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия).

Деятельностный подход (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев) применяется при изучении представлений сотрудников ОВД посредством экспликации текста (наименований) факторов риска в визуальные изображения.

Исследование реализовывалось с применением качественного подхода (В. В. Семенова, А. Шютц, Р. ДеПауло, Б. Глезер, А. Страусс, Е. Ковалев, И. Штейнберг, М. Маршалл), объясняющего критерии выбора респондентов для изучения представлений сотрудников ОВД, проведения группового фокусированного интервью психологов и СПФИ кандидатов на службу в ОВД.

Методы исследования. *Теоретические методы:* анализ научной литературы в области психологических, нейропсихологических, физиологических, психофизиологических, нейробиологических исследований; сравнительно-сопоставительный анализ (позволил определить основные понятия, используемые в исследовании), классификация (применялась для

изучения теоретических воззрений, способствующих раскрытию изучаемой проблемы), индукция и дедукция (позволили осуществить анализ теоретических взглядов в области СПФИ, а также анализ результатов изучения представлений сотрудников ОВД), обобщение (способствовало формулированию основных положений исследования). *Эмпирические методы:* констатирующий эксперимент, метод опроса, проективный метод, герменевтический анализ, анализ документов, анализ продуктов деятельности (позволили изучить представления сотрудников ОВД относительно факторов риска для формирования визуальных стимулов), метод фокус-группы (использовался для подтверждения соответствия смысла наименования факторов риска и сформированных визуальных стимулов), метод СПФИ (позволил осуществить исследование с применением визуальных стимулов факторов риска в отношении кандидатов на службу). *Методы обработки данных:* методы описательной статистики, математической статистики Хи-квадрата Пирсона, частотный анализ смысловых единиц изображения, качественно-количественный анализ данных, тест Колмогорова – Смирнова, коэффициент корреляции Спирмена, т-тест Уилкоксона, контент-анализ. Математическая обработка результатов проводилась с использованием программы MS Excel. Обработка результатов СПФИ осуществлялась посредством автоматической и метрической оценок, разработанных специальной компьютерной программой для полиграфов модели «Диана-07 ПК» (Россия).

Научная новизна. Предложен новый научно обоснованный подход к проведению СПФИ в рамках ППО, включающий использование визуальных стимулов факторов риска в многотемном скрининге. Описан комплексный подход в обосновании выраженности физиологических реакций обследуемого на стимул, имеющий для него значение¹. Разработаны и апробированы визуальные стимулы факторов риска для многотемного скрининга СПФИ. Разработан и внедрен метод обработки результатов изучения представлений сотрудников

¹ Далее – релевантный стимул.

ОВД относительно факторов риска – частотный анализ смысловых единиц изображения. Выявлена зависимость изображения / не изображения конкретных смысловых единиц в визуальных стимулах факторов риска от социально-демографических характеристик сотрудников ОВД. Установлена роль визуальных стимулов факторов риска в уточнении результатов СПФИ. Выявлена связь использования визуальных стимулов факторов риска в многотемном скрининге СПФИ с формированием у обследуемого представлений, адекватных изучаемой теме, что влияет на степень выраженности физиологических реакций обследуемого в зависимости от имеющегося / не имеющегося в его прошлом опыте противоправных деяний, что находит отражение в повышении или понижении степени выраженности физиологических реакций.

Положения, выносимые на защиту.

1. В рамках СПФИ при отборе кандидатов на службу в ОВД под ложью понимается акт межличностной коммуникации, выражающийся в сознательном сокрытии обследуемым хранящейся в памяти информации с целью получения личной выгоды в виде приема на службу. Сокрытие потому, что на этапе тестирования сознательно произнося «нет», а думая «да», лицо скрывает информацию, что признается ложью. Хранящейся в памяти потому, что специалист изучает именно хранящуюся в памяти человека информацию, которая может не соответствовать по причине добросовестного заблуждения или нормального обмана воспоминаний имевшей место действительности.

2. К визуальным стимулам факторов риска в рамках СПФИ относятся зрительные изображения в виде текста, рисунка, образа, знака, символа, которые способствуют формированию целостного образа изучаемого фактора риска. Визуальный стимул содержит смысловые единицы зрительных изображений, отражающие текстовую информацию (наименование) соответствующего фактора риска, обладает универсальным характером, значим для каждого лица, причастного к противоправному деянию и имеет составляющие триады (знак – то, что можно интерпретировать; объект – предмет знака; интерпретанта –

значение знака). Визуальный стимул должен иметь такие составляющие триады, чтобы значение знака соответствовало значению фактора риска, а смысл визуального стимула был идентичен как для полиграфолога, так и для обследуемого.

3. Совместное использование аудиальных и визуальных стимулов факторов риска в многотемном скрининге СПФИ при отборе кандидатов на службу в ОВД позволяет активировать обе модальности (слуховую и зрительную) и способствует формированию представления, адекватного изучаемой теме, что влияет на степень выраженности физиологических реакций обследуемого в зависимости от имеющегося / не имеющегося в прошлом опыте противоправного деяния, что находит отражение в повышении или понижении степени выраженности физиологических реакций.

Теоретическая значимость исследования. Уточнено понятие лжи в контексте проведения СПФИ кандидатов на службу в ОВД. Определены понятийные характеристики визуализации стимулов. Проанализированы, описаны и систематизированы отечественные и зарубежные подходы к выявлению скрываемой информации, индивидуально-личностные и психофизиологические особенности восприятия обследуемым визуальных стимулов. Изучены представления сотрудников ОВД относительно факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения. Определена и раскрыта роль визуальных стимулов факторов риска в проведении СПФИ. Полученные знания вносят вклад в область психологической науки, так как способствуют переосмыслению существующих подходов к проведению СПФИ в рамках ППО на службу в ОВД, а также открывают перспективу к дальнейшей научной проработке вопроса о возможности использования различных видов стимулов при проведении психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках уголовного судопроизводства.

Практическая значимость исследования. Определены психотехнологии формирования визуальных стимулов факторов риска. Адаптирована методика

многотемного скрининга СПФИ с использованием визуальных стимулов факторов риска, обеспечивающая получение отличных от классической методики результатов, определяющих дальнейшую стратегию полиграфной проверки, ведущую к более обоснованному принятию решения относительно наличия / отсутствия фактора риска. Данный инструментарий внедрен в деятельность психологов, занимающихся СПФИ в территориальных органах и образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации в 28 субъектах. Разработаны практические рекомендации для психологов, проводящих СПФИ, по использованию визуальных стимулов факторов риска.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования.

Положения и выводы, изложенные в диссертации, построены на основе всестороннего теоретического анализа изучаемой проблемы. Объект и предмет исследования рассмотрены с позиций различных областей науки: психологии, нейропсихологии, физиологии, психофизиологии, нейрофизиологии, нейробиологии, физики, анатомии, биохимии. Выборка исследования имеет научную обоснованность, соответствующую теоретическим воззрениям различных ученых, и осуществлена с применением качественного подхода. Результаты исследования при соблюдении определенных условий, коими являются все требования, предъявляемые к кандидату на службу в ОВД и организации внешних условий проведения СПФИ, идентичны во всех субъектах Российской Федерации, где проводилось исследование, что согласуется с основополагающими положениями отечественной и зарубежной науки.

Данные эмпирического исследования получены посредством применения методов математической обработки, программно-аппаратного комплекса, обеспечивающих репрезентативность и объективность полученных результатов, а также выявляющих закономерности между изучаемыми явлениями.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования прошли обсуждение и были одобрены на международных и всероссийских научно-

практических конференциях: Всероссийской научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» (Санкт-Петербургский университет МВД России, 29 октября 2021 г.), VI Международной научно-практической конференции «Профессиональное образование сотрудников ОВД. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы» (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 9–10 июня 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения» (Васильевские чтения – 2023) (Санкт-Петербургский университет МВД России, 20–21 апреля 2023 г.), VII Международной научно-практической конференции «Профессиональное образование сотрудников ОВД. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы» (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 15–16 июня 2023 г.), II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической психологии» (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, 28 сентября 2023 г.), V Всероссийском симпозиуме «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития (с международным участием), посвященном 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России, Рязань, 11–12 апреля 2024 г.).

Методика многотемного скрининга с использованием визуальных стимулов факторов риска для проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации апробирована в следующих субъектах Российской Федерации: Республике Башкортостан, Республике Крым, Чувашской Республике; Алтайском, Краснодарском, Хабаровском краях; Чукотском автономном округе; Архангельской, Белгородской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской,

Калининградской, Калужской, Кировской, Ленинградской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Новгородской, Ростовской, Саратовской, Томской, Тульской, Ульяновской, Ярославской областях, Москве, Санкт-Петербурге, что подтверждается 5 актами внедрения результатов научного исследования.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. Отдельным томом представлены приложения. Работа проиллюстрирована 49 рисунками, 20 таблицами. Текст диссертации изложен на 254 страницах, приложения – на 265 страницах.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДА РАСПОЗНАВАНИЯ СКРЫВАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ

1.1. Понятие лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа

В научном познании феномен лжи определяется неоднозначно, трактовка его понятия зависит от различных подходов исследователей и формирования в связи с этим многообразия взглядов. Изучением лжи занимались как древние мыслители, так и современники, представляющие различные области науки: философы, лингвисты, педагоги, социологи, юристы, психологи. Ученые классифицировали ложь по разным основаниям и критериям, что оказывало влияние на формулировку определения, ее признаки, отношение к ней с точки зрения нравственности и морали. Несомненно, такие разноплановые взгляды формируют наиболее полное понимание феномена лжи. Однако в настоящее время все актуальней становится проблема ее диагностики, особенно в рамках процессуальной деятельности и отбора на службу в ОВД. В связи с этим активно разрабатываются новые методы, способы распознавания скрываемой информации, в том числе с использованием искусственного интеллекта, не всегда имеющие высокую достоверность результатов. Для того, чтобы грамотно, эффективно и максимально достоверно диагностировать ложь, прежде всего необходимо четкое понимание этого феномена.

В словарях можно встретить различные определения лжи. В частности, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «ложь – это намеренное искажение истины, неправда, обман»¹. В Философском

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. С. 331.

энциклопедическом словаре ложь определяется как «заявление, рассчитанное на обман, когда говорящий умалчивает или искажает то, что он знает о рассматриваемом положении вещей, либо когда он знает нечто другое, чем то, что он говорит»¹. Педагогический терминологический словарь представляет ложь сознательным искажением действительности, уклонением от истины². Ложь, в отличие от заблуждения и ошибки, обозначает «сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине», – гласит Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона³. В Академическом словаре русского языка ложь интерпретируется как «неправда, намеренное искажение истины; обман»⁴. В Словаре психолога можно увидеть другое определение: «Ложь – феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей; чаще всего выражается в содержании речевых сообщений, немедленная проверка коих затруднительна или невозможна. Представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющий своей целью ввести реципиентов (слушателей) в заблуждение»⁵. В словаре В. И. Даля указывается, что «лгать – врать, говорить неправду, противное истине»⁶. В Словаре современного русского литературного языка определено, что «ложь – намеренное искажение истины; обман, неправда»⁷.

Христианский мыслитель и богослов Аврелий Августин вывел собственное понятие лжи, которое стало весьма распространенным: «Ложь – это сказанное с желанием сказать ложь»⁸. Изучая отношение церкви ко лжи в V веке,

¹ Губский Е. Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 247.

² Педагогический терминологический словарь. СПб.: Российская национальная библиотека, 2006. URL: <https://rus-pedagogical-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 05.02.2022).

³ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1896. С. 911.

⁴ Крысин Л. П. Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А–Вилять. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. 672 с.

⁵ Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. С. 185.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2006. С. 363.

⁷ Коротаяева Э. И., Омелянович-Павленко Л. В. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 6. М. ; Л.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1957. С. 331.

⁸ Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 11.

можно однозначно утверждать, что, по мнению ее представителя, ложь является грехом и не может быть оправдана ни при каких обстоятельствах. В своих трактатах «О лжи» и «Против лжи» известный мыслитель обстоятельно рассуждал о том, допустима ли ложь, результатом которой может быть большее благо. И его ответ был однозначно отрицательным. Он считал, что недопустимо совершать меньший грех, чтобы предотвратить больший, ведь лгущий будет расплачиваться за свою ложь вечно. В трактате «О лжи» епископ классифицировал ложь по степени ее тяжести по отношению к другим людям. Так, если ложь не наносит вреда окружающим, она считается менее тяжелой, самая тяжелая та, которая причиняет вред другим людям путем введения их в заблуждение¹. Однако, как уже было указано выше, Аврелий Августин считал ложь недопустимой ни при каких обстоятельствах.

Великий психолог и философ В. Штерн определял ложь «как сознательное, неверное показание, служащее для того, чтобы посредством обмана достичь определенных целей»². По его мнению, признаками лжи являются: осознанная ложность предоставляемой информации, намерение информатора обмануть собеседника и наличие мотивов и целей для обмана. В контексте изучения верности воспоминаний автор выделяет ложь грубо небрежную и патологическую. Он отмечает, что высокой степени субъективной уверенности соответствует высокая степень объективной неправды, то есть лжи. В. Штерн убежден, что какая-то часть неправды кроется в обмане воспоминаний, их погрешности и патологических изъянах памяти. Он разделил обман воспоминаний на нормальный и патологический. Нормальный обман воспоминаний необходимо учитывать воспринимающему информацию. Его причинами могут служить: неразвитая наблюдательность, бурная фантазия, чрезмерная эмоциональность, самовнушение или внушение извне. Для определения такого обманного воспоминания автор предложил сравнить

¹ Oeuvres de Saint Augustin. Problemes Moraux II. Paris: Desclee de Brouwer, 1948. С. 651–652.

² Иовчук М. Т., Ойзерман Т. И., Щипанов И. Я. Краткий очерк истории философии. М.: Мысль, 1981. С. 79.

воспоминание, которое может быть закреплено в памяти, с действительностью, например текст из книги или картину¹.

Немецкий психолог, ученик Штерна, О. Липман в своей психологической теории определил ложь как волевое действие, направленное на результат. По мнению автора, в сознании человека перед совершением действия происходит борьба между комплексами ложных и истинных представлений. Так как ложь изначально имеет желаемый результат, то и побеждает, после чего происходит действие человека, выражающееся во лжи. О. Липман, изучая ложь, приводит примеры нравственной лжи, которые по психологическим признакам ложью не являются. Так, если коммуникатор четко представляет правду, но постоянно произносит ложь, то вырабатываются так называемые штампы поведения, благодаря которым правда постепенно стирается из сознания. Другим примером является фантазирование с целью передачи окружающим своих субъективных переживаний. В указанных примерах отсутствуют психологические признаки лжи, которые определены автором, то есть нет признаков внутренней борьбы, поэтому такая информация не считается ложной.

К. Мелитан разделяет ложь на полную и неполную. Полная ложь – это замещение правдивой информации вымыслом, неполная – искажение правдивой информации. Полная ложь встречается достаточно редко, так как в ситуации уточнения информации лжец не сможет воспроизвести дословно вымышленную информацию, что влечет его разоблачение. Неполная ложь реализуется, по мнению автора, тремя способами: первый – опущение, то есть неполное изложение информации, второй – преувеличение, включающий создание специальных эффектов к повествованию, третий способ – приукрашивание, когда исключаются неприглядные факты и добавляются более привлекательные².

¹ Штерн В. Психология свидетельских показаний. Экспериментальные исследования верности воспоминания // Вестник права. 1902. № 2. С. 107–133; № 3. С. 120–149.

² Мелитан К. Психология лжи. М.: А. Сомов, 1903. 30 с.

Ж. Дюпра трактует ложь как «психосоциологический словесный, или нет, акт внушения, при помощи которого стараются, более или менее умышленно, поселить в уме другого какое-либо положительное или отрицательное верование, которое сам внушающий считает противным истине»¹. Ж. Дюпра определяет две главные формы лжи в виде способов внушения. Первый способ выражается в положительном внушении, включающим различные выдумки. Второй способ представлен автором как отрицательное внушение, то есть умалчивание, утайка, отрицание. Ж. Дюпра так же, как и другие исследователи, утверждал, что ложь в качестве внушающего воздействия может реализовываться как вербально, так и невербально².

Если рассматривать ложь без учета субъективного отношения к этому феномену, не учитывая морально-нравственную составляющую, а принимая во внимание только сам факт, можно согласиться с определением русского логика С. Поварнина: «...истина будет оставаться истиною, хотя бы ее произносили преступнейшие уста в мире; и правильное доказательство останется правильным доказательством, хотя бы его построил сам отец лжи»³. На наш взгляд, данное определение освобождает оценивающего ложь от стереотипов, но все же при оценке ложности информации необходимо учитывать личность говорящего и контекст ситуации.

Советский психолог А. Р. Лурия, занимаясь изучением лжи, пришел к выводу о том, что ложью является особое мышление, имеющее свои формы, правила и приемы. Человек, декларирующий ложь, мыслит по-особенному, руководствуясь определенными правилами, не применимыми к изложению достоверной информации. А. Р. Лурия в своих многочисленных научных публикациях изложил большой пласт результатов исследований, направленных на изучение мышления лгущего человека, и первым предложил все внутренние

¹ Дюпра Ж. Ложь. Саратов: Новь. П. С. Феокритова, 1905. С. 97.

² Дюпра Ж. Почему люди врут? [Звукозапись]: психосоциология лжи. М.: Ардис, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-DA): зв. диск: (274 мин.).

³ Поварнин С. Спор: О теории и практике спора. Пг.: О. Богданова, 1918. С. 73.

процессы, происходящие во время изложения ложной информации, соотносить с поддающимися наблюдению реакциями и записывать их. Таким образом, ученый внес большой вклад в создание психофизиологических методов диагностики лжи¹.

Л. Адам, изучая ложь в показаниях свидетелей, считает, что если человек о чем-то умолчал, скрыл какие-либо достоверные факты, то это не будет расцениваться как ложь: «Не всё, что есть правда, должно быть сказано, но всё, что сказано, должно быть правдой»². Автор тем самым констатирует, что сокрытие и умолчание информации при расследовании уголовных дел не входят в категорию лжи.

Немалый интерес представляют и рассуждения о лжи И. Канта. Автор, во-первых, дал определение понятию «ложь», а во-вторых, отчетливо выразил неприемлемость лжи как к окружающим, так и к самому себе. Ложь в отношении самого лгущего И. Кант разделил на внешнюю, которая вызывает презрение к лгущему человеку, то есть к самому себе, и внутреннюю, унижающую и уничтожающую достоинство человека к себе. Величайший мыслитель эпохи Просвещения считал, что человек, который умышленно говорит неправду, то есть произносит противоположность тому, о чем думает, не способен целесообразно выражать свои мысли, а, следовательно, отказывается от своей личности. Таким образом, внутренняя ложь, по мнению автора, самая разрушительная, уничтожающая личность и вызывающая презрение к самому себе. Философ считал неприемлемой ложь даже с благими намерениями, приводя поясняющие примеры в своей работе «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Какими бы добрыми ни были намерения, человеку непременно придется отвечать перед судом за все последствия лжи, потому что правдивость является священной заповедью разума, которая не может быть ограничена

¹ Доклад, прочитанный на заседании семинария при Лаборатории экспер. психологии Моск. Губпрокуратуры и в Секции угол. права Ин-та сов. права. См.: Лурия А. Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. 1927. № 2 (26). С. 84–100.

² Липманн О., Адам Л. Ложь в праве. Харьков: Юрид. изд-во Украины, 1929. С. 26.

никакими внешними требованиями и исключениями. Он определяет ложь следующим образом: «умышленно неверное показание против другого человека»¹.

Х. Вайнрих в своей работе «Лингвистика лжи» перевел определение лжи, указанное в псалме, следующим образом: «человек есть существо, способное лгать»². Это определение, по мнению автора, имеет такую же точность, как и то, что человек способен думать, говорить и смеяться. Несмотря на изучение автором лжи с точки зрения коммуникативной модели, все же можно проследить его отношение к этому феномену. Рассуждая о лжи во многих жизненных сферах, он утверждает, что невозможно разделить информацию на правдивую и ложную, так же, как и невозможно разделить однозначно черное и белое. Существует огромное количество цветовых оттенков, и имеет место наличие разных мелких отклонений от истины, которые очень трудны к распознаванию и этим очень опасны.

Т. В. Сахнова дает определение обману с процессуальной позиции: «Обман – сознательное создание ложного представления о тех или иных обстоятельствах действительности в сознании другого субъекта»³.

Российский психолог В. В. Знаков в фундаментальных исследованиях феномена лжи использовал такие определения, как обман, полуправда, ложь, и их антиподы – истина и правда, которым дал достаточно четкие определения и разграничил их понятия. Так, по мнению автора, обманом будет являться полуправда, на основании которой принимающая информацию сторона сделает ошибочные выводы. Полуправдой автор считает незначительные подлинные факты в контексте всей информации и недоговоренные важные факты, необходимые для понимания целого. Не любая полуправда считается обманом, их различие зависит от цели сообщающего информацию. Неправдой автор

¹ Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 292–297.

² Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. ст. М.: Прогресс, 1987. С. 44–87.

³ Сахнова Т. В. Зачем суду психолог? (О психол. экспертизе в гражд. процессе). М.: Знание, 1990. С. 80.

считает информацию, основанную на заблуждении или недостаточном владении информацией. Он разграничил логическое понятие истины и психологическое понятие правды, считая второе более емким. Правда относится непосредственно к межличностным контактам и реализуется в них, а истиной может быть часть правды в контексте межличностного контакта. В части правды может быть полностью выражена истина. В. Знаков рассматривает отношение ко лжи с двух позиций. С логической позиции любая информация, содержащая искаженные факты, по мнению автора, является ложью, то есть принимается во внимание сам факт лжи независимо от волеизъявления говорящего. С психологической позиции это утверждение не совсем правильно, не точно, не полно. Например, сказав правду с целью ввести в заблуждение оппонента, говорящий будет считаться лжецом. Поэтому В. Знаков, как и В. Соловьев, считает необходимым проводить целостную оценку ситуации с целью определения ее ложности. Для этого будет необходимым и достаточным наличие сознательного искажения фактов или уверенности в том, что произносимая информация ложна. Значит, даже если говорящий произносит правду, но думает, что лжет, его сообщение будет расцениваться как ложное. В своих работах В. Знаков упоминал о ситуациях, в которых людям просто необходимо лгать, приводя в пример психологов, ставящих эксперименты. Отсутствие лжи приведет к невозможности проведения эксперимента. Соответственно решение солгать зависит не только от личности, но и от ситуации. Ложь В. Знаков определяет как «сознательное искажение знаемой субъектом истины»¹.

Русский философ И. А. Ильин так же, как А. Августин и И. Кант, рассматривает проблему лжи с нравственной точки зрения. Однако в его рассуждениях прослеживаются значимые отличия от мнения А. Августина. Так, по мнению автора, ложь во имя спасения жизни, с целью сострадания или любви не может быть названа ложью. Автор книги «О лжи и предательстве»

¹ Знаков В. В. Классификация психологических признаков истинных и неистинных сообщений в коммуникативных ситуациях // Психологический журнал. 1999. № 2. С. 54–64.

разграничивает понятия «ложь» и «неправда». Он считает, что добросовестно ошибающийся человек говорит неправду, а не лжет. И. А. Ильин, как и А. Августин, отмечает, что истинной природой лжи является сам человек. Ложь рождается в духовно-религиозном центре личности и необязательно должна быть озвучена. Ее внутренняя разновидность имеет ядовитейшую сущность, а слово – это всего лишь последствия молчаливой лжи, отражающейся в нем¹.

Доктор философских наук Б. С. Шалютин в своей статье «Человек лгущий» не только раскрывает понятие лжи, но и пытается дать объяснение негативной нравственной природе этого феномена. С точки зрения данного автора, ложью является оказываемое на оппонента характерное воздействие через процесс коммуникации. Источником возникновения лжи, по его мнению, является природная раздвоенность человека. Так, любой индивид одновременно и личность с индивидуальными особенностями, и просто человек разумный. Правила поведения, принятые в обществе, существующая внутренняя и внешняя цензура не дают возможности проявлению всех истинных желаний индивида, а сокрытие и утаивание информации имеет, как определяют многие ученые, прямое отношение ко лжи. Тело человека также может лжесвидетельствовать, когда его мысли не соответствуют ситуации, в которой находится его тело. Философ в своих рассуждениях затронул и самообман как атрибут бытия индивида. По мнению автора, истоки самообмана также кроются в двойственной природе человека, в необходимости, например, играть различные социальные роли².

А. Р. Ратинов, занимаясь вопросами изучения лжи в свидетельских показаниях, во-первых, дал определение этому понятию в самом общем смысле, во-вторых, разделил его на две разновидности – заведомая ложь и добросовестное заблуждение. С этической и правовой точки зрения не всякое суждение, которое противоположно истине, будет ложью, оно лишь намеренное

¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Русская книга, 2002. С. 404–424.

² Шалютин Б. С. Человек лгущий // Человек. 1996. № 5. С. 151–159.

неверное утверждение, вводящее адресата лжи в заблуждение для извлечения собственной выгоды. А. Р. Ратинов обращает внимание на недостаточную точность понятий «ложность» и «искренность», «истинность» и «заблуждение» и считает, что этот факт значительно затрудняет выявление действительности произошедшего события. По мнению автора, согласно общему представлению «ложь – это несоответствие между тем, что субъект (информатор, коммуникатор, корреспондент) сообщил, высказал, заявил, показал, и тем, что он действительно знает, думает, считает или чувствует»¹.

В юридической практике добросовестное заблуждение становится очень большой помехой в выявлении истины расследуемого события и достаточно трудно поддается распознаванию. Так, в ситуации расследования уголовных дел, например, добросовестно заблуждающейся человек, явившейся с повинной, может быть осужден и привлечен к ответственности без квалифицированной диагностики самообмана, коей, по нашему мнению, является в том числе проведение СПФИ. «Особенность... в подобных ситуациях заключается не только в проверке достоверности показаний (в данном случае – признание вины в совершенном преступлении), но и в проверке различных обстоятельств совершенного преступления... а также источника информации о совершенном преступлении»², что может послужить отправной точкой иного направления расследования. В практике ППО добросовестное заблуждение без осуществления уточняющей диагностики может сыграть определенную роль при принятии кадрового решения. В подобной ситуации сам субъект оказывается обманутым по причине как особенностей протекания собственных познавательных процессов, так и навязанному мнению извне.

Г. Грачев и И. Мельник считают наиболее применимым термин «неискренность» во всех случаях, когда происходит целенаправленное

¹ Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Юридическая психология. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1998. 124 с.

² Арефьева О. В., Соловьева Н. А. Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа как средство профилактики следственных ошибок // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 70–78.

искажение информации человеком. Они убеждены, что смыслообразующий компонент, цель субъекта лжи, его полученный результат необходимо оценивать с позиций существующего в реальности социума. Примером является положительная социальная оценка лжи субъектов определенных профессий, в которых ложь выступает неотъемлемой составляющей их профессиональной деятельности и имеет целью, в отличие от преступников, выполнение социального заказа, а не получение личной выгоды¹.

Р. М. Краусс, исследовавший проблемы социальной психологии языка и общения, впервые обратил внимание на обязательный компонент в определении обмана, коим является преднамеренность сообщения ложной информации. При отсутствии этой составляющей, по его мнению, человек не является лжецом, он ошибается. В своих рассуждениях он не разграничивал понятия лжи и обмана, выдавая их за синонимы, а основными признаками обмана считал: формирование у обманываемого лица убеждения, осведомленность обманывающего об ошибочности этого убеждения, умышленность совершения обмана. Автор уделил внимание и видам обмана, обозначив невербальный обман и пассивный, то есть умалчивание. Сарказм Краусс не относил ко лжи. Таким образом, обман – это «успешная или безуспешная намеренная попытка, совершаемая без предупреждения, сформировать у другого человека убеждение, которое коммуникатор считает неверным»².

Р. Митчелл предлагает достаточно общее определение обмана: «ложная коммуникация, предположительно приносящая пользу коммуникатору»³.

Автор книги «Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи» О. Фрай провел анализ понятий лжи, высказанных разными авторами, уточнил и конкретизировал понятия лжи Р. Митчелла и П. Экмана. По мнению О. Фрая, существуют некоторые ситуации, когда неправдивую

¹ Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: ИФРАН, 1999. 230 с.

² Фрай О. Детекция лжи и обмана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. С. 6.

³ Кавецкий И. Т., Беляев С. А. Социальная психология. Минск: МИУ, 2009. С. 20.

информацию нельзя назвать ложью. Так, человек, ошибочно не сообщающий истину, на самом деле не лжет, а ошибается, ибо сам верит в то, что произносит. Кроме того, саркастические замечания в адрес собеседника также не будут являться ложью потому, что коммуникатор не имеет намерения обмануть своего партнера по общению. Описывая истинную ложь, О. Фрай считает, что этот феномен может быть и бессловесный. Так, притворяющийся человек, демонстрирующий свое состояние невербальным способом, является, по мнению психолога, лжецом. Неудачные попытки лжи должны быть квалифицированы как ложь несмотря на то, что ввести в заблуждение человека не удалось. В своем научном бестселлере О. Фрай рассуждал и о самообмане как одной из разновидностей лжи, с помощью которого человек пытается «самооправдаться». Он сформулировал собственное определение: «Ложь – это успешная или безуспешная намеренная попытка, совершаемая без предупреждения, сформировать у другого человека убеждение, которое коммуникатор считает неверным»¹.

Ж. Мазип определил ложь следующим образом: «Обман (или ложь) – намеренная попытка (успешная или нет), скрыть и/или сфабриковать (манипулировать) фактическую или/и эмоциональную информацию, устными или/и невербальными средствами, чтобы создать или поддержать в другом или в других веру, которую сам коммуникатор считает ложной»².

Профессор В. В. Васильев в своих рассуждениях не согласился с И. Кантом о неприемлемости лжи во благо других людей, так как, по мнению автора статьи «Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь», одним из основных принципов теории Канта является принцип содействия счастью людей, следовательно, ложь, которая не причиняет вред обществу, вполне может быть дозволена и оправдана³.

¹ Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. С. 16–18.

² Служаева В. Ю. Гендерная мотивация психологии лжи в подростковом и юношеском возрасте // Вестник магистратуры. 2014. № 3 (30). Т. 1. С. 105–109.

³ Васильев В. В. Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь // Логос. 2008. № 5 (68). С. 144–150.

Н. В. Крогиус в своей работе «Правда о лжи. Проблема рефлексии» также затрагивает моральный аспект этого феномена. Он определил ложь как социальное явление, существующее только при межличностном взаимодействии, в отличие, например, от древних философов, утверждающих, что природой лжи является внутренняя составляющая, необязательно выражающаяся вовне. Кроме того, она отлична от заблуждений и ошибок и является порождением логики, то есть, можно сказать, умысленным актом. В своей работе он не соглашается с мнением других ученых о том, что ложь можно разделить на праведную и неправедную, ибо никакая ложь не может быть оправдана и с ней надо бороться. Н. В. Крогиус затронул и психологические аспекты лжи в виде ее зависимости от личности лгущего, от сложившейся ситуации лжи, характера ситуации, соотношения правды и лжи в высказываниях. Автор предложил разделить всех людей на две категории: первая категория считает, что ложь служит необходимым инструментом цивилизованного общения, вторая – придерживается общечеловеческого морального императива. Он определяет: «Ложь – преднамеренное неверное утверждение, с помощью которого человек вводит других в заблуждение, стремясь достичь осуществления каких-либо собственных целей»¹.

Русский философ В. Соловьев изучал понятие лжи в контексте конкретного примера – вопроса убийцы, разыскивающего свою жертву. Мыслитель в рассуждениях о нравственности пришел к выводу: люди, которые лгут ради собственного тщеславия, материальной выгоды, а также с целью обиды ближних, однозначно подлежат нравственному осуждению. Он разделил понятия ложного и лживого. Показанный автором пример ложного ответа, выражающийся в сокрытии жертвы от преступника, ни в коей мере не может подлежать нравственному осуждению, а вот лживость, по мнению русского философа, подлежит осуждению по причине безнравственного намерения. В. Соловьев считает, что каждую ситуацию необходимо рассматривать в целостности и

¹ Крогиус Н. В. Правда о лжи: проблема рефлексии // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9, № 5 (68). С. 105–110.

внутреннем смысле, не отделяя факт лжи от сложившейся обстановки и человека. Автор дал формальное определение лжи: «противоречие между чьим-то высказыванием о факте и действительным существованием факта»¹.

Один из ведущих ученых XX века, исследующих феномен лжи, П. Экман не разделял понятия «ложь», «обман», «неправда», как это делали другие философы и исследователи, а считал их синонимами. В своей книге «Психология лжи. Обмани меня, если сможешь» он четко определяет, что в ситуации лжи необходимо принимать во внимание не только лгущего человека и осознающего это, но и того, кому адресована эта ложь, то есть ложью признается та ситуация, когда лгущий человек без уведомления оказывает определенное воздействие на своего оппонента в виде сообщения ложной информации. Автор считает, что не все ситуации обмана могут быть таковыми. Например, актеры, демонстрирующие различные роли, неудачные советчики чего-либо, самообманщики не будут, по мнению П. Экмана, лжецами. В отличие от древних мыслителей великий психолог в своих рассуждениях констатировал, что ложь может быть как оправданной, так и неоправданной. Он разделил обман на два вида: умолчание и искажение. Ссылаясь на Майкла А. Хандела, автор соглашается с ним в определении лжи, коей является «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды»². Однако большую часть своих исследований П. Экман посвятил распознаванию лжи.

В контексте изучения темы исследования считаем необходимым проанализировать понятия лжи, данные современными отечественными полиграфологами.

Отечественный психолог и полиграфолог Ю. И. Холодный определил различия между обманщиком и лжецом, делая акцент именно на

¹ Соловьев В. Оправдание добра. М.: Ин-т русской цивилизации: Алгоритм, 2012. С. 42–44.

² Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010. 196 с.

коммуникаторах, а не самих определениях. Он считает, что психологически более комфортно чувствует себя обманщик, лжец же оказывается в менее комфортных условиях. Так, во-первых, обманщик ничего не выдумывает, и поэтому ему не нужно запоминать вымышленное при повторном изложении. Во-вторых, у обманщика нет необходимости детализировать излагаемую информацию, и поэтому при ряде уточняющих вопросов он не ошибается. В-третьих, обманщик всегда может сослаться на плохую память, например, чтобы не быть изобличенным как злостный лжец. В-четвертых, с моральной точки зрения обманщик не совершает ничего предосудительного, особенно если говорит полуправду. Рассуждая об отношении к феномену лжи, Ю. И. Холодный отмечает, что ложь настолько вжилась в бытность людей, что стала неотъемлемой ее частью. Полную искренность автор предлагает считать патологией. В связи с этим он обозначил, что грань между правдой и ложью очень тонка, и при их диагностике в обязательном порядке необходимо оценивать ситуацию в целом. Ложь, по его мнению, «представляет собой осознанный продукт речевой деятельности субъекта, имеющий своей целью ввести в заблуждение»¹ партнера по общению.

Российские полиграфологи, авторы академического курса по проведению СПФИ, С. И. Оглоблин и А. Ю. Молчанов, указывают, что ложь включает в себя два компонента: информационный и коммуникативный. Первый компонент определяет ложь как продукт, искажающий действительность вербальной или невербальной деятельности, осуществляемый осознанно и имеющий своей целью ввести в заблуждение реципиента. Второй компонент интерпретирует ложь как сознательную деятельность говорящего по доведению сведений, не соответствующих действительности, до принимающего информацию с целью создания неверного представления о подлинных обстоятельствах. Авторы уточняют сущность понятия «ложь», реализуемого посредством правды, указывая, что

¹ Холодный Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность: справочная информация и рекомендации. М.: Изд. дом «Мир безопасности», 1998. 95 с.

изложение правдивой информации с целью обмануть оппонента является целым искусством, требующим от лжеца актерских способностей, высокого самообладания¹ и, на наш взгляд, эмоционального интеллекта. Ведь необходимо так изложить правдивую информацию, чтобы принимающая информация сторона сделала ошибочные выводы. Данная разновидность лжи может иметь место и при проведении СПФИ в рамках приема на службу.

Российский полиграфолог, директор Школы детекции лжи В. В. Коровин, исследуя феномен лжи, подверг сравнению мимикрию, то есть структурную ложь, а также обманное поведение у животных и ложь человеческую в виде сокрытия и фальсификации. Он считает ложь сложным психологическим феноменом, который является природным механизмом защиты, встроенным буквально во все процессы межличностной коммуникации. Автор назвал лжецом такого человека, который делает это осознанно, то есть четко понимает, что говорит ложь, а не правду. Это понятие он определил в контексте изучения следствия этого действия, то есть психофизиологических и других признаков неискренности. Именно в этом случае, считает В. Коровин, термины «ложь», «неискренность», «обман» можно назвать идентичными. Однако он разделяет ложь на сокрытие и фальсификацию. Сокрытие труднее в распознавании потому, что вызывает у лжеца минимум напряжения и интеллектуальных усилий, чем фальсификация. Кроме того, автор определяет подготовленную ложь и неподготовленную. Подготовленная ложь по тем же причинам, что и сокрытие, труднее диагностируется. Кроме того, В. Коровин в зависимости от каналов воспроизведения информации разделяет ложь на вербальную и невербальную, которые выявляются различными способами².

Таким образом, одни мыслители не разграничивают понятия «ложь», «обман», «неискренность», «неправда», считая их синонимами, другие видят в этих определениях принципиальную разницу, полагая, что не каждый обман или

¹ Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль: Нюанс, 2004. 464 с.

² Коровин В. В. Как распознать лжеца и ложь. М.: Перо, 2021. 234 с.

неправда являются ложью. Следует отметить, что, с одной стороны, данное разделение не играет первостепенной роли в ППО, в частности при проведении СПФИ, так как в процессе осуществления указанного мероприятия выявляются ситуации, имеющие место в памяти человека и являющиеся значимыми для него, и не важно, как он эти ситуации будет озвучивать, посредством лжи или обмана. Но, с другой стороны, учитывая определение И. А. Ильина, что человек, добросовестно ошибающийся, говорит неправду, а не лжет, произносимая неправда может оказать негативное воздействие на принятие решения о приеме кандидата на службу.

Так, в практике автора имела место ситуация добросовестного заблуждения, по мнению И. А. Ильина, неправды, когда кандидат, будучи уверенным в том, что употреблял наркотик в виде сигареты, полученной от незнакомого человека, ощутил необычное состояние сознания и поэтому решил, что это был наркотик. Соответственно все физиологические реакции организма на этот стимул были выражены¹.

Некоторые исследователи считают зерном зарождения лжи внутреннюю составляющую человека, формирующуюся в его сознании и не всегда транслируемую вовне, другие полагают, что ложь является непосредственно коммуникативным актом, социальным явлением, проявляющимся в вербальном или невербальном взаимодействии людей. В рамках изучения нашей темы можно констатировать, что ложь нам интересна как коммуникативный процесс, выражающийся в межличностном взаимодействии. Одни авторы любые проявления лжи, независимо от цели, считают нравственно наказуемыми и недопустимыми, другие выделяют ложь, которая все же допустима в целях выполнения социального заказа в процессе реализации профессиональной деятельности или, например, предотвращения преступления. Мы считаем, что в

¹ Арефьева О. В. Теоретические подходы к определению лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 215–225.

рамках проведения ППО ложь со стороны кандидата недопустима при обсуждении вопросов, касающихся факторов риска, определенных постановлением Правительства Российской Федерации¹. Однако кандидат, невзирая на нравственную составляющую, может формулировать свой ответ посредством лжи, неправды, неискренности, обмана. Задачей специалиста в такой ситуации будет выявление непосредственного или опосредованного отношения кандидата к изучаемым факторам риска.

На основании рассмотрения и анализа подходов к определению понятия лжи различных исследователей в рамках данной работы в контексте проведения СПФИ при ППО под ложью мы понимаем акт межличностной коммуникации, выражающийся в сознательном сокрытии обследуемым лицом информации, хранящейся в памяти, с целью получения личной выгоды в виде приема на службу. Хранящейся в памяти потому, что специалист изучает именно хранящуюся в памяти человека информацию, которая может не соответствовать по причине добросовестного заблуждения или нормального обмана воспоминаний имевшей место действительности. Сокрытие потому, что на этапе тестирования в процессе проведения СПФИ все ответы обследуемого лица должны быть либо «да», либо «нет», следовательно, произнося «нет», а думая «да», лицо скрывает информацию, причем происходит это сознательно. Несмотря на утверждение Л. Адам о том, что сокрытие информации не является ложью, все же, на наш взгляд, в рамках проведения СПФИ сокрытие информации следует признать ложью².

Хотя в определении различными авторами понятия лжи есть отличия, все же практически все считают ложь сознательным действием, целенаправленным искажением, намеренной попыткой, связанной с желанием, преднамеренным утверждением, осознанным продуктом. Все эти характеристики имеют схожий

¹ Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 (ред. от 06.03.2015).

² Арефьева О. В. Указ. соч. С. 222.

смысл. Кроме того, многие сходятся во мнении о том, что ложь реализуется без предупреждения принимающего информацию. Этот факт является главенствующим в контексте изучения нашей темы.

Анализируя работы многих исследователей, можно констатировать, что в современном обществе ложь – очень распространенный феномен, который стал неизбежным спутником жизнедеятельности человека. Так, Ю. И. Холодный предлагает считать патологией полную искренность. А. М. Петров и С. Г. Мягих находят попытки исключить из жизни ложь утопичными, психологически неверными и бесперспективными. Б. Де Пауло своим экспериментом доказала, что ложь широко распространена в социальной жизни людей и включает в себя многочисленное количество способов ее реализации вовне. По ее мнению, каждый человек ежедневно прибегает ко лжи немалое количество раз¹. А. Н. Тарасов, ссылаясь на мнение П. Экмана о допустимости лжи глав государств при выполнении своих обязанностей, определил, что ложь конвенциональна, то есть соответствует принятым в конкретном обществе традициям, обычаям, правилам и нормам поведения.

Итак, соглашаясь с мнением Н. В. Крогиуса, возможно разделение людей на две категории: первая – те обследуемые, которые будут чувствовать себя в ситуации лжи психологически менее комфортно, вторая – те обследуемые, для которых ложь является необходимым инструментом цивилизованного общения, а, следовательно, физиологические реакции организма у первой категории людей, вероятнее всего, будут более выраженными. Поэтому данный факт нужно учитывать при проведении СПФИ².

¹ Lying in everyday life / B. M. DePaulo [at al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70, № 5. P. 979–995.

² Арефьева О. В. Научные подходы исследования на полиграфе кандидатов на службу в ОВД // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя) : сб. науч. трудов VI Междунар. конф., 9–10 июня 2022 г. / сост. В. Н. Дружинина, Д. В. Русецкая. М.: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 30–36.

1.2. Современные методы и инструменты выявления скрываемой информации

Неотъемлемое существование лжи в нашей жизни влечет и необходимость ее распознавания. Прежде всего проблема выявления лжи стоит перед специалистами, занимающимися раскрытием преступлений. С древнейших времен общество стремилось отыскать отличия истины от обмана в словах людей, обвиняемых в совершении преступлений. В течение столетий было проверено множество изобретательных способов проверки истины и раскрытия обмана, отдельные из которых были по-настоящему необычными либо даже безжалостными.

Например, в Древнем Китае подозреваемому в совершении преступления в рот помещали горсть сухого риса, с которой он выслушивал обвинение. Если рис во рту оставался сухим, значит, подозреваемый признавался виновным, так как человек, причастный к преступлению, боится разоблачения, что отражается на прекращении выделения слюны.

В Древней Индии для подозреваемого устраивали испытание, которое заключалось в озвучивании слов, каким-либо образом связанных с преступлением. Подозреваемый должен был ответить таким словом, которое ассоциировалось у него с озвученным и одновременно ударить в гонг. Считалось, что значимое для него слово побуждало сильнее ударить в гонг.

В Африке предлагалось подозреваемым в совершении преступления передавать друг другу птичье яйцо. Так как скорлупа яйца была очень нежной и хрупкой, считалось, что виновный не выдержит такого испытания и обязательно раздавит яйцо, потому что мышцы начинают сокращаться и напрягаться. Основываясь именно на этих фактах, в XIX веке Анджело Моссо разработал и применил на практике так называемый плетизмограф (прибор для измерения кровенаполнения сосудов и изменений пульса). Ученый определил, что

предъявление обследуемому изображений, внушающих страх, отражается на частоте сердцебиения обследуемого¹.

Проблема выявления скрываемой информации и в современной действительности остается актуальной. Ученые посредством многочисленных экспериментов пытаются найти эффективные методы диагностики лжи, причем в решении данной проблемы задействованы различные области науки: психология, физиология, социология, юриспруденция, филология и другие.

Однако на сегодняшний день мы не можем с полной уверенностью утверждать о наличии метода, имеющего стопроцентную достоверность. Скорее всего, такого результата достичь невозможно, но приблизиться к нему вполне вероятно.

В данном параграфе мы проанализируем существующие методы диагностики лжи для выявления наиболее эффективного, способствующего качественному выявлению скрываемой информации, приближенного к стопроцентной достоверности.

Выявление скрываемой информации может осуществляться двумя способами: с помощью специальной аппаратуры (инструментальные методы выявления скрываемой информации) и без таковой (неинструментальные методы выявления скрываемой информации).

Инструментальные методы выявления скрываемой информации.

Современные методы выявления скрываемой информации, преимущественно аппаратные, имеют не столь продолжительную историю и начали использоваться сравнительно недавно. Одним из первых применил прикладной психофизиологический метод с использованием аппаратуры Чезаре Ломброзо. Его успешное исследование, результатом которого явилось оправдание невиновного и изобличение виновного в преступлении, показало результативность метода, который на протяжении нескольких десятков лет эффективно применялся для определения лжи. Позже начали появляться иные методологические подходы в диагностике лжи.

¹ Джемс В. Научные основы психологии. СПб.: С.-Петербург. электропечатня, 1902. С. 99.

Актуальным сегодня является метод электроэнцефалографических исследований, с помощью которого можно отследить реакции головного мозга на предъявляемые стимулы. Ученые Научно-исследовательского института имени П. К. Анохина предложили создать своеобразный детектор лжи, основанный на анализе психической деятельности головного мозга. По мнению авторов проведенного исследования, психическая деятельность мозга при осознании визуального изображения отражается в альфа-диапазоне ЭЭГ. Так, при неоднократном предъявлении визуального стимула утрачивается его осмысление, и альфа-ритмы головного мозга не меняются, в то время как при восприятии и осмыслении картинки происходит резкое падение активности альфа-ритмов. Таким образом, если предъявляемый визуальный стимул является значимым, происходит резкое угасание альфа-ритмов и человек переходит в возбужденное состояние с преобладанием иных активных ритмов. На основе полученных результатов исследователи сделали предположение о том, что психическая деятельность мозга во время ложного ответа отличается от психической деятельности при воспроизведении правды¹.

Ряд исследований с целью распознавания скрываемой информации проведен путем анализа термографии, который показал достаточно хорошую результативность. Зарубежные ученые-исследователи в результате проведенного эксперимента по инсценировке преступления обнаружили повышение температуры периорбитальных областей при ложных показаниях виновных. Ученые установили факт повышения температуры вокруг глаз при обмане в 87,2% случаев. Поллина с соавторами пришли к выводу, что при сознательном искажении информации повышение температуры наблюдается в правом

¹ Юматов Е. А., Сушкова Л. Т. Объективная регистрация психической деятельности мозга человека на основе вейвлетного анализа электроэнцефалограммы // Биология и интегративная медицина. 2024. № 3 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-registratsiya-psihicheskoy-deyatelnosti-mozga-cheloveka-na-osnoveveyvletnogo-analiza-elektroentsefalogrammy> (дата обращения: 11.08.2024).

полушарии головного мозга¹. Термометрические исследования продолжили М. С. Панасити, Д. Кардоне, Э. Ф. Павоне, А. Манчини, А. Мерла и С. М. Аглиоти. Авторы резюмировали, что изменение температуры некоторых частей лица связано с переживанием определенных эмоций, а также с подготовкой и воспроизведением ложного ответа. Таким образом, по мнению ученых, решение лгать или говорить правду активирует симпатическую нервную систему. Однако при решении обманывать человеку приходится подавлять проявления симпатической нервной системы, что, в свою очередь, нуждается в эмоциональном контроле².

Немалую популярность в данной области исследований получили аппараты с программным обеспечением, результаты использования которых, по мнению разработчиков, дают точность более 60%. Так, исследования, направленные на изучение движения зрачков глаз, были проведены как российскими, так и зарубежными учеными³. Ряд американских ученых экспериментальным путем, регистрируя когнитивные реакции у опрашиваемых, установили, что во время произнесения ложного ответа повышается когнитивная нагрузка и наблюдается глазодвигательная активность⁴. Результаты многочисленных исследований с использованием айтрекера стали основанием для его применения представителями Следственного комитета Российской Федерации при отборе на службу. О. В. Жбанковой и В. Б. Гусевым был проведен ряд экспериментов с использованием указанной методики⁵. Ее суть заключалась в представлении на экране монитора нейтральных, контрольных и проверочных

¹ Анисимова Н. Н. Особенности визуальной психодиагностики личности террориста. Обнаружение криминального искажения информации. Домодедово: ВИПК МВД России, 2006. 79 с.

² Thermal signatures of voluntary deception in ecological conditions / M. S. Panasiti [at al.] // Scientific Reports. 2016. Vol. 6. Article number: 35174.

³ Барабанщиков В. А., Жегалло А. В. Айтрекинг. Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М.: Когито-центр, 2014. 128 с.

⁴ Kircher J. C., Raskin D. C. Psychophysiological and Ocular – motor Detection of Deception // University of Utah. 2016. Vol. 10, № 4. P. 159–172.

⁵ Жбанкова О. В., Гусев В. Б. Применение айтрекинга в практике профессионального отбора кадров // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11, № 1. С. 156–165.

вопросов. Кандидат должен был прочесть вопрос и выбрать вариант ответа путем фиксации взгляда на выбранном им ответе (либо «да», либо «нет»). Затем с помощью специальной программы регистрируемая динамика зрачков подвергалась обработке. Результаты исследований, проведенных с помощью айтрекера, сравнивались с результатами психофизиологических исследований с применением полиграфа. Совпадения составили, по мнению авторов, более 80%. Однако использование айтрекера в диагностике лжи, по мнению авторов, имеет ряд существенных недостатков. Например, недостаточное развитие когнитивных способностей человека, слабые навыки чтения, сниженная острота зрения могут затруднить проведение исследования.

Сравнительно недавно, в октябре 2021 года, российскими полиграфологами совместно с математиками и программистами на основе исследований с применением айтрекера был создан многофункциональный программно-аппаратный комплекс по бесконтактной детекции лжи VERUM, отслеживающий физиологические реакции человека по движению глаз и динамике зрачков. Методика применения аппаратного комплекса аналогична методике, применяемой представителями Следственного комитета РФ. По мнению разработчиков, данный метод показал свою результативность на 60%. Однако, по нашему мнению, отсутствие в алгоритме проведения методики предтестового собеседования, в процессе которого уточняется понимание вопросов обследуемым, может приводить к искажению результатов.

Попытки заменить человеческий мозг на искусственный интеллект осуществляются и в исследованиях по распознаванию скрываемой информации. Одним из первых детекторов лжи на основе искусственного интеллекта стал Silent Talker. Суть изобретенной технологии заключается в распознавании неправды на основе анализа микрожестов. Один из представителей авторов-разработчиков О'Ши говорил, что, разобрав эти подсказки высокого уровня, соавторы создали свой набор микроскопических жестов и обучили искусственный интеллект рекомбинировать их в осмысленные характерные

закономерности. В лаборатории искусственного интеллекта при университете штата Калифорния в Сан-Диего американскими учеными был разработан терминал со встроенным детектором лжи AVATAR, который бесконтактным способом считывал и оценивал поведение человека во время его ответов на вопросы, распознавая по движению зрачков, интонации голоса, микровыражениям лица его намерение скрыть информацию и недостоверные ответы. Разработчики прибора убеждены в точности его результатов на 83–85%¹.

Несмотря на постоянно появляющиеся новые технические разработки по распознаванию лжи, мы считаем, что искусственный интеллект еще не настолько изучен, чтобы полагаться на его результаты. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев все компьютерные программы на основе искусственного интеллекта, направленные на выявление лжи, создаются с помощью сухих математических вычислений, исключая индивидуальный подход, а научные исследования с использованием эксперимента для создания таких программ не являются первичными для подтверждения гипотезы о результативности исследования.

Исследования, направленные на диагностику лжи посредством анализа голоса, также имеют место в современной диагностике. Первооткрыватели анализатора психологического стресса PSE (Psychological Stress Evaluator) по голосу американские специалисты Charles R. Mc. Quiston и Allan D. Bell измеряли происходящие изменения голоса, обусловленные стрессом, возникающим при ложных высказываниях². По мнению авторов, такие измерения можно было проводить даже по телефону. Вопросы, используемые в методике PSE, идентичны вопросам при проведении СПФИ, то есть нейтральные, контрольные и проверочные. За основу своей методики авторы взяли исследования английского физиолога Улофа Липпольда о миографическом

¹ Биттл Дж. Углубленное исследование попыток распознать обман на основе искусственного интеллекта. 2020. URL: <http://www.technologyreview.com/2020/03/13/905323/ai-lie-detectors-polygraph-silent-talker-iborderctrl-converus-neuroid/> (дата обращения: 20.12.2021).

² Пеленицын А. Б., Степанов А. А. Детекторы лжи по голосу. 2013. URL: <https://www.polygraph-club.ru/f/showthread.php> (дата обращения: 21.12.2021).

треморе. Несмотря на утверждения разработчиков о высокой достоверности проводимых экспериментов, ценность методики оказалась очень низкой, так как ее валидность и эффективность не были подтверждены многочисленными проверочными мероприятиями и показатель точности диагностики оказался на уровне случайного угадывания¹. По мнению О. В. Лыковой, практически ни один человек без специальной подготовки не сможет распознать ложное высказывание на слух, поэтому необходимо использовать специальную аппаратуру для цифрового анализа акустических параметров голоса². Кроме того, по мнению других авторов, нужно сопоставлять предполагаемую ложную информацию с информацией, произнесенной этим же человеком в обычных условиях повседневной жизни³.

Основатель метода невербальной диагностики лжи Пол Экман утверждал: «Ученые, специализирующиеся на изучении голоса, и специалисты по другим методикам определения лжи обнаружили, что эти машины правильно определяют ложь лишь в половине случаев (простое угадывание) и даже не особенно хорошо определяют, что объект расстроен, хотя это и более легкое задание... В голосе не может быть признаков лжи, как таковых, а возможны только признаки отрицательных эмоций»⁴.

Отечественные полиграфологи А. Б. Пеленицын и А. А. Степанов в своих научных публикациях отразили часть результатов эмпирических исследований, описанных в работе Суджита Бхати и Сьюзан Е. Брэндон об исследованиях технологий, основанных на анализе стрессовых изменений голоса, для обнаружения обмана. Для этих исследований применялся Многослойный анализ стрессовых изменений голоса (LVA), Компьютеризированный анализ стрессовых изменений голоса (CVSA), Оценка психологического стресса (PSE), Vericator,

¹ Gordon H. Barland. Reliability of Polygraph Chart Evaluations // Polygraph. 1972. № 1 (4). P. 192–207.

² Лыкова О. В. Акустические признаки наличия лжи в высказываниях // Вестник МГЛУ. 2016. № 15 (754). С. 144–165.

³ Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.

⁴ Экман П. Указ. соч.

Diogenes, Анализатор голоса Mark II и Анализатор стрессовых изменений голоса (VSA). Несмотря на приведенную лишь часть результатов исследований, все выводы звучали идентично: уровень обнаружения стресса соответствует случайному, и уровень обнаружения лжи также соответствует случайному¹.

Неинструментальные методы выявления скрываемой информации.

Помимо инструментальных методов выявления скрываемой информации, в научной литературе имеются многочисленные публикации о невербальных сигналах, указывающих на сокрытие человеком информации. Родоначальником научных исследований в этом направлении признан известный американский психолог Пол Экман. В 70-е годы XX века ученый путем многочисленных экспериментов обнаружил ключевые индикаторы лжи в невербальном поведении, коими являлись: слова, голос, пластика, жестикуляция, мимика. Однако П. Экман убедительно констатировал, что сама по себе динамика выявленных им индикаторов лжи не является фактом, устанавливающим ложь. Все изменения организма человека, происходящие при воспроизведении ложной информации, могут быть лишь признаками, указывающими на необдуманность слов либо на несоответствие эмоций произнесенной речи. П. Экман с коллегами пришли к выводу: большинство людей способны распознавать обман на уровне, близком к случайному угадыванию. Но некоторая категория профессионалов, например, сотрудники специальных служб, способны распознавать ложь по доминирующим индикаторам более чем в 80% случаев. П. Экман не ограничился лишь теоретическими обоснованиями проведенных экспериментов и внедрил свои научные разработки в практическую деятельность правоохранительных органов для повышения результативности раскрытия уголовных дел. Впоследствии совместно с Уоллесом Фризенем Пол Экман разработали систему кодирования лицевых движений (FACS), которая успешно применяется в настоящее время различными специалистами для оценки эмоционального состояния респондентов.

¹ Пеленицын А. Б., Степанов А. А. Указ. соч.

Британский исследователь Олдерт Фрай, занимающийся диагностикой распознавания лжи по вербальным признакам, в своих работах вскрыл недостатки метода оценки валидности утверждений (ОВУ), берущего свое начало в проведении психологического интервьюирования детей при раскрытии преступлений, связанных с насилием, и пришел к выводу: существует много факторов, негативно влияющих на возможность достоверной оценки ложной информации у взрослых людей в иных условиях жизнедеятельности. По мнению автора, метод ОВУ в первоначальном виде не стандартизирован и не имеет достаточного теоретического обоснования. Совместно с соавторами О. Фрай разработал критерии слежения за реальностью, отличные, но иногда и перекликающиеся с критериями контент-анализа (КАУК). Результаты исследований показали, что разработанные критерии оценки способны эффективно оценивать ложь, связанную с недавно произошедшими событиями, в отношении взрослых людей. В исследовании О. Фрая и коллег уровни точности составили 71% для определения правды и 74% для определения лжи¹.

Систему оценки показаний через интервью в рамках расследования уголовных дел разработал новатор в распознавании лжи по вербальным каналам американский полиграфолог Nathan J. Gordon. Автор интервью судебной оценки (Forensic Assessment Interview (FAINT)) полагал, что содержательная часть речи отражает все стратегии поведения говорящего, и с помощью определенной системы оценки возможно определить причастность или непричастность интервьюируемого к расследуемому событию. Рассуждая об эффективности указанной методики, нельзя не учесть тот факт, что ее результаты принимаются в качестве доказательства всеми судами Соединенных Штатов Америки².

Еще одна техника допроса в форме когнитивного интервью, созданная американскими психологами Р. Фишером и Э. Гизельманом, достаточно успешно

¹ Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. С. 16–18.

² Спирица Е. В. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца. СПб.: Питер, 2015. С. 55.

используется в допросе свидетелей, проходящих по уголовному делу¹. Основой метода являются психологические закономерности функционирования человеческой памяти, в частности принцип специфичности кодирования и воспроизведения информации и принцип мультикомпонентности следа памяти². С помощью специального алгоритма проведения интервью у свидетелей активизируется память и воспроизводится та информация, которая без применения методики была невозможна к воспроизведению. По мнению авторов, базирующаяся на основах когнитивной психологии техника когнитивного интервью способствует активизации памяти и извлечению из нее информации о событии. Авторы научного труда пришли к выводу о том, что в процессе интервью память активизируется у правдивого допрашиваемого, а у свидетеля, пытающегося лгать, происходит обратный процесс. Косвенно валидность указанной методики подтверждается ее широким распространением в разных странах, например Германии, Англии, Соединенных Штатов Америки³.

Пласт отечественных исследований, направленных на диагностику лжи по вербальным и невербальным признакам, не столь велик. Например, российскими учеными В. П. Морозовым и П. В. Морозовым был разработан способ оценки искренности-неискренности говорящего. Авторы отмечают, что основной отличительной составляющей искренности является эмоциональная экспрессивность, в то время как для неискренности характерно ее имитирование⁴. Для распознавания искренности-неискренности ученые предлагают анализировать вербальные и невербальные компоненты речевого поведения. Таким образом, при искренности говорящего компоненты согласуются между собой, а при неискренности вербальный и невербальный компоненты оказываются рассогласованными.

¹ Fisher R. P., Satin G. E. Investigative utility of the Cognitive Interview: Describing and finding perpetrators // *Law Hum Behav.* 2019. Vol. 43. P. 491–506.

² Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. Методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2002. 273 с.

³ Фрай О. Ложь. Три способа выявления. С. 16–18.

⁴ Морозов В. П., Морозов П. В. Искренность-неискренность говорящего и «психологический детектор лжи» // *Психологический журнал.* 2010. Т. 31, № 5. С. 54–67.

Н. М. Романовой, М. А. Самохиной, В. В. Семеновым, Л. Н. Ивановым изобретен способ диагностики ложности сообщаемой информации по динамике параметров невербального поведения человека. Суть разработанной авторами методики заключается в проведении структурированного интервью, в которое входят блок нейтральных, не относящихся к теме, вопросов и блок проверочных вопросов, непосредственно связанных с темой исследования. С помощью анализа зарегистрированных параметров невербального поведения происходит сравнение результатов ответов на нейтральные и проверочные вопросы и делается вывод о ложности или правдивости излагаемой информации¹.

В настоящее время достаточно хорошо изучены и успешно применяются в практической деятельности методы диагностики лжи, основанные на телодвижениях. Пионером языка телодвижений считается Д. Моррис. В своем фундаментальном исследовании всех невербальных сигналов «Библия языка телодвижений» автор показал, как действия человека можно преобразовать в знаки, которые являются определенными сообщениями². Результаты исследований Д. Морриса были положены в основу различных современных методов распознавания лжи, в частности диагностического профайлинга, определяющего достоверность или ложность сообщаемой информации³.

Ряд зарубежных и отечественных ученых психологов в научных экспериментах проследили зависимость тенденции ко лжи и индивидуальных особенностей личности. Так, Ф. Зимбардо отмечает, что застенчивость человека является фактором, препятствующим воспроизведению лживой информации, К. Леонгард к патологическим лгунам относит демонстративный тип акцентуированной личности⁴. В. Т. Кондрашенко утверждает, что истероидные личности вполне естественно могут воспроизводить недостоверную

¹ Романова Н. М. Психология лжи. Саратов: СНИГУ, 2017. 68 с.

² Моррис Д. Библия языка телодвижений. М.: Эксмо, 2010. 672 с.

³ Абрамовский А. А. Методологические основы профайлинга // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 16–24.

⁴ Симоненко С. И. Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений // Вестник МГУ. 1996. № 1. С. 60–61.

информацию. И. А. Церковная исследовала склонность личности ко лжи комплексно, то есть принимая во внимание не только индивидуально-психологические особенности личности, но и психофизиологические, психологические, социально-психологические характеристики¹. В. М. Девишвили, А. В. Белинский, М. О. Мдивани экспериментальным путем установили, что некоторые компоненты эмоционального интеллекта человека препятствуют распознаванию скрываемой информации, в то время как другие компоненты способствуют этому процессу².

Существование и развитие многочисленных подходов и методов в распознавании ложной информации позволяют по-новому взглянуть на упомянутый в самом начале психофизиологический метод, изобретенный Чезаре Ломброзо, впоследствии модернизированный и экспериментальным путем доказавший свою валидность. Суть метода состоит в регистрации физиологических реакций организма обследуемого лица на предъявляемые стимулы и выявление значимости или незначимости стимулов. Главной отличительной особенностью данного метода, на наш взгляд, является его многогранность, включающая анализ многочисленных информативных источников: артериальное давление, частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, тремор. Кроме того, в рамках метода используются беседы: предтестовая, межтестовая, послетестовая³.

Если рассматривать метод СПФИ в контексте психологического метода, информативными признаками будут вербальные и невербальные сигналы. Достоверность результатов исследований на полиграфе, в зависимости от источников, составляет 85–95%. По оценкам полиграфологов федеральных ведомств США, обобщенным за многие годы, количество ошибок в ходе

¹ Дупак А. А. Личностные детерминанты склонности ко лжи // Молодой ученый. 2013. № 3. С. 430–433.

² Девишвили В. М., Белинский А. В., Мдивани М. О. Способность распознавать скрываемую информацию // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 269–271.

³ Арефьева О.В. Современные подходы к выявлению скрываемой информации // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7, № 3. С. 140–150.

проверок на полиграфе подозреваемых по уголовным делам составляет менее 1% от общего числа проведенных исследований.

Кроме обозначенных нами преимуществ СПФИ относительно других инструментальных методов диагностики лжи, проведение этого вида исследования в рамках ППО регламентировано нормативными правовыми документами.

В первую очередь необходимо назвать Конституцию Российской Федерации (статья 2, часть 3 статьи 17), в которой оговорены права и свободы человека и гражданина, в частности, как соблюдение неприкосновенности личной жизни, так и защита общества от противоправных и преступных посягательств иных лиц¹. Далее, допустимость проведения СПФИ трактует Трудовой кодекс Российской Федерации (часть 3 статьи 3, пункт 11 части 1 статьи 81), согласно которому работодатель в целях более качественного отбора кандидатов вправе применять любые, не противоречащие этическим нормам, доступные средства². Закон Российской Федерации «О государственной тайне» (части 3 и 4 статьи 21) предусматривает проверку лица для допуска к государственной тайне на основании его письменного согласия³. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (часть 5 статьи 9, часть 2 статьи 19) обязывает к прохождению ППО с осуществлением всех регламентированных мероприятий, в том числе СПФИ⁴. Приказ МВД России внутреннего пользования предусматривает организацию процесса СПФИ и его проведение, в том числе в рамках отбора на службу, с целью изучения

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 01.05.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3.

³ О государственной тайне : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 04.08.2023) // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 38. Ст. 1480.

⁴ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 12.03.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49. Ч. I. Ст. 7020.

морально-этических и психологических качеств кандидатов. Согласно приказу проведение СПФИ допустимо только с письменного согласия лица, подлежащего обследованию. Проведение ППО регламентирует Постановление Правительства РФ № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации», в котором перечислены факторы риска девиантного (общественно опасного) поведения, подлежащие выявлению в процессе проведения СПФИ. Организация работы по реализации Постановления Правительства РФ определена приказом МВД России и методическими рекомендациями Департамента государственной службы и кадров¹ МВД России. Относительно действующих сотрудников ОВД, планирующих к назначению на иные должности, организация исследования, алгоритм его проведения и вопросы, подлежащие изучению, также определены методическими рекомендациями ДГСК МВД России, изданными для внутреннего пользования.

Анализ отечественных и зарубежных научных исследований, направленных на диагностику скрываемой информации, позволил констатировать, что инструментальные и неинструментальные методы распознавания лжи имеют разную степень достоверности – от уровня случайного угадывания до достоверности более 90%. В последнее время постоянно появляющиеся новые технические разработки по диагностике скрываемой информации, основанные на искусственном интеллекте, еще недостаточно изучены и очень однобоки по причине отсутствия возможности полноценного изучения и всестороннего анализа всех процессов, протекающих в психике человека и отражающихся во внешних проявлениях поведения. Малая достоверность результатов диагностики лжи с помощью программно-аппаратных комплексов зависит как от индивидуальных особенностей обследуемых, например, недостаточно развитых когнитивных способностей, ошибочных действий при выполнении инструкции, так и от внешних факторов, например, отсутствия в алгоритме

¹ Далее – ДГСК.

проведения методики предтестового собеседования, в процессе которой уточняется понимание задаваемых обследуемому вопросов. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев все компьютерные программы на основе искусственного интеллекта, направленные на выявление лжи, создаются с помощью сухих математических вычислений, исключая индивидуальный подход¹.

Существование и развитие многочисленных подходов и методов в распознавании ложной информации позволяют по-новому взглянуть на психофизиологический метод, изобретенный Чезаре Ломброзо. Главной отличительной особенностью данного метода, на наш взгляд, является его многогранность, включающая анализ многочисленных информативных источников: артериальное давление, частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, тремор. Кроме того, немалое значение имеют качественно проведенные предтестовая, межтестовая, послетестовая беседы, позволяющие взаимодействовать с обследуемым, анализировать его вербальные и невербальные сигналы, являющиеся информативными признаками. Таким образом, наиболее эффективными видятся нам комбинированные методы диагностики лжи, когда аппаратура является вспомогательной составляющей и служит для фиксации происходящих в организме обследуемого процессов.

Достоверность результатов исследований на полиграфе, в зависимости от источников, составляет 85–95%, что также является преимуществом относительно других инструментальных методов. Кроме того, проведение данного вида исследования в рамках ППО регламентировано нормативными правовыми документами. Несмотря на высокий показатель достоверности, все же заключение по результатам исследования носит вероятностный характер,

¹ Арефьева О. В. Некоторые аспекты истории становления и развития методологии выявления лжи // Профессионализм и безопасность: состояние и перспективы востребованности достижений психологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Позднякова, В. Е. Петрова. М.: Моск. гос. психол.-пед. ун-т, 2023. С. 39–44.

который может быть обоснован огромным разнообразием индивидуальных особенностей человека.

1.3. Теоретические подходы в отечественной и зарубежной науке к проведению специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа

Востребованность исследования с применением полиграфа по причине его высокой результативности применяется и Федеральной службой безопасности Российской Федерации, и Министерством обороны Российской Федерации, и Службой внешней разведки Российской Федерации, и другими государственными организациями и ведомствами. СПФИ активно используется также в следственной практике. Заключение исследований на полиграфе принимаются во внимание следственными органами в виде ориентирующей информации, иногда кардинально меняющей направление расследования, а суд может рассматривать заключение специалиста как один из видов доказательств, предусмотренных статьей 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹. Следует отметить, что благодаря исследованию с применением полиграфа в ходе расследования уголовных дел нередко удается не только изменить направление расследования, но и избежать траты человеческих и материальных ресурсов правоохранительных органов, а также уголовной ответственности невиновных подозреваемых. Примером может служить проведение СПФИ автором диссертации в рамках расследования уголовного дела, возбужденного в соответствии с ч. 1 ст. 112 Уголовного кодекса Российской Федерации², в результате которого удалось избежать уголовной

¹ Далее – УПК РФ.

² Далее – УК РФ.

ответственности невиновному подозреваемому, введенному в заблуждение родственниками лица, которому ранее было инкриминировано данное преступление¹.

В связи с этим возникает необходимость в проведении анализа имеющихся в научной литературе теоретических подходов к проведению исследования на полиграфе.

Ученые на протяжении длительного времени пытались дать теоретическое обоснование технологии исследования на полиграфе. Ряд работ, посвященных определению валидности и достоверности психофизиологического исследования с применением полиграфа, опубликован специалистами Национальной академии наук², ведущими американскими полиграфологами и психофизиологами³. Кроме того, изучением научного подхода к проведению психофизиологических исследований занимались ученые в области психологии и медицины⁴. С целью выявления скрываемой человеком информации полиграф применяется уже более 100 лет. В нашей стране признание исследования с применением полиграфа шло непростым путем. Первым шагом было подписание в 1975 г. Ю. В. Андроповым приказа об организации подразделения по проведению проверок на полиграфе. Далее, в 1989 г. МВД России была создана рабочая группа для определения целесообразности внедрения полиграфа в практику расследования уголовных дел, и, как следствие, в 1994 году был подписан первый приказ о применении полиграфа при опросе граждан⁵. С 2014 года в системе МВД России СПФИ стало неотъемлемым этапом проведения ППО. Цель проведения исследования с

¹ Арефьева О. В., Соловьева Н. А. Указ. соч. С. 73.

² National Research Council the Polygraph and Lie Detection. Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph. Division of Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, DC: The National Academies Press, 2003. 105 p.

³ Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal. Handbook of Polygraph Testing. San Diego: Academic Press, 2002. 354 p.

⁴ Philip E., Crewson A. Comparative Analysis of Polygraph with other Screening and Diagnostic Tools // Polygraph. 2003. Vol. 32, № 2. P. 57–85.

⁵ Об утверждении Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан : приказ МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.04.2024).

применением полиграфа – выявление несовместимых с данным видом деятельности факторов риска у лиц, желающих служить в полиции. Следует отметить, что в практике полиграфных проверок, помимо выявления факторов риска, препятствующих поступлению на службу, нередко обращают на себя внимание «мнимые» факторы риска, исключить или подтвердить которые возможно в процессе тестирования с применением полиграфа. Например, при проведении исследования в отношении кандидата на службу автором данной работы были выявлены устойчивые физиологические реакции на вербальный стимул: «Вы когда-либо употребляли наркотические или психотропные вещества без назначения врача?» В ходе проведения исследования установлено употребление вещества в виде курительной смеси в сигаретах, которые кандидат попросил у прохожего мужчины. Понимание того, что это, вероятно, было наркотическое вещество, пришло после того, как после курения сигареты возникли необычные ощущения и потребность во сне. Но было ли это наркотическое вещество, у кандидата уверенности не было. В таких случаях полиграф помогает прояснить ситуацию относительно намеренности действий, их периодичности и отношения к данному деянию.

Несомненно, СПФИ подтверждает свою высокую результативность. Российский ученый Ю. И. Холодный, занимающийся вопросами полиграфа, отмечал, что достоверность результатов исследований на полиграфе составляет 90%¹. Однако, несмотря на высокую результативность исследования, все же заключения полиграфологов обладают рекомендательным характером по причине недостаточного теоретического обоснования, объясняющего зависимость возникающих физиологических реакций тестируемого лица от предъявления ему значимого стимула. В научной литературе имеется более двух десятков теорий. Появление столь многочисленных теоретических воззрений обусловлено неоднократными обращениями как зарубежных, так и отечественных государственных структур к ученым, исследующим проблему

¹ Холодный Ю. И. Указ. соч. 95 с.

применения полиграфа, с просьбой провести исследования, направленные на изучение научных основ СПФИ. Относительно недавно, в 2020 г., на Всероссийском межведомственном семинаре «Психофизиологические исследования с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел: актуальные вопросы и перспективы развития», состоявшемся в Российском государственном университете правосудия, была доведена до присутствующих «позиция Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой психофизиологические исследования с использованием полиграфа в настоящее время не имеют доказательственного значения»¹. Представитель Верховного Суда Российской Федерации пояснил, что такая позиция обоснована отсутствием научно доказанных связей физиологических реакций человека и имеющейся у него информации о преступлении. Безусловно, как показывает практика применения полиграфа, такие связи имеются, иначе проведение СПФИ не было бы таким результативным как в процессуальном производстве, так и в кадровом отборе на службу в ОВД.

Таким образом, проблема теоретико-методологической обоснованности исследования нуждается в дальнейшей проработке и обсуждении в профессиональном сообществе.

Однокомпонентные теории полиграфа.

Теория угрозы наказания, построенная на экспериментах А. Моссо², явилась одной из первых теорий, пытающихся научно обосновать психофизиологическую детекцию лжи в контексте СПФИ. В соответствии с теорией любой человек в условиях ожидания возможного наказания за совершенное противоправное деяние испытывает страх. Так, по мнению

¹ Свободный Ф. К. Некоторые проблемы исследований на полиграфе в рамках оперативно-розыскной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 4 (79). С. 375–382.

² Романенко В. Ю. Психофизиологический метод выявления скрываемой информации с использованием полиграфа в целях кадрового отбора: вопросы истории, теории и практики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 1 (32). С. 73–77.

известного психолога П. Экмана¹, страх вызывает напряженность по причине ожидания ситуаций, представляющих угрозу. Угрозу в контексте полиграфной проверки представляют возможные негативные последствия для тестируемого при распознавании скрываемой информации в виде, например, уголовного наказания или отказа в приеме на службу. Напряжение во время страха активирует симпатическую нервную систему и отражается в физиологических реакциях организма, которые фиксирует полиграф. Согласно теории угрозы наказания лицо, скрывающее информацию, будет реагировать идентично как при ее сокрытии, так и при ее признании. У человека, говорящего правду, реакций на вопросы, касающиеся проверочной темы, не будет. Это объясняется отсутствием страха.

Теория конфликта оказалась не менее популярной, согласно которой в момент необходимости тестируемого дать ответ на проверочный вопрос возникает внутреннее противоборство правды и лжи². Еще немецкий психолог О. Липман в начале XX века отмечал существование внутренней борьбы между ложной и правдивой информацией³. По его мнению, ложь часто побеждает, потому что всегда направлена на желаемый результат. В рамках проведения СПФИ существующее противоборство поддается фиксации на полиграфе. Известный советский психолог А. Р. Лурия экспериментальным путем установил зависимость сокрытия значимой информации и выраженности физиологических реакций тестируемого в связи с возникающим острым аффективным напряжением. Кроме того, по мнению А. Р. Лурии, чем в большей степени тестируемый будет стараться подавить противоборство, тем более выражены будут его физиологические реакции. При вербализации правды конфликт исчезает, и, как следствие, физиологические реакции приближаются к фоновым⁴.

¹ Экман П. Указ. соч.

² Barland G. H., Raskin D. C. Detection of deception // *Electrodermal activity in psychological research*. 1973. 446 p.

³ Чахоян А. С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2015. Т. 8, № 2. С. 74–79.

⁴ Luria A. R. *The nature of human conflicts*. New York: Liverwright, 1932. P. 77–127.

Условно-рефлекторная теория также имеет место в попытках объяснения физиологических реакций тестируемого на полиграфе. В ее основу была положена теория условных рефлексов И. П. Павлова, в частности изученная советским ученым взаимосвязь между реакцией и раздражителем¹. По мнению авторов условно-рефлекторной теории, у каждого человека, совершившего противоправное деяние, в памяти остается след в виде полученного опыта. При активации памяти посредством релевантного вопроса в организме человека происходят определенные процессы, свидетельствующие о значимости проверяемой темы. Авторы теории считают: чем серьезнее совершенный в прошлом проступок, тем более выражены физиологические реакции².

Таким образом, можно отметить, что психофизиологическая диагностика скрываемой информации с применением полиграфа в контексте рассмотренных теорий заключается в фиксации и анализе вегетативных реакций, возникающих при активации мотивационных и эмоциональных факторов у тестируемого лица. Однако при отсутствии высокой мотивации и выраженных эмоциональных проявлений, страха наказания у испытуемого, а также внутренней борьбы между правдивой и ложной информацией физиологические реакции при предъявлении значимого стимула все же будут выраженными, что подвергает сомнению все теоретические обоснования, построенные на мотивационно-эмоциональных аспектах.

На смену теориям мотивационно-эмоциональной направленности с целью устранения выявленных ошибок пришли теории, основанные на когнитивных факторах, способствующих восприятию и переработке поступающей информации к испытуемому в процессе проведения СПФИ.

¹ Данилова Н. Н., Крылова А. Л. Физиология высшей нервной деятельности. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 478 с.

² Ben-Shakhar G., Furedy J. Theories and applications in the detection of deception: A psychophysiological and international perspective. New York: Springer-Verlag, 1990. P. 102.

Теория активации, принявшая за основу понятие Д. Ликкена о знании виновного¹, объясняет значимые физиологические реакции посредством когнитивных факторов. Суть заключается в том, что только виновный может знать все мельчайшие обстоятельства совершенного им проступка, следовательно, предъявление ему значимого стимула приведет к ориентировочному рефлексу, остальные предъявляемые стимулы для него будут нейтральными. Для не принимавшего участие в противоправном деянии тестируемого все стимулы будут нейтральными, не вызывающими выраженных физиологических реакций. Таким образом, теория активации заключается в объяснении возникновения выраженных физиологических реакций различной активационной силой предъявляемых стимулов².

Теория психологической установки, предложенная К. Бакстером, построена на работах грузинского психолога Д. Н. Узнадзе³, автора теории установки. Гипотезой является предположение о том, что появление физиологической реакции у испытуемого объясняется установкой на сосредоточение его внимания на вопросе, представляющем непосредственную угрозу его благополучию.

Дихотомизационная теория полиграфа пыталась объяснить вызываемую кожно-гальваническую реакцию тестируемого определенной частотой встречающихся в опроснике значимых стимулов и установить зависимость дифференциальной чувствительности от последовательности расположения значимого стимула в группе других стимулов. Таким образом, авторы теории считали необходимым группировать стимулы в определенной последовательности с целью определения их субъективной значимости⁴.

¹ Хлоповских Ю. Г. К вопросу о методолого-теоретических основах психофизиологического обследования с помощью полиграфа // *Современные проблемы гражданской защиты*. 2018. № 3 (28). С. 43–47.

² Borland G. H., Raskin D. C. *Op. cit.* P. 447.

³ Птахина Ю. А., Черенева Е. А. Вклад грузинской школы в изучение установки // *Наука и современность*. 2011. № 14. С. 136–140.

⁴ Ben-Shakhar G., Liebligh I. The dichotomization theory for differential autonomic responsivity reconsidered // *Psychophysiology*. 1982. Vol. 19. P. 277–281.

Несколько теорий, опирающихся на информационную составляющую, предложил канадский исследователь Р. Хеслегрейв.

Теория количества информации констатирует, что для вербализации ложной информации человеку необходимо обработать и словесно реализовать больший объем информации, чем при вербализации правды. Значит, чем больший объем информации используется для обработки и реализации, тем большее возбуждение можно зафиксировать.

Теория возвращения затруднений, в свою очередь, утверждает, что правдивую информацию о произошедших в прошлом событиях воспроизвести гораздо проще, чем ложную, так как она остается в памяти человека. В процессе воспроизведения ложной информации необходимо задействовать иные психологические механизмы, что повышает и психическое напряжение.

Теория новизны полагает, что психическое напряжение во время ложного ответа на проверочный вопрос возрастает потому, что происходит формирование новой, непривычной для тестируемого ассоциации ответа с вопросом по причине отсутствия данной информации в памяти испытуемого¹.

Принимая во внимание недостатки зарубежных теорий, советские полиграфологи провели ряд исследований, выразившихся в создании нового подхода.

Теория целенаправленного тестирования памяти, представленная Ю. И. Холодным, предлагает осуществлять психофизиологическую диагностику посредством целенаправленной актуализации событий, хранящихся в памяти испытуемого. В рамках теории ученый предложил понятие психофизиологического феномена в памяти, который «заключается в том, что внешний стимул (слово, предмет, фотография и т. п.), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологическую реакцию, превышающую реакции

¹ Heslegrave R. An examination of the psychological mechanisms underlying deception // *Psychophysiology*. 1982. Vol. 19. P. 285–293.

на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации»¹. Эмоции, по мнению автора, являются лишь помехой для качественной диагностики лжи.

Идентичная теория разработана польскими специалистами в области распознавания скрываемой информации с использованием психофизиологического метода с применением полиграфа.

Теория выявления в памяти следов преступлений базируется на положении о том, что совершение тяжкого преступления всегда сопровождается сильными отрицательными эмоциями, которые находятся в определенных отделах памяти. Имеющаяся в памяти испытуемого информация о событии преступления выражается в функционировании различных систем организма, которое фиксируется полиграфом². Теория выявления в памяти следов преступления стала общепризнанной среди польских специалистов.

Ориентационная теория полиграфа М. Кляйнера строилась на исследованиях Е. Н. Соколова, изучавшего ориентировочный рефлекс, открытый И. П. Павловым.

Отметим, что Е. Н. Соколов в своих работах сделал акцент на психофизиологические механизмы структуры ориентировочного рефлекса, состоящие из электроэнцефалографического, сенсорного, вегетативного и двигательного компонентов. Он научно доказал взаимосвязь появления ориентировочного рефлекса и возникающих физиологических реакций организма³. Автор теории полиграфа пытался объяснить возникающие физиологические реакции у тестируемого на проверочные вопросы с точки зрения понятий Е. Н. Соколова об ориентировочном рефлексе и новизне

¹ Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 1 (13). С. 55.

² Krzyoecin A. The debate over polygraph in Poland // Polygraph. 2000. Vol. 29, № 3. P. 227.

³ Александров Ю. И. Основы психофизиологии. М.: Инфра-М, 1997. С. 58.

стимула¹. Он впервые ввел определение «значимость стимула», которое активно используется на современном этапе в рамках проведения СПФИ. Благодаря создателю теории М. Кляйнеру в среде полиграфологов появилось суждение о значимости и незначимости реагирования, что заменило устаревшие определения об обнаруженной и не обнаруженной лжи.

Теория опроса объясняет физиологические сдвиги тестируемого проведением качественного предтестового собеседования. По мнению ее авторов, в процессе предварительного собеседования при обсуждении проверочных вопросов у правдивого испытуемого происходят адаптация к вопросам и снятие психического напряжения, а у лживого испытуемого, наоборот, повышается напряжение и появляется обеспокоенность за дальнейшее развитие событий².

Теория важности значимой темы, сформулированная А. Гинтоном, строится на психологическом механизме внимания. Полагалось, что значимые для лживого тестируемого проверочные темы будут захватывать и удерживать все внимание испытуемого, в отличие от остальных тем, в то время как для правдивого тестируемого все темы останутся равнозначными.

Проанализировав работы специалистов в области теоретических основ СПФИ, можно заключить, что все рассмотренные теории пытаются объяснить сложный психофизиологический феномен с какой-то одной конкретной позиции, опираясь на одну сферу личности, принимая во внимание конкретный психический процесс, то есть они несколько однобоки. Понимая этот существенный недостаток, отечественные и зарубежные исследователи попытались выработать новый подход в теоретическом обосновании психофизиологической диагностики с применением полиграфа, выразившийся в *мультикомпонентных теориях*. На наш взгляд, эти теории, в отличие от однокомпонентных, объясняют психофизиологический феномен, принимая за

¹ Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal. Handbook of Polygraph Testing. San Diego: Academic Press, 2002. P. 127–182.

² Nelson R. Scientific basis of polygraph testing // Polygraph. 2015. Vol. 44. P. 15.

основу комплекс психических функций либо несколько сфер личности одновременно. Такой подход наиболее объективен, так как, проходя путь от момента предъявления значимого стимула до появления физиологических реакций, регистрируемых полиграфом, в работу включаются многочисленные психические процессы испытуемого.

Мультикомпонентные теории полиграфа.

Информационная теория явилась первой отечественной теорией, появившейся в XX веке, которая, на наш взгляд, является мультикомпонентной. В ее основу положены принципы информационной теории эмоций П. В. Симонова, объясняющие зависимость эмоционального напряжения от трех факторов: существующей потребности в чем-либо, наличия информации, необходимой для удовлетворения этой потребности, наличия информации у тестируемого лица¹. Применительно к полиграфной проверке автор теории объясняет возникновение психофизиологического феномена недостатком необходимой информации у тестируемого для удовлетворения имеющейся потребности в виде сокрытия информации. Иными словами, чем сильнее потребность избежать негативных последствий, тем большим объемом информации, необходимой для удовлетворения этой потребности, должен владеть человек, проходящий тестирование на полиграфе. Однако чем меньше у него информации, тем сильнее будет проявляться эмоциональное напряжение, фиксируемое полиграфом.

Мотивационная теория, созданная В. А. Варламовым и Г. В. Варламовым, понятие мотивации в контексте проведения полиграфной проверки рассматривает как комплексное понятие, объединяющее основы нескольких теорий: теории угрозы наказания, теории активности, условно-рефлекторной теории и информационной теории П. В. Симонова². По мнению авторов,

¹ Симонов П. В. О роли эмоций в приспособительном поведении живых систем // Вопросы психологии. 1965. № 4. С. 75–84.

² Варламов В. А., Варламов Г. В. Психофизиология полиграфных проверок. Краснодар: ГУВД Краснодарского края, 2000. 239 с.

возникновение эмоционального напряжения в процессе полиграфной проверки зависит от уровня мотивации, функционального состояния организма и индивидуальных особенностей нервной системы. Но все же ведущая роль отводится мотивации, так как, по убеждению Варламовых, только высокая мотивация может дать стопроцентный положительный результат, а безразличие к исследованию часто ведет к нулевому результату.

Теория направленной актуализации динамических личностных смыслов сознания приняла за основу положения теории деятельности А. Н. Леонтьева. Авторы теории, С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов, А. Ю. Бабилов, утверждают, что в ситуации исследования на полиграфе предъявление значимого стимула испытуемому у последнего актуализирует личностный смысл информации, содержащейся в стимуле. Кроме того немалое значение придается темпераменту и характеру обследуемого лица, а также потребностно-мотивационной сфере личности¹.

Теория динамики активности внимания, сформулированная А. П. Сошниковым и А. Б. Пеленицыным, в возникновении психофизиологических реакций главенствующую роль отводит вниманию. По мнению авторов, под воздействием значимых внешних и внутренних стимулов работа всех психических функций способствует возникновению физиологических реакций во время тестирования на полиграфе, но все же пусковым механизмом считается внимание, состояние и динамика которого составляют основу оценки сообщаемой информации. Следовательно, чем значимее для тестируемого будет стимул, тем больше внимания он привлечет, и соответственно тем более выраженными будут физиологические реакции испытуемого².

Эмоциональная теория, предложенная С. В. Поповичевым, предполагала через изучение эмоциональной сферы тестируемого исследовать содержание памяти. Суть представленной теории заключается в утверждении взаимосвязи

¹ Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Указ. соч. С. 227–230.

² Сошников А. П., Пеленицын А. Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. М.: Эксмо, 2009. С. 136–137.

потребности в безопасности субъекта тестирования и эмоционального напряжения, проявляющегося в физиологических реакциях тестируемого, регистрируемых полиграфом. По мнению автора, низкая вероятность удовлетворения потребности в безопасности при сообщении испытуемым ложной информации повышает эмоциональное напряжение, и, наоборот, высокая вероятность удовлетворения потребности в безопасности¹ при вербализации испытуемым правды порождает низкое эмоциональное напряжение.

Мотивационно-адаптационная теория, разработанная Л. Г. Алексеевым, объясняет психофизиологический феномен стремлением организма к удовлетворению потребности в постоянстве. Так, при воздействии на организм внешних стимулов появляется мотивация, сопровождающаяся определенными эмоциями, сбором информации о среде, извлечением имеющейся информации из памяти, выработкой дальнейшей программы действий. При совпадении имевшейся в прошлом информации и воздействующего стимула (у правдивого испытуемого) процесс адаптации к ситуации будет успешным и быстрым. При отсутствии в памяти информации (у лживого испытуемого) процесс адаптации будет происходить с большими энергетическими затратами, выражающимися в глубине изменений физиологических показателей тестируемого².

Теория дифференциальной выраженности объясняет дифференциальную реактивность в тестах с вопросами сравнения и выявления скрываемой информации³.

Теория предварительного процесса иностранными специалистами считается наиболее приоритетной, она «базируется на ориентировочном рефлексе, включает в себя оценку стимулов и другие

¹ Поповичев С. В. Взаимосвязь потребности в безопасности субъекта и вероятности распознавания лжи в опросе с применением полиграфа : дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 184 с.

² Алексеев Л. Г. Психофизиология детекции лжи. Методология. М.: Мастерская прикладной психофизиологии, 2011. С. 32.

³ Krapohl D. J., Show P. K. Fundamentals of Polygraph Practice. San Diego, CA: Academic Press, 2015. P. 77.

высокоавтоматизированные когнитивные функции, из которых значимость стимула играет ключевую роль»¹.

Проблему взаимосвязи индивидуальных особенностей, в частности темперамента, и степени выраженности физиологических реакций рассматривали Ф. С. Сафуанов и В. В. Никитин, констатируя наличие множественности корреляционных связей².

Все появляющиеся многочисленные теоретические воззрения практически незамедлительно подвергались критике, преимущественно со стороны авторов вновь возникающих научных подходов. Так, полиграфолог, автор теории динамики активности внимания кандидат биологических наук А. Б. Пеленицын в отношении теории целенаправленного тестирования памяти Ю. И. Холодного считает, что процессы памяти никак не влияют на функционирование вегетативной нервной системы и возникновение физиологических реакций, фиксируемых полиграфом. Между процессами памяти и физиологическими реакциями, по мнению А. Б. Пеленицына, располагаются множественные явления, например, познавательные процессы, эмоции, без учета которых не представляется возможным сделать выводы о влиянии содержащейся в памяти информации на физиологические реакции испытуемого на полиграфе³. В свою очередь, Ю. И. Холодный обозначил, что отечественная теория динамики активности внимания, сформулированная А. П. Сошниковым и А. Б. Пеленицыным, является лишь дублирующей концепцией теории важности значимой темы А. Гинтона, отдающей приоритет психологическому механизму внимания⁴.

¹ Barry R. J. Preliminary process theory: towards an integrated account of the psychophysiology of cognitive processes // *Acta Neurobiologiae Experimentalis*. 1996. Vol. 2. P. 87–98.

² Сафуанов Ф. С., Никитин В. В. Взаимосвязь темперамента с особенностями физиологического реагирования при исследовании с применением полиграфа // *Юридическая психология*. 2023. № 3. С. 8–11.

³ Пеленицын А. Б., Сошников А. П., Жбанкова О. В. Так что же все-таки определяет полиграф? // *Вестник криминалистики*. Вып. 2 (38). 2011. С. 7–11.

⁴ Майлис Н. П., Холодный Ю. И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2021. № 1 (31). С. 147–152.

Появление мультикомпонентных теорий не привело к разрешению глобального вопроса в области теоретико-методологической обоснованности СПФИ, но положило начало новому интегративному научному подходу, требующему дальнейшей проработки.

На современном этапе, по мнению российского ученого Ю. И. Холодного, появились перспективы решения существующей не одно десятилетие проблемы. Так, достижения различных областей науки, ранее казавшихся совершенно не пересекаемыми, привели к возникновению новейшего подхода к научному обоснованию зависимости возникающих физиологических реакций от наличия скрываемой информации. Ю. И. Холодный в качестве такого подхода предлагает рассмотреть исследования в области стремительно развивающихся нейронаук. Ученых давно интересовал вопрос о связи мозга и психики. Ответ на него, вероятно, кроется во всестороннем изучении нейронных систем, в том числе вовлеченных в осуществление лжи. В Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» проводятся экспериментальные исследования с использованием специального оборудования, состоящего из сочетания магнитно-резонансного томографа и полиграфа. Суть эксперимента заключается в проведении исследования на полиграфе под контролем магнитно-резонансного томографа. Предполагается, что результатам таких исследований может стать создание единой теоретической концепции, позволяющей понять функционирование «фундаментального механизма психофизиологии человека»¹.

Е. С. Исайчев, С. А. Исайчев также отрицают ведущую роль высшей психической функции в появлении физиологических реакций в процессе тестирования на полиграфе, основываясь на теории функциональных систем П. К. Анохина² и теории векторного кодирования Е. Н. Соколова³. Ученые

¹ Изучение нейрокогнитивных процессов в парадигме сокрытия информации / Ю. И. Холодный, Д. Г. Малахов, В. А. Орлов [и др.] // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14, № 3. С. 17–39.

² Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.

³ Соколов, Е.Н. Принцип векторного кодирования в психофизиологии // Вестник Московского университета. Серия 14 : Психология. 1995. № 4. С. 3–13.

считают, что сопоставление актуальной реальности с не имевшимся в прошлом опытом ведет к активизации вегетативной нервной системы, выражающейся во включении механизмов эмоциональной и стрессовой реакций, которые и фиксируются полиграфом. По мнению авторов, диагностика скрываемой информации происходит посредством психофизиологического, нейрофизиологического и поведенческого подходов¹.

Рассмотрев различные теоретические воззрения и критические замечания, можно констатировать, что их многочисленность свидетельствует о достаточно сложном характере процессов, лежащих в основе возникающих физиологических реакций испытуемого на предъявление ему значимых стимулов. Убеждения авторов существующих теорий не являются противоречивыми, а лишь позволяют посмотреть на этот сложный и многогранный механизм разносторонне и даже с точки зрения разных областей науки. Зарубежные и отечественные исследователи представленных в литературе теорий пытались объяснить эти процессы с той или иной позиции посредством интеграции научных разработок в сферу прикладного использования полиграфа. Однако, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что научные исследования ученых в этой области весьма скудны. Кроме того, в последнее время наблюдается некоторая раздвоенность мнений в отношении теоретического обоснования использования полиграфа между отечественными и зарубежными специалистами. Несомненно, американские полиграфологи в области применения психофизиологической детекции скрываемой информации с применением полиграфа являются ведущими, тем не менее отечественные специалисты, ссылаясь на менталитет населения России, отличающийся от западного, пытаются разработать собственные научные подходы. Проанализировав суждения ведущих отечественных полиграфологов, можно отметить отсутствие единого мнения, разрозненность и несогласие по

¹ Исайчев Е. С., Исайчев С. А. Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи» // Мир психологии. 2016. Т. 88, № 4. С. 202–214.

отношению к теоретическим основам проведения СПФИ, подтверждением чему являются многочисленные критические замечания в адрес друг друга.

Прослеживая историю развития научных подходов, стоит обратить внимание на то, что авторы более ранних научных воззрений принимали за основу какое-то одно психическое явление или свойство нервной системы, что является, конечно же, узконаправленным, однобоким и неперспективным подходом. Несомненно, попытка всестороннего изучения психофизиологических реакций в процессе проведения СПФИ, выражающегося в мультикомпонентных теориях, является более перспективным подходом, так как учитывает многочисленные составляющие этого сложного процесса. Здесь можно согласиться с мнением А. Б. Пеленицына о том, что многочисленность процессов и явлений обуславливают появление физиологических реакции тестируемого на предъявление значимых стимулов. В этом состоит преимущество мультикомпонентных теорий над однокомпонентными¹.

В контексте темы нашей научной работы прослеживается сочетание не только многочисленных психических процессов, вызывающих физиологические реакции, но и интеграция описанных теорий. Например, уже на начальном этапе СПФИ, предтестовом собеседовании с кандидатом на службу в ОВД, появление повышенного напряжения у лживого испытуемого при его знакомстве с интересующими полиграфолога темами исследования объясняет *теория опроса* Р. Нельсона². Далее, с помощью *теории целенаправленного тестирования памяти* Ю. И. Холодного мы понимаем появление физиологических реакций у испытуемого при активизации памяти посредством предъявления значимого стимула. Согласно *теории динамики активности внимания* А. П. Сошникова и А. Б. Пеленицына значимые стимулы в виде изучаемых факторов риска привлекут внимание кандидата, проходящего этап проверки на полиграфе, что в

¹ Арефьева О. В., Гайдамашко И. В. Основания для психофизиологических исследований кандидатов на службу в органы внутренних дел с применением полиграфа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4 (91). С. 446–456.

² Хамзин С. Р. Реферативный обзор статьи Р. Нельсона «Научное обоснование исследований на полиграфе» // Юридическая психология. 2016. № 3. С. 36–40.

процессе тестирования проявится в выраженных физиологических реакциях, регистрируемых полиграфом. В контексте *теории важности значимой темы* А. Гинтона¹ привлекут внимание испытуемого только те стимулы, которые являются для него значимыми, а все остальные останутся вне поля внимания. Выраженная мотивация поступления на службу и, как следствие, физиологические реакции на релевантный стимул объясняет *мотивационная теория* Варламовых².

Таким образом, можно отметить наличие многочисленных научных воззрений, объясняющих возникновение физиологических реакций обследуемого на предъявление значимого стимула. Проведенная нами классификация существующих в научной литературе теорий показала бесперспективность в связи с односторонностью и узконаправленностью однокомпонентных теорий, принимающих за основу лишь одно психическое явление или свойство нервной системы и перспективность мультикомпонентных теорий, всесторонне изучающих многочисленные составляющие процесса появления выраженных физиологических реакций на предъявление релевантного стимула.

Таким образом, принцип работы полиграфа можно объяснить только через интеграцию и сочетание научных теорий: теории опроса Р. Нельсона, теории целенаправленного тестирования памяти Ю. И. Холодного, теории динамики активности внимания А. П. Сошникова и А. Б. Пеленицына, теории важности значимой темы А. Гинтона, что образует комплексный подход к изучению этой проблематики.

Кроме того, на наш взгляд, в ситуации СПФИ восприятие может являться пусковым механизмом появления физиологических реакций.

¹ Холодный Ю. И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья вторая) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2. С. 119–125.

² Арефьева О. В. Теоретические подходы к определению лжи... С. 215–225.

1.4. Индивидуально-личностные особенности восприятия визуальных стимулов человеком

Восприятие окружающей среды происходит при непосредственной работе анализаторных систем, или модальностей: зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных, вкусовых. Большой вклад в изучение этой проблемы внес А. Р. Лурия.

В психологии зрительному аппарату человека в отражении действительности отводится ключевая роль¹. По данным Н. Линдгрена, 90% информации воспринимается при помощи глаз². Идентичное утверждение озвучено Г. Бейтсоном: в процессе общения мы получаем более 90% информации посредством невербальных каналов³. А. А. Бодалев визуальному восприятию информации отводил главенствующую роль⁴. Кроме того, результаты исследований в нейропсихологии свидетельствуют о том, что 52% людей имеют образный стиль мышления, а 48% – логический⁵. А. И. Навалихиной, А. Н. Козловской, А. Н. Исуповой в 2010 году проведено исследование, направленное на определение процентного соотношения людей с доминирующей репрезентативной системой посредством психологического тестирования. Результаты распределились следующим образом: ведущая дигитальная репрезентативная система выявлена у 41% испытуемых, кинестетическая – у 36%, визуальная – у 16%, аудиальная – у 7%. Авторы отмечают, что соотношение ведущих модальностей подвергается изменению в

¹ Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 245 с.

² Линдгрэн Н. Органы чувств животных и их электронные аналоги. М.: Электроника, 1962. 87 с.

³ Колкова М. К. Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2007. 286 с.

⁴ Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 199 с.

⁵ Шитикова Е. В. Типы мышления студентов вуза с разным научным потенциалом // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 321–326.

зависимости от состояния современного общества¹. А если учитывать реалии современной жизни, связанные с компьютеризацией, ростом технического прогресса, небывалым увеличением объема визуального контента как в личной, так и профессиональной сферах жизни людей, можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время осуществляется переход от стандартной аудиальной передачи информации к визуальной. Следовательно, на современном этапе учет визуальной репрезентативной системы при познании окружающей действительности является необходимым.

Эксперименты зарубежных физиологов Д. Х. Хьюбела и Т. Н. Визела показали, что раздражение некоторых нейронов мозговой коры происходит только под воздействием раздражителей определенной модальности, в то время как другие нейроны реагируют на раздражители нескольких модальностей одновременно. Существуют связи между различными модальностями, так называемые синестезии. Например, при воздействии слухового раздражителя появляется зрительная картинка. Несмотря на эксперименты психолога Э. М. Хорнбостеля, биологов В. Бернштайна и П. Шиллера, доказывающие существование синестезий, следует отметить, что в ситуации нормального предметного восприятия их возникновение достаточно редко в отличие от ситуации неопределенности.

Однако при совместном воздействии различных видов раздражителей, например, аудиальных и визуальных, будут активироваться и нейроны обеих модальностей, что увеличит объем воспринимаемой информации в целом. Так, по данным исследований, человек воспринимает 15% информации посредством слуха и 25% – с помощью зрения, а при одновременном воздействии стимулов двух видов воспринимается 65% информации². Об этом же свидетельствуют

¹ Рогожникова Т. М., Навалихина А. И. Доминантные модальности восприятия и их динамика // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 2. С. 472.

² Гордиевских В. М., Петухов Д. В. Технические средства обучения. Шадринск: Шадр. гос. пед. ин-т, 2006. 152 с.

научные работы О. А. Долгополовой¹, М. А. Conway², L. Shams³ и других авторов, считающих, что переключение модальностей способствует повышению продуктивности узнавания объекта. Эксперименты Д. Х. Хьюбела и Т. Н. Визела показали, что при изменении раздражителя происходит активация рецепторов, а при повторении одного и того же раздражителя может наступить адаптация⁴. Кроме того, экспериментальным путем установлено, что чем больше предъявляется визуальных стимулов одновременно, тем слабее к ним адаптация по причине их соперничества друг с другом⁵.

Применительно к теме нашего исследования можно констатировать, что разный вид стимулов активировать нейроны соответствующей модальности, а совместное использование и визуальных, и аудиальных стимулов позволит повысить продуктивность узнавания информации. Кроме того, при предъявлении несколько раз одного и того же раздражителя тестируемый может адаптироваться к нему, а при совместном использовании разных видов стимулов рецепторы соответствующих модальностей будут сохранять активность и способствовать лучшему восприятию информации.

Несомненно, визуальное восприятие в современном мире играет главенствующую роль. С точки зрения физиологии проблемой зрительного восприятия занимались И. Мюллер, Э. Геринг, Г. Гельмгольц⁶, И. М. Сеченов⁷, Ч. Шеррингтон, А. А. Ухтомский⁸, Б. Х. Гуревич¹, А. И. Коган² и многие другие.

¹ Долгополова О. А. Межполушарная организация вербальной памяти на модели узнавания в норме и патологии : дис. ... канд. психол. наук. М., 1990. 226 с.

² Conway M. A. Writing and long-term memory: evidence for a «translation hypothesis» // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1990. 42A. P. 513–527.

³ Shams L. Benefits of multisensory learning // *Trends in cognitive sciences*. 2008. № 12 (11). P. 411–417.

⁴ Марютина Т. М., Ермолаев О. Ю. Введение в психофизиологию. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Флинта, 2001. С. 41.

⁵ Блейк Р., Секулер Р. Восприятие. Бостон: Макгроу-Хилл, 2006. 625 с.

⁶ Гельмгольц Г. О зрении человека. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 182 с.

⁷ Сеченов И. М. Избранные произведения. Т. I : Физиология и психология. М.: Академия наук СССР, 1952. 776 с.

⁸ Ухтомский А. А. Собрание сочинений : в 6 т. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1945–1962 (тип. «Печатный двор»), 1954. Т. 5. 231 с.

Как известно, зрительная информация обрабатывается затылочной долей головного мозга. Зрительная кора, являющаяся частью коры больших полушарий головного мозга, подразделяется на первичную, ответственную за обработку зрительных стимулов, и вторичную, участвующую в распознавании размера, цвета, формы, пространственного расположения зрительного образа³. Кроме того, вторичная зрительная кора участвует в распознавании получаемой информации.

Восприятие визуальной информации начинается со зрительных анализаторов. Поступающая информация в виде энергии электромагнитного излучения светового диапазона проходит через роговицу глаза и зрачок. Попадая на хрусталик, световой поток фокусируется на сетчатку в виде определенного изображения. Находящиеся на сетчатке рецепторы преобразуют визуальную информацию в нервные импульсы, несущие ее в головной мозг, который собирает воедино всю информацию о визуальном объекте, придавая ей смысл⁴.

Физиологические процессы восприятия у всех людей идентичны. Внимания заслуживают индивидуальные особенности, оказывающие значительное влияние на восприятие и его результат. Примером может служить известный эксперимент французского психолога А. Бинэ по визуальному описанию папиросы участниками двух групп, результатом которого стало очевидное различие в описании: одна группа описывала папиросу, выделяя ее объективные признаки, другая опиралась на субъективное представление различных компонентов папиросы⁵. В исследованиях Д. Брунера, Л. Постмена показана зависимость восприятия от мотивов, намерений и целей субъекта.

¹ Гуревич Б. Х. Роль проприоцепции в механизмах глазодвигательного рефлекса и в работе зрительного анализатора у человека // Физиологический журнал СССР. 1959. Т. 45, № 11. С. 1308–1316.

² Коган А. И. Роль компенсации в работе сенсорно-двигательного аппарата // Проблемы физиологической оптики. 1967. Т. 14. С. 61–76.

³ Anzai A., Peng X., Van Essen D. C. Neurons in monkey visual area V2 encode combinations of orientations // Nature Neuroscience. 2007. Vol. 10, № 10. P. 1313–1321.

⁴ Role of layer 6 of V2 visual cortex in object-t recognition memory / M. F. López-Aranda [et al.] // Science. 2009. Vol. 325, № 5936. P. 87–89.

⁵ Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.

Авторами сформулированы принципы избирательности восприятия: принцип резонанса, принцип защиты и принцип настороженности¹. Согласно Л. Беллак влияние на восприятие оказывают мотивы и чувства воспринимающих². Установка также играет немаловажную роль³. По мнению Е. Т. Соколовой, потребности, склонности, интересы, прошлый опыт являются факторами, обуславливающими индивидуальные различия в восприятии⁴.

Начиная со второй половины прошлого столетия достаточно активно изучалось влияние доминирующего полушария на способ познания окружающего мира. В 1949 году советским физиологом И. П. Павловым было выделено два типа высшей нервной деятельности – мыслительный и художественный⁵. Позже благодаря многочисленным экспериментам подтвердился факт о различных функциях полушарий головного мозга.

Следует отметить, что исследователи разных областей науки, включая физику, анатомию, биохимию, нейропсихологию, нейрофизиологию, психофизиологию, установили существование межполушарной асимметрии мозга, объясняющей реализацию когнитивных процессов человека.

Экспериментальным путем подтверждено, что левое полушарие служит для воспроизведения и восприятия речи, понимания логики в вербальном и письменном изложении, проведения аналитических и логических операций, а также является хранилищем словесных воспоминаний. Кроме того, D. M. Tucker, N. A. Fox, R. J. Davidson, П. В. Симонов установили зависимость вида эмоций от доминирования правого или левого полушария. Значит, можно утверждать, что проявление положительных эмоций связано с активацией левого полушария.

¹ Брунер Дж. С. Психология познания. М.: Прогресс, 1977. 412 с.

² Савина Е. А. Введение в психологию. М.: Прометей, 1998. 247 с.

³ Надирашвили Ш. А. Психологическая природа восприятия. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 256 с.; Прангишвили А. С. Психологические исследования. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 340 с.; Узнадзе Д. Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004. 412 с.

⁴ Соколова Е. Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 128 с.

⁵ Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.: Изд-во и 1-я типография Академии наук СССР, 1949. 475 с.

С правым полушарием связано восприятие невербального, ассоциативного образа. По мнению М. Н. Фишмана, оно воспринимает окружающую действительность холистически, то есть глобально, целостно, одновременно¹. Правое полушарие «...почти не понимает глаголов, абстрактных терминов, не способно на ложные высказывания...»² В правом полушарии располагается зрительная память с хранящимися в ней определенными классами ранее виденных изображений. Оно считается более эмоциогенным, его активация связана с проявлением негативных эмоций³. К аналогичным выводам, свидетельствующим об активации правого полушария при негативном воздействии, пришли М. Г. Михайлова, М. И. Зайченко⁴. По мнению Е. Д. Хомской, личностная тревожность в большей степени проявляется при правополушарной латерализации, ситуативная – при левополушарной⁵.

Обращаясь к теме нашего исследования, следует отметить, что, устанавливая психологический контакт с обследуемым, целью которого является в том числе эмоциональное расположение тестируемого к полиграфологу и к процедуре проверки на полиграфе, то есть проживание положительных эмоций, мы тем самым способствуем активации работы левого полушария, настраивая обследуемого на восприятие вербального стимула. Однако для лица, пытающегося скрыть информацию, интересующую полиграфолога, переживание положительных эмоций невозможно. Присущее ему в данный момент негативное эмоциональное состояние усугубляется еще тем, что активизируется память посредством предъявления релевантного стимула. А так как за визуальное

¹ Фишман М. Н. Интегративная деятельность мозга детей в норме и при отклонениях в умственном развитии : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 1988. 42 с.

² Будук-оол Л. К. Функциональная асимметрия мозга и обучение: этнические особенности. М.: Академия естествознания, 2010. 142 с.

³ Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1988. С. 78.

⁴ Михайлова М. Г., Зайченко М. И. Нейроны правой и левой префронтальных областей коры мозга крыс и стимуляция эмоциональных зон // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 1998. № 48 (3). С. 431–437.

⁵ Нейропсихология индивидуальных различий / Е. Д. Хомская [и др.]. М.: Рос. пед. агентство, 1997. 281 с.

восприятие отвечает правое полушарие головного мозга и оно же активируется при негативном воздействии, то наилучшим способом предъявления значимого стимула в данный момент будет визуальный. При активном правом полушарии, подкрепляя процесс восприятия визуальным значимым стимулом, мы способствуем активизации ассоциативной памяти, запуская процесс узнавания стимула путем его соотнесения с хранящейся в памяти информацией о нем. Как известно, восприятие значимого стимула сопровождается определенной реакцией организма, в том числе физиологической, которую фиксирует полиграф.

Анализируя научные исследования отечественных и зарубежных авторов, направленные на изучение межполушарных дихотомий головного мозга и связанных с ними индивидуальных различий в восприятии различных видов стимулов, можно констатировать, что существует зависимость ведущей модальности человека от доминирования одного из полушарий головного мозга.

Например, если принимать во внимание гендерные особенности, то, по мнению Дж. Леви, асимметрия мозга больше выражена у мужчин¹. Кроме того, большинство исследований когнитивных функций с учетом межполовых различий указывают на преимущество мужской половины населения в зрительно-пространственном восприятии, а женской половины – в вербальном². С точки зрения анатомии об этом свидетельствует больший объем мужской первичной и вторичной зрительной коры и меньший объем первичной слуховой коры по сравнению с женщинами. Кроме того, больший объем ассоциативной коры, дающей мужчинам преимущество в зрительно-пространственном восприятии, находится в правом полушарии мозга³. Плотность серого вещества, находящегося в левом полушарии головного мозга женщин, выше,

¹ Levy J. Lateral differences in the human brain in cognition and behavioral control // *Cerebral Correlates of Conscious Experience*. 1978. P. 285–298.

² Kimura D. Sex differences in intrahemispheric organization of speech // *Behavior. Brain Sciences*. 1980. Vol. 3. P. 240–241.

³ Geschlechtsunterschiede in der Gehirnstruktur in den Hör- und Hüftbereichen / C. C. Brun [et al.] // *NeuroReport*. 2009. P. 930–935.

чем у мужчин, что свидетельствует о преимуществе восприятия вербальной информации¹.

Принимая во внимание этнопсихологические особенности человечества, ученые установили, что преимущественное доминирование того или иного полушария зависит от существующих традиций и обычаев определенного населения². Так, менталитет западного населения имеет немало отличий от менталитета народов восточных стран. Восточная культура отличается чувственностью, имеет созерцательную направленность. Менталитет населения России, независимо от национальности, имеет специфические черты, которые формировались не одно тысячелетие. На становление русского менталитета оказывали влияние различные социальные, религиозные, культурные традиции, политические, пространственно-географические факторы. Рассматривая вопрос о менталитете России в целом, связанном с доминирующим типом мышления населения, обратим внимание на исследования О. В. Плебанек. По данным автора, население России – интроверты, в то время как население Запада – экстраверты. Поэтому народу, населяющему Россию, свойственна правополушарная дихотомия³.

Динамику межполушарной асимметрии с учетом возраста исследовали Сара С. Маклеод, Лелон Пикок. С помощью эксперимента, включающего решение пространственных и вербальных задач мужчинами старше 60-летнего возраста под контролем электроэнцефалографии, ученым удалось доказать снижение способности пространственного восприятия, но сохранение способности к вербальному восприятию информации⁴. Однако показатель возрастной межполушарной асимметрии в контексте нашего исследования не

¹ A meta-analysis of sex differences in human brain structure / A. N. V. Ruigrok [et al.] // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2014. Vol. 39. P. 34–50.

² Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979. 352 с.

³ Плебанек О. В. К вопросу о структуре ментальности // *Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона*. 2007. С. 51–53.

⁴ Маклеод С. С., Пикок Л. Дж. Асимметрия ЭЭГ, связанная с задачами: влияние возраста и способностей // *Психофизиология*. 1977. № 14 (3). С. 308–311.

актуален, так как возрастной ценз кандидата на службу в ОВД имеет определенные границы¹.

Учеными проведено значительное количество исследований, направленных на определение зависимости ведущего глаза от типа восприятия окружающего мира. Такими исследованиями занимались отечественные представители нейронаук: О. Розенбах, Г. А. Литинский, А. Р. Лурия, Е. В. Гурова, А. П. Бизюк, Е. Д. Хомская, Ю. В. Микадзе, Н. К. Корсакова, Е. И. Николаева, Н. В. Москвина, Н. А. Хохлов, М. С. Ковязина, Н. В. Василевская, К. А. Васильева и другие. В первой половине XX века О. Розенбах провел ряд исследований, результатом которых стала констатация фактов о доминировании правого глаза у 62,6% испытуемых. Результатами исследований других авторов были подтверждены данные о преобладании правого глаза у большинства испытуемых. Кроме того, исследования показали, что расположение визуального объекта лучше воспринимается с идентичной стороны ведущего глаза².

Изучением слуха, его влиянием на межполушарную асимметрию занимались ученые: Б. Г. Ананьев, М. С. Неймарк, С. Е. Драпкина, В. П. Морозов, А. В. Бару, М. Safer, D. Kimura, H. Kallman и другие. Исследователями установлено, что человек лучше локализует звук справа, как при бинауральном, так и при моноауральном восприятии. Также путем экспериментов подтверждено преобладание левого уха при восприятии неречевых звуков. Преобладание правого уха прослеживается при восприятии смысла вербальной информации, в то время как восприятие интонации производится левым ухом. Авторами, среди которых Е. П. Кок, Б. С. Котик, А. Багдонас, Н. Кочюнене, Т. Bever, D. Hines и другие, установлено, что восприятие вербального и визуального слова, различных словообразований обрабатывается левым полушарием головного мозга. Цифровой материал в вербальном и зрительном формате, по мнению

¹ Арефьева О. В. Восприятие визуальных стимулов обследуемым в рамках специального психофизиологического исследования с применением полиграфа // Прикладная юридическая психология. 2023. № 1 (62). С. 84–94.

² Корсакова Н. К., Микадзе Ю. В., Балашов Е. Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М.: Рос. пед. агентство, 1997. 123 с.

D. Kimura, P. Satz, E. Zurif, M. Bryden, E. Teng и других, также имеет левополушарное преимущество. Но, по данным D. Hines, обработка цифрового материала осуществляется правым полушарием головного мозга. У лиц, имеющих музыкальный слух, по данным канадского и британского ученых Кристи Хайд и Эндрю Блэймайра, доминирующим будет правое полушарие головного мозга.

С учетом характеристики когнитивного стиля полезависимость-полenezависимость, открытого Г. Уиткином, ученые пришли к выводу о том, что полезависимым людям в ситуации неопределенности окружающей действительности труднее найти решение, чем полenezависимым. Полenezависимые (левополушарные) люди в решении задач способны выходить за рамки сложноорганизованного контекста, предлагать более продуктивные и оригинальные решения, опираясь на проприоцептивный опыт¹. Полезависимый когнитивный стиль мышления, присущий правополушарным людям, вызывает трудности в самостоятельном принятии решений, таким людям необходимо прибегать к информации окружающих людей². При проведении СПФИ отсутствует необходимость в поиске тестируемым оригинального решения, наиболее продуктивным для полиграфолога является наипростейший ответ – либо «да», либо «нет». Однако в работах других авторов (С. Tinajero, M. Paramo, F. Cadaveira, H. S. Rodriguez-Holguin, C. Garrick, W. Rapaczynski, H. Ehrlichman) указывается на правополушарное доминирование полenezависимого когнитивного стиля переработки информации, в то время как полезависимые люди используют левополушарную стратегию³.

Относительно показателя индивидуальных особенностей экстраверсия-интроверсия и зависимости доминирования одного из полушарий головного мозга исследователями, в частности D. Charman, выявлено доминирование

¹ Бызова В. М., Перикова Е. И. Влияние полезависимости-полenezависимости на процесс преодоления неопределенных визуальных стимулов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 178–182.

² Холодная М. А. Когнитивные стили о природе индивидуального ума. М. [и др.] : Питер, 2004. С. 57.

³ Кочюнас, Р.-А. Б. Исследование факторов проявления перцептивной асимметрии : дис. ... канд. психол. наук. Вильнюс, 1984. 180 с.

правого полушария у экстравертов. Но в научной литературе существует и противоположное суждение. Так, по мнению Л. А. Шмаковой, у мужчин доминирование левого полушария связано с показателем экстраверсии, доминирование правого – с интроверсией¹. У женщин по показателю рукояти-аплодирования установлено, что женщины с правым типом аплодирования более экстравертированы, а с левым – интровертированы².

Несмотря на существенные различия во взглядах авторов относительно межполушарных дихотомий головного мозга, все же можно с уверенностью констатировать, что, несомненно, существуют индивидуальные различия людей, позволяющие им более качественно обрабатывать определенный вид стимула. Ведь левополушарный человек может испытывать некоторые трудности в обработке визуальной информации, а правополушарный – в обработке вербальной.

Одним из преимуществ правополушарного мышления является одномоментное, целостное восприятие сюжета и понимание его сущности, то есть узнаваемость и раскодирование. Причем правое полушарие способно не только узнавать имеющиеся в памяти образы, но и воспринимать новые. Левополушарное мышление более медленно собирает целостную картину из последовательных, логических действий. По убеждению В. П. Зинченко, «Зрительные образы, в отличие, например, от слуховых, характеризуются субъективной симультантностью, позволяющей мгновенно «схватывать» отношения, существующие между различными элементами воспринимаемой ситуации...»³ Так, для мгновенного понимания смысла небольшого текста достаточно несколько фиксаций взгляда, а для узнавания знакомого изображения – несколько движений глаз.

¹ Москвин В. А. Межполушарная асимметрия и индивидуальные стили эмоционального реагирования // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 116–120.

² Шмакова Л. А., Волошенко С. Е. Некоторые показатели структуры личности во взаимосвязи с тестом на аплодирование // Проблемы нейрокибернетики. 1983. С. 88–93.

³ Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 107 с.

Дело в том, по мнению Б. Г. Ананьева, что восприятие визуальной информации осуществляется на трех уровнях: ощущений, восприятия, представления. Аудиальная информация воспринимается только на уровне представления¹. Поэтому для вербальной передачи объективной информации респонденту потребуется больше времени и точно подобранных слов, в то время как визуальный образ быстрее и точнее может справиться с этой задачей. Для более объективного восприятия вербального контента информации надо обратить внимание на факторы, несущие смысловую нагрузку, например на интонацию голоса, тембр, гендерную и социальную принадлежность. Кроме того, в русском языке согласные звуки придают определенный смысл содержанию информации². Скорость речи, как известно, имеет значение для восприятия. Так, для флегматика восприятие быстрой речи оппонента может вызвать затруднения, ровно как и восприятие медленной речи для холерика³. Локализация вербальной информации, как отмечалось нами ранее, также может сыграть определенную роль в восприятии.

Ю. В. Микадзе, Б. С. Котик отводят ведущую роль правому полушарию в процессе узнавания в целом, то есть известная человеку информация, хранящаяся в памяти, по мнению исследователей, активизирует работу правого полушария⁴.

Изучив немалый пласт научной литературы, проанализировав различные подходы к проблеме визуального восприятия информации, к индивидуальным различиям воспринимаемых, можно констатировать, что такой сложный процесс, как восприятие, невозможно описать с позиции только одной области науки. Весь процесс получения информации об окружающей действительности

¹ Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1960. 486 с.

² Корж Н. Н., Пенова И. В., Сафуанова О. В. Денотативные значения цветоименований // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 4. С. 69–79.

³ Беловол Е. В. Проявление свойств темперамента в акустических характеристиках речи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 26 с.

⁴ Котик Б. С. К вопросу о механизмах латеральных различий в слуховом восприятии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 63–71.

задействует не только психические процессы, но и физиологические, психофизиологические, и нейропсихологические.

Разный вид стимулов активирует нейроны соответствующей модальности, а совместное использование и визуальных, и аудиальных стимулов позволяет повысить продуктивность узнавания информации. Повышению продуктивности узнавания объекта способствует и переключение модальностей. Если предъявлять один и тот же раздражитель несколько раз в виде вербального стимула, тестируемый может адаптироваться к нему, а при совместном использовании разных видов стимулов рецепторы соответствующих модальностей будут сохранять активность, что способствует более полному восприятию информации. Негативные эмоции, возникающие у обследуемого при ложном ответе на релевантный стимул, активизируют работу правого полушария, следовательно, предъявление визуального образа в сложившейся ситуации будет наиболее целесообразным.

Анализ научных исследований отечественных и зарубежных авторов, направленных на изучение межполушарных дихотомий головного мозга, выявил существование индивидуальных различий людей, позволяющих им более качественно обрабатывать определенный вид стимула. Так, левополушарный человек может испытывать некоторые трудности в обработке визуальной информации, а правополушарный – в обработке вербальной. Таким образом, можно утверждать, что необходимость использования зрительной модальности кандидатов на службу в процессе проведения СПФИ актуально и научно обосновано¹.

¹ Арефьева О. В. Формирование визуальных факторов риска для проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 20–21 апр. 2023 г.) / под ред. Ю. А. Шаранова, В. Л. Ситникова ; сост.: И. Ю. Кобозев [и др.]. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2023. С. 57–64.

1.5. Психотехнология формирования визуальных стимулов для проведения полиграфного исследования кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации

В предыдущем параграфе мы обозначили научно обоснованную необходимость использования визуальных стимулов факторов риска при проведении СПФИ в рамках ППО, поэтому возникает потребность в их разработке.

Необходимость использования визуальных стимулов в процессе проведения СПФИ диктует и анализ литературы об истоках применения полиграфа в России. Следует отметить переломный момент, послуживший началом его активного использования в ведомственных структурах СССР. Таким моментом явилось разоблачение американскими спецслужбами советского разведчика Рудольфа Абея, который в затемненной комнате с одетыми на него датчиками молча рассматривал представленные ему слайды. Фиксируемые полиграфом физиологические процессы Абея позволили установить скрываемую им конспиративную информацию¹. Таким образом, хотя был использован только зрительный канал восприятия, результат исследования оказался высокоэффективным.

На современном этапе представление информации лицу, проходящему полиграфную проверку, осуществляется через аудиальный канал восприятия. Разработка визуальных стимулов и использование их в процессе исследования позволят включить в работу и визуальное восприятие.

Нет сомнений в том, что использование визуальных стимулов при проведении полиграфной проверки в оперативно-розыскной или следственной деятельности существенно отличается от ППО. В контексте проведения следственных действий визуально предъявляется изображение с элементами реальной картины, происходит сопоставление с информацией, имеющейся в

¹ Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Указ. соч. С. 54.

памяти и возникновение ответных физиологических реакций у причастного лица.

В контексте разработки визуальных стимулов для проведения СПФИ в отношении кандидатов на службу сложность задачи состоит в том, что визуальные стимулы должны носить обобщенный, универсальный характер, включать в себя большой пласт информации по каждому фактору риска, то есть изображения должны отражать не конкретную ситуацию, как это происходит в процессуальном производстве, а информацию по каждому фактору риска в целом. Так, фактор риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ», фиксируемый в одном зрительном изображении, должен отражать, на наш взгляд, как различные виды наркотических средств, так и всевозможные способы их оборота, а также незаконность подобных деяний. Такой подход объясняется предположительной допустимостью участия различных кандидатов во множественных разновидностях противоправного деяния этого вида. Например, при предъявлении визуального фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» для одного обследуемого значимым будет образ закладки, для второго – образ полива растительных наркотических средств, а для третьего – образ изготовления курительной смеси. Следовательно, визуальные стимулы факторов риска должны обладать универсальным характером, но в то же время быть значимыми для каждого причастного лица. Кроме того, принимая во внимание особенности восприятия, создание визуальных стимулов должно строиться на определенных правилах, учет которых будет способствовать объективному и адекватному восприятию образа всеми кандидатами.

В связи с этим возникает необходимость в проведении анализа имеющихся в научной литературе результатов исследований, позволяющих определить основные правила создания визуальных стимулов, способствующие адекватному и объективному их восприятию.

Как мы уже отмечали, визуальные стимулы должны содержать большой пласт информации. Для решения этой задачи необходимо прибегнуть к использованию знаковой системы, обобщающей человеческий опыт в целом.

Изучением знаковых систем в коммуникации занимается семиотика. Знаки и знаковые системы в семиотике являются средствами создания, хранения и передачи информации. С помощью знаков происходит коммуникация, как внутриличностная, так и межличностная. Знаки являются носителями информации, а знаковые системы – базами данных. В процессе коммуникации у субъекта посредством знаков в сознании моделируется определенный образ конкретного фрагмента окружающей действительности.

По мнению Ч. С. Пирса, одного из основателей семиотики, комбинация знаков и символов является закодированной информацией, которая интерпретируется (раскодируется) человеком определенным образом¹. Согласно Пирсу, знак имеет триадическую структуру: во-первых, это сам знак, то есть то, что можно интерпретировать, во-вторых, это объект, который является предметом знака, например вещь, событие, умозаключение, и, в-третьих, это интерпретанта, являющаяся значением или предполагаемым значением знака. Позже автор называл знаком всю триаду полностью, то есть, по мнению Пирса, в закладываемое значение знака включены все три составляющие, поэтому финальное значение знак принимает в том числе благодаря контексту. Кроме того, репрезентант, его объект и интерпретанта могут взаимозамещаться, вследствие чего знак приобретает совершенно иное значение, другой смысл.

Следуя концепции Пирса, можно отметить, что в контексте нашего исследования визуальный стимул фактора риска должен иметь такие составляющие триады, чтобы значение знака для обследуемых соответствовало заложенному значению полиграфолога. Например, по данным Unicode, изображения шприца и таблетки принадлежат к медицинской категории и

¹ Пирс Ч. С. Символы, сигналы, шумы. Закономерности и процессы передачи информации. М.: Мир, 1967. 334 с.

означают «медицина, больница, лекарство...»¹, но если мы в наш визуальный стимул включим, например, шприц в сочетании с противоположностью, то знак в целом приобретет совершенно иное значение.

Пирсом была предложена классификация знаков: иконические знаки, знаки-индексы и символы, которые имеют некоторые отличия. Иконические знаки максимально точно отображают объект, это фотографии, картины, скульптуры. Знаки-индексы воспроизводят подобие объекта и несут смысловую нагрузку причины и следствия, например дорожные и указательные знаки, а также ситуативные знаки, имеющие значение только в определенных ситуациях. Символами могут быть вымышленные изображения объектов реальной жизни, которые интерпретируются посредством ассоциативной связи, например книга, флаг, герб, взаимодействие².

Другой подход к пониманию знаков предложил Ф. де Соссюр. Автор рассматривает дуальную модель знака, включающую означаемое и означающее³. Означаемое является содержанием вербальной речи, в которой нет вариативности, потому что есть конкретное значение каждой буквы в слове и слова в предложении, а вот означающее – выражение этой речи, которое может обладать большой вариативностью смыслов. Тем не менее процесс коммуникации порождает создание конечного смысла знака. По мнению данного автора, означаемое и означающее неразделимы и необходимы для создания знака. Знак становится понятным лишь в том случае, если эти два компонента совпадают.

Несмотря на отношение означаемого и означающего лишь к вербальному тексту, все же структуру знака Соссюра можно соотнести и с нашим исследованием. Так как визуальное изображение подлежит прочтению,

¹ Когда текста недостаточно. URL: <https://www.symbbl.cc/ru/1F489/> (дата обращения: 12.05.2024).

² Пирс Ч.С. Что такое знак // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3 (7). С. 88–95.

³ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 425 с.

следовательно, его можно отнести к тексту¹. Таким образом, текст фактора риска будет являться означаемым, а его визуальное изображение – означающим. Для понимания знака в целом необходимо совпадение этих двух компонентов, то есть визуальное изображение и текстовый формат фактора риска должны иметь одинаковое значение. Следовательно, визуальный стимул фактора риска должен отсылать к значению текста этого фактора риска, а значение текста должно отражаться в визуальном образе.

По мнению Р. Барта, при анализе газетной фотографии наличие текстового сообщения, сопровождающего фото, оказывает регулирующее воздействие, придающее направление интерпретации этой фотографии². Однако впоследствии французский ученый уходит от сопровождения знаковости в восприятии художественного изображения и вводит понятие *Punctum*, имеющее значение смыслового визуального эффекта³, таким образом пытаюсь освободить анализ визуальных знаков от зависимости вербального текста.

На наш взгляд, такую позицию автора по отношению к фотографии в разных источниках можно сравнить с просмотром документального и художественного фильмов. Так, целью документального фильма является передача зрителю информации, наиболее приближенной к действительности, для формирования единого смысла всего сюжета у каждого зрителя. Данный прием можно отметить при воспроизведении большинства документальных фильмов, а также в исторических музеях. Художественный же фильм допускает множественность интерпретаций, его восприятие зависит от многих внешних и внутренних факторов, влияющих на зрителей, а подкрепление текстовой информацией сузит вариативность смыслов.

Совместное использование текста и изображения часто встречается в рекламе. Так, по мнению исследователей К. А. Lutz и Р. J. Lutz, создание

¹ Дорофеев Д. Ю., Семенова В. Н. Образ человека и визуализация политической коммуникации в эпоху постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, Вып. 4. С. 687–699.

² Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 297–319.

³ Петровская Е. В. Теория образа. М.: РГГУ, 2010. 281 с.

визуальных связей между названием предприятия и изготавливаемым им продуктом улучшает запоминание и впоследствии узнавание этого предприятия¹.

Касательно нашего исследования сопровождение зрительного изображения смысловой надписью будет необходимо с целью указания направления интерпретации обследуемым для формирования единого смыслового содержания фактора риска.

При включении текста в зрительное изображение необходимо обратить внимание на используемый шрифт. Анализ исследований показал, что различные виды шрифта имеют различную читательскую способность, а также оказывают влияние на состояние читателя. Например, шрифт, выделенный жирным, наиболее читабельный издали, а с близкого расстояния может вызвать затруднение в прочтении из-за возможного эффекта слияния букв. Кроме того, жирный прямой шрифт кажется наиболее тяжелым, строгим, серьезным в отличие от тонких линий шрифта с наклоном, вызывающего ассоциацию легкости и утонченности. Так, эксперименты Д. Эльбрахта показали, что наиболее читабельными являются прямые шрифты без выделений и наклона². В научной исторической литературе можно обнаружить деление всех шрифтов на 3 категории: «Активика» (шрифт с засечками латинского алфавита), «Египетский» (имеющий форму брусочков) и «Гротескный» (имеет жирные очертания при отсутствии контрастов и засечек)³. Шрифты группы «Антиква», такие как Times, Times New Roman, являются наиболее древними, часто используемыми в практике и поэтому считаются классическими. Следовательно, текстовую часть визуальных стимулов факторов риска целесообразно оформлять шрифтом Times New Roman без наклона и жирного выделения.

¹ Lutz K. A., Lutz R. J. The impact of interactive images on learning: application in advertising // *Journal of Applied Psychology*. 1977. Vol. 62. P. 493–498.

² Elbracht D. Erkennbarkeit und Lesbarkeit von Schriften für Zeitungs- und Zeitschriftensatz // *ZV – ZV, Organ für Presse und Werbung*. 1969. Vol. 47. P. 24–32.

³ Прохорова Е. А. О классификации шрифтов и их функциях // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 13 (228). С. 166–170.

Многочисленные эксперименты и такие же многочисленные результаты получены при изучении взаиморасположения в визуальном образе текста и иллюстрации. Критериями оценки являлись внимание и воспоминание. Эксперимент П. Адамса по расположению бессмысленных слогов относительно плоскости показал преимущество левого верхнего угла. К. Проффенбергер обнаружил ряд вспомогательных, дополнительных факторов, объясняющих право- и левостороннее преимущество в экспериментах коллег. Проанализировав ряд работ, он сделал вывод об отсутствии какого-либо преимущества одной из сторон¹. У. Бернхард определил преимущество на основании первичности, то есть то, что зафиксировалось первично, то и лучше вспоминается².

Таким образом, анализируя полученную информацию, можно определить, что визуальный стимул фактора риска должен содержать верхнее расположение текста и центральное расположение визуального образа.

Размер изображения имеет важное значение. Необходима его соразмерность по отношению к формату, согласованность частей и целого. Изображение не должно быть слишком мелким или чрезвычайно крупным. Эта необходимость обусловлена более комфортным и качественным восприятием.

Н. Jacobi³, J. Stapel⁴, Н. D. Hadley⁵, Е. К. Strong⁶, Н. Muensterberg⁷ провели ряд исследований в сфере рекламы относительно влияния размера изображения на уровень внимания и воспоминания показанного образа и пришли к выводу:

¹ Poffenberger A. T. Psychology of advertising. Chicago & New York: A.W. Shaw Company, 1925. 632 p.

² Bernhard U. Die Bedeutung und Verwendung der Blickregistrierung fuer den Pretest // In K. D. Hartmann & K. Koeppler (Hrsg.), Fortschritt der Marktpsychologie. Frankfurt a. M.: Fachbuchhandlung fuer Psychologie, 1977. P. 169–186.

³ Jacobi H. Werbepsychologie: Ganzheits- und gestaltpsychologische Grundlagen der Werbung. Wiesbaden: Gabler, 1972. 140 p.

⁴ Stapel, J. Recall and recognition: A very dose relationship // Journal of Advertising Research. 1998. Vol. 38. P. 41–45.

⁵ Hadley H. D. How readership is affected by size of an advertisement // Advertising Agency. 1950. Aug. 518 p.

⁶ Strong, E. K. Jr. The effect of time-interval upon recognition memory. Psychological Review // Columbia University Quarterly. 1913. Vol. 20. P. 339–372.

⁷ Muensterberg H. Psychologie und Wirtschaftsleben. Leipzig: Bart, 1912. 212 p.

чем крупнее изображение, тем выше уровень внимания и тем точнее воспроизводимость увиденного образа. Также ученые показали, что более высокого уровня внимания и запоминания со стороны реципиента мелкие изображения могут достичь путем их неоднократной демонстрации.

Таким образом, следует констатировать, что визуальные стимулы факторов риска должны располагаться на листе формата А4 с учетом соразмерности самого образа по отношению к этому формату.

Выразительность изображения, по мнению некоторых ученых, имеет влияние на интенсивность восприятия. Так, исследования Р. Коллинса, С. Тейлора, Дж. Вуда, С. Томпсона¹ показали увеличение интенсивности восприятия при предъявлении выразительного изображения. В работах К. Фрея и А. Игли² отмечен противоположный эффект – чем более выразительным представлялось визуальное изображение, тем менее интенсивно воспринималась и хуже запоминалась информация.

Обращение к страху в визуальных образах как приему усиления восприятия было описано в работах таких ученых, как D. Lucas и C. Benson, I. Janis и S. Feshbach, P. Keller и L. Block, K. Bennett и других. Ученые расценивали этот прием как указание воспринимающему на негативные последствия определенного поведения³, обращение внимания на поведение, угрожающее здоровью⁴. Keller и Block изучали процесс влияния страха на реципиентов и отметили, что для достижения эффекта страха в визуальном образе необходимы такие составляющие, как: серьезность угрозы, возможность ее наступления, предотвращения и направления поведения в положительное русло⁵. Кроме того,

¹ The vividness effect: Elusive or illusory? / R. L. Collins [et al.] // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1988. Vol. 24. P. 1–18.

² Frey K. P., Eagly A. H. Vividness can undermine the persuasiveness of messages // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 65. № 1. P. 32–44.

³ Lucas D. B., Benson C. E. The recall values of positive and negative advertising appeals // *Journal of Applied Psychology*. 1930. Vol. 14. P. 218–238.

⁴ Janis I. L., Feshbach S. Effects of fear arousing communication // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1953. Vol. 48. № 1. P. 78–92.

⁵ Цит. по: Мозер К. Психология маркетинга и рекламы. Харьков: Гуманитар. центр, 2004. 380 с.

ученые сделали акцент на силе обращения к страху и определили, что сила страха может влиять на восприятие таким образом, что при чрезмерно слабом или слишком сильном обращении к страху прием может не сработать по причине недооценки образа или включения защитной реакции соответственно. Данный прием будет действенным только в том случае, когда высокая интенсивность восприятия подкрепляется слабым обращением к страху, и, наоборот, при слабой интенсивности восприятия подкрепление должно быть максимальным¹.

Таким образом, можно отметить, что описанный в научной литературе прием обращения к страху в создаваемых визуальных стимулах факторов риска допустим и может выполнять разъясняющую функцию как указание на негативные последствия противоправного деяния.

Изучив основные законы восприятия, а также факторы, влияющие на восприятие, отраженные в научной литературе, считаем необходимым применительно к нашему исследованию обратить внимание на такие обязательные характеристики визуального материала, как цвет, форма, размер, фигура и фон, расположение в пространстве, контекст. Немаловажными будут и такие условия, как способ предъявления визуального стимула, длительность предъявления, его узнаваемость, соответствие менталитету лица, проходящего полиграфную проверку.

Относительно цвета в научной литературе имеются многочисленные данные о его влиянии на человека. Исследованиями восприятия цвета занимались ученые разных областей науки: И. Ньютон, Г. Грассман, Т. Юнг, Г. Гельмгольц, Э. Геринг. С точки зрения физиологии авторы показали наличие у человека трех цветных каналов восприятия: красного, синего и зеленого, соответственно наличие трех видов рецепторов цвета и оппонентности цветов. Восприятие дополнительных цветов, имеющих в окружающей действительности, осуществляется путем одновременного возбуждения двух или трех цветовых

¹ Keller P. A., Block L. G. Increasing the persuasiveness of fear appeals: The effect of arousal and elaboration // Journal of Consumer Research. 1996. Vol. 22, № 4. P. 448–459.

рецепторов. Цвета, по мнению специалистов, подразделяются на ахроматические (серый, белый, черный), так называемые бесцветные, которые характеризуются только светлотой, и хроматические (синий, зеленый, красный) – цветные, характеризующиеся цветовым тоном, светлотой и насыщенностью.

Воздействие того или иного цвета физиологами объясняется длиной световых волн. Так, красный цвет имеет самые длинные волны электромагнитной энергии, вследствие чего задействуются многочисленные нервные импульсы, что сказывается на активизации всех функций организма.

Психологическая наука изучает субъективную сторону цветового влияния на человека, воздействие цвета на его эмоциональное, психологическое, физиологическое состояние. Еще С. Л. Рубинштейн указывал на значительное влияние чувственного опыта человека при восприятии цвета. Например, встречающиеся в природе цвета ассоциируются: темно-синий – с ночной умиротворенностью, покоем, желтый – с дневными делами, теплотой, красный – с необходимостью активных действий. По мнению К. Э. Волковой и Ю. В. Бартеневой, различные цвета имеют прямую связь с эмоциональными состояниями человека по объективным и субъективным причинам, а определенное сочетание цветов способно вызвать необходимое эмоциональное состояние¹.

В. Кандинский отмечает символическое значение белого цвета, выражающееся в безликой и безмолвной действительности, в полнейшей тишине и всеобщем молчании². Символизм цветов можно проследить и на официальном отличительном знаке государства – флаге России, на котором белый цвет символизирует мир, чистоту, непорочность, совершенство, синий – веру, верность, постоянство, а красный – энергию, силу, мужество, смелость.

Следует отметить, что эмоциональная реакция на цвет во многом зависит от культурных традиций определенного общества. Так, П. С. Школьник, В. Ф. Тарасов, Т. Забозлаева, В. Г. Зазыкин, В. Кандинский и другие указывают,

¹ Волкова К. Э., Бартенева Ю. В. Влияние цвета на эмоциональный фон и психологию человека // Коллекция гуманитарных исследований. 2020. № 1 (22). С. 13–16.

² Кандинский В. О духовном в искусстве. Л.: ЛОСПС, 1989. С. 46.

что один и тот же цвет у разных культурных общностей имеет разное символическое значение и, следовательно, способен вызвать совершенно противоположные эмоциональные реакции и актуализировать соответствующий смысловой контекст, отражающий имеющийся опыт. В качестве примера можно привести разницу эмоционального реагирования на белый цвет. В западных странах белый цвет ассоциируется с миром, чистотой, в то время как в некоторых восточных странах белый цвет может вызывать печаль и ассоциироваться со смертью¹. Вопросами изучения воздействия цвета на человека занимались отечественные и зарубежные исследователи: К. Юнг, С. Палмер, К. Шлосс, Э. Дж. Эллиот, Н. Е. Введенский, И. В. Годнева, П. П. Лазарев, Г. Роршах, М. Люшер, Р. Хейс, Г. Хилтман, Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд и другие.

Помимо зависимости восприятия цвета от культуры различных общностей, немалое значение имеет и контекст зрительного образа². Например, эмоциональная реакция на красные розы и желтое солнце у большинства людей будет различаться с реакцией на шприц с красной кровью и желтым лимоном соответственно. Несомненно, цвет визуального объекта для достижения адекватности восприятия должен быть схож с природным. Например, розовый лимон может вызвать диссонанс и привести к необъективному восприятию объекта.

На основе психологического цветовосприятия разработано немало психодиагностических методик, определяющих эмоциональное состояние человека. Бесспорно, восприятие цвета сугубо индивидуально и зависит от многих факторов, однако М. Люшеру удалось создать концепцию взаимосвязи основных цветов и текущего эмоционального состояния здорового человека. Тест Люшера и сегодня остается высокоэффективным психодиагностическим методом. Следуя интерпретации цветов по Люшеру, можно отметить, что серый цвет не вызывает у человека никаких эмоциональных реакций, следовательно,

¹ Школьник Л. С., Тарасов Е. Ф. Язык улицы. М.: Наука, 1977. 62 с.

² Брудный А. А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. 1975. № 10. С. 109–117.

можно говорить о его эмоциональной нейтральности¹. Серый цвет считается нейтральным только при отсутствии любых цветовых оттенков, то есть полученный посредством затемнения белого тона².

Кроме того, восприятие цвета зависит от формы фигуры, заполняемого этим цветом объема, имеющейся фактуры и от располагающихся рядом цветов. Если между соприкасающимися цветами имеется четкий контур, то выделяется форма фигуры. Такие очертания между разными цветами придают четкость и определенность в восприятии, при этом из фона выделяется фигура, которая является константным образованием³. Выделению фигуры способствуют предварительное знакомство с объектом восприятия и наличие психологической установки на поиск чего-либо.

Таким образом, относительно нашего исследования можно констатировать целесообразность использования серого цвета и выраженного контура изображенных фигур. Кроме того, при проведении предтестовой беседы необходимо акцентировать внимание обследуемого на изображенной фигуре.

С точки зрения психотерапии процесс выделения фигуры из фона происходит путем включения психофизиологических механизмов, причем, если внимание сфокусировано на фигуре, это свидетельствует о ее значимости, в то время как значение фона отодвигается на второстепенный план. По мнению основоположника гештальттерапии Ф. Перлза, фигура будет доминировать в сознании человека, если он испытывает неудовлетворенную потребность, которую просматривает в фигуре. Если потребность удовлетворяется, то и фигура отодвигается на второстепенный план и становится нейтральной. Однако при невозможности удовлетворить потребность возникает тревожность, впоследствии переходящая в неврозы⁴. Применительно к нашему исследованию

¹ Люшер М. Цвет вашего характера. М.: РИПОЛ классик, 1997. 236 с.

² Грибер Ю. А., Сухова Е. Е. Цвет как инструмент управления эмоциями в публикациях о пандемии COVID-19 в русскоязычных онлайн-СМИ // Мониторинг общественного мнения. 2020. № 6 (160). С. 307–327.

³ Булюбаш И. Д. Руководство по гештальт-терапии. М.: Психотерапия, 2011. 765 с.

⁴ Перлз Ф. Теория гештальттерапии. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2004. С. 13.

можно отметить, что у тестируемого, пытающегося скрыть негативную информацию о себе, фокусировка внимания будет на значимой фигуре, следовательно, незавершенный гештальт будет проявляться в возникновении тревожности и выраженных физиологических реакциях.

Эксперимент Брунера – Постмана, проведенный калифорнийским психологом Р. Штраухом, неоднократно подтвердил важность контекста в визуальной информации. Необходима правильная организация воспринимаемой визуальной информации, на основе которой воспринимающий формирует образы, имевшие место в прошлом опыте. При восприятии информации человек склонен к более простой интерпретации увиденного, то есть к тому, что совпадает с его привычными паттернами восприятия, ничего не усложняя. При этом доминирующим может являться либо цвет, либо форма. Направляя фокус внимания на один из компонентов, субъект может интерпретировать информацию однобоко и необъективно, а принятое решение о конкретной интерпретации с трудом поддается изменению¹. Следовательно, с целью доминирования контекста визуальная информация должна быть представлена обследуемому в максимально понятной форме, то есть односмысленно.

Как упоминалось выше, помимо характеристик визуальной информации, немалое значение для восприятия имеет длительность ее предъявления. Скорость узнавания информации при активизации правого полушария выше относительно скорости обработки информации левым полушарием².

В научной литературе по юридической психологии имеются данные о скорости узнавания лиц. Например, средняя величина порога узнавания человеческого лица находится в пределах 0,05–0,8 секунды, а порог узнавания лица по фотографии равен 0,03 секунды³. Д. Н. Подвигина, В. К. Прокопеня путем использования метода вызванных потенциалов обнаружили, что на первых

¹ Bruner J. S., Postman L. On the perception of incongruity: a paradigm // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. P. 206–223.

² Бианки В. Л. Механизмы парного мозга. Л.: Наука, 1989. 262 с.

³ Бодалев А. А. Указ. соч.

100–200 миллисекундах после предъявления стимула запускается процесс его распознавания, то есть отнесения к категории знакомый/незнакомый, а далее, на 400 миллисекунде запускается процесс семантической обработки информации, хранящейся в долговременной памяти¹. Исследования Дж. Росситера и Л. Перси показывают, что сохраняющийся эффект от нахождения в поле зрения визуального образа составляет меньше 1 секунды². Ввиду того, что визуальный стимул факторов риска включает большой пласт информации, время фиксации стимула перед тестируемым необходимо увеличить до 3–5 секунд.

Относительно зависимости количества повторений и концентрации внимания реципиентов эксперименты Х. Адамса констатируют, что максимальная концентрация внимания достигается при первой демонстрации изображения, с каждым последующим повторением вниманию свойственно снижаться³. В рамках проведения СПФИ такой эффект может объясняться привыканием, или адаптацией к стимулу. Однако для причастного лица неоднократное повторение может иметь противоположный эффект, потому что с каждым последующим предъявлением стимула эмоциональное напряжение лица, проходящего полиграфную проверку, может увеличиваться. Также следует учитывать тот факт, что количество предъявлений стимулов регламентировано нормативными правовыми документами МВД России и составляет 3–5 раз.

Проведенный анализ основных законов восприятия, а также факторов, влияющих на процесс восприятия, позволил определить основные правила создания визуальных стимулов. Необходимо отметить, что визуальный стимул фактора риска должен отсылать к значению текста этого фактора, а значение текста должно отражаться в визуальном стимуле. Сопровождение зрительного изображения смысловой надписью необходимо для формирования единого

¹ Подвигина Д. Н., Прокопья В. К. Эффект знакомства в распознавании лиц и слов: ЭЭГ-исследование // *Современные технологии в медицине*. 2019. № 1. С. 76–82.

² Rossiter J. R., Percy L. *Visual communication in advertising* // In R. J. Harris (Hrsg.), *Information processing research in advertising* Hillsdale. New Jersey: Erlbaum, 1983. P. 83–125.

³ Adams H. F. *Advertising and its mental laws* (erste Auflage 1916). New York: Macmillan, 1920. 356 p.

смыслового содержания фактора риска, указания направления интерпретации. Текстовую часть визуального стимула фактора риска целесообразно оформлять шрифтом Times New Roman без наклона и жирного выделения, располагать в верхней центральной части формата. Для достижения комфортности восприятия изображение должно быть соразмерным формату. Использование приема страха допустимо и может выполнять разъясняющую функцию, указывающую обследуемому на негативные последствия противоправного деяния. В зрительном изображении должен использоваться серый цвет фигур, которые выделяются четким контуром. Кроме того, в процессе предтестовой беседы следует акцентировать внимание обследуемого на каждой фигуре, находящейся в целом изображении. Визуальная информация должна быть представлена обследуемому в максимально понятной форме, то есть односмысленно. На этапе тестирования длительность предъявления визуального стимула фактора риска должна составлять 3–5 секунд. Количество предъявлений регламентировано нормативными правовыми документами МВД России и составляет 3–5 раз. Таким образом, определенные нами правила разработки визуальных стимулов, объясняемые психологическими особенностями восприятия, позволяют перейти к формированию визуальных стимулов факторов риска для использования в процессе проведения СПФИ¹.

Выводы по главе

В первой главе рассмотрены теоретические и методологические основы метода распознавания скрываемой информации. В первую очередь изучены различные подходы к определению лжи. В контексте нашей работы ложь

¹ Арефьева О. В. Психологические основы формирования визуальных стимулов для проведения полиграфного исследования кандидатов на службу // Педагогика и психология: академический журнал. 2023. № 2 (2). С. 56–61.

интересна нам как коммуникативный процесс, поэтому мы определили данное понятие как акт межличностной коммуникации, выражающийся в сознательном сокрытии обследуемым лицом информации, хранящейся в памяти, с целью получения личной выгоды в виде приема на службу.

В данной главе проведен анализ эффективности использования инструментальных и неинструментальных методов выявления скрываемой информации. Немалое внимание уделено набирающему обороты в современном мире искусственному интеллекту, применяемому в диагностике лжи, его достоинствам и недостаткам. К общим недостаткам можно отнести отсутствие возможности полноценного изучения и всестороннего анализа всех процессов, протекающих в психике человека. Кроме того, в методиках с применением искусственного интеллекта отсутствует предтестовая беседа, в процессе которой уточняется понимание задаваемых обследуемому вопросов. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев все компьютерные программы на основе искусственного интеллекта, направленные на выявление лжи, создаются с помощью сухих математических вычислений, исключая индивидуальный подход. Рассмотрены преимущества метода СПФИ, обозначена его высокая результативность. Главной отличительной особенностью данного метода является его многогранность, включающая анализ многочисленных информативных источников: артериальное давление, частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, тремор. Большое значение имеют качественно проведенные предтестовая, межтестовая, послетестовая беседы, позволяющие взаимодействовать с обследуемым, анализировать его вербальные и невербальные сигналы, являющиеся информативными признаками. На основании изученного материала мы сочли наиболее эффективными комбинированные методы диагностики скрываемой информации, когда аппаратура является вспомогательной, дополняющей основной метод и служит для фиксации происходящих в организме исследуемого лица процессов.

Теоретическая составляющая СПФИ заслуживает отдельного внимания, так как до сих пор отсутствует единая теория, объясняющая появление физиологических реакций тестируемого на полиграфе. В связи с этим в главе проведен анализ имеющихся на сегодняшний день научных теоретических подходов СПФИ. Проведенная классификация теоретических воззрений показала бесперспективность вследствие однобокости и узконаправленности однокомпонентных теорий, принимающих за основу лишь одно психическое явление или свойство нервной системы, и перспективность мультикомпонентных теорий, всесторонне изучающих многочисленные составляющие процесса появления выраженных физиологических реакций на предъявление релевантного стимула. На основании проведенного анализа нами был сделан вывод о том, что принцип работы полиграфа можно объяснить только через интеграцию научных теорий, что образует комплексный подход к изучению этой проблематики.

Также в первой главе рассмотрена проблема визуального восприятия, в частности восприятия релевантных стимулов при проведении СПФИ в отношении кандидатов на службу. Установлено, что разный вид стимулов активизирует соответствующую модальность, а совместное использование и визуальных, и аудиальных стимулов позволяет повысить продуктивность узнавания информации. Повышению продуктивности узнавания объекта способствует и переключение модальностей. Следует отметить, что, предъявляя один и тот же раздражитель несколько раз в виде вербального стимула может происходить адаптация обследуемого к стимулу, а при совместном использовании разных видов стимулов рецепторы соответствующих модальностей обследуемого будут сохранять активность и способствовать лучшему восприятию информации. Испытывая негативные эмоции, возникающие у обследуемого при ложном ответе на релевантный стимул, активизирует свою работу правое полушарие, отвечающее за восприятие визуальной информации, следовательно, предъявление визуального образа в

сложившейся ситуации будет наиболее целесообразным. Проведен анализ научной литературы относительно зависимости ведущей модальности от межполушарной асимметрии головного мозга, влияния гендерных, этнопсихологических, возрастных особенностей на доминирование определенной модальности, а также ведущего глаза, особенностей слуха, когнитивного стиля полезависимость-полenezависимость, показателя экстраверсия-интроверсия. В результате проведенного анализа установлено, что существуют индивидуально-личностные особенности людей, позволяющие им более качественно обрабатывать определенный вид стимула, следовательно, использование визуальных стимулов в процессе проведения СПФИ в рамках ППО положительно отразится на результате восприятия. Таким образом, можно утверждать, что необходимость использования зрительной модальности кандидатов на службу в ОВД в процессе проведения СПФИ научно обосновано. В связи с этим представляется целесообразной разработка визуальных стимулов факторов риска для СПФИ.

В главе проведен анализ результатов научных исследований, на основании которых сформулированы правила разработки методического материала в формате визуальных стимулов факторов риска для СПФИ в рамках ППО. Кроме того, определены основные правила предъявления визуальных стимулов тестируемому.

**Глава 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ ФАКТОРОВ РИСКА
В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛИГРАФЕ КАНДИДАТОВ
НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

2.1. Организация и методы исследования

Вторая глава диссертации посвящена описанию экспериментального исследования, направленного на выявление особенностей процедуры применения визуальных стимулов факторов риска в многотемном скрининге СПФИ в рамках ППО на службу в ОВД посредством проведения сравнительного анализа результатов восприятия, выраженных в физиологических реакциях обследуемого на контрольное (аудиальное) и экспериментальное (аудиовизуальное или визуальное) предъявления.

Решение задач экспериментального исследования осуществлялось в *три этапа*: 1) изучение представлений сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации относительно факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения, подлежащих выявлению в процессе профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации; 2) проведение фокусированного группового интервью психологов, осуществляющих специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа, проходящих службу в органах внутренних дел Российской Федерации; 3) апробирование визуальных стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в отношении кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Исследование реализовывалось с применением качественного подхода.

В научной литературе отсутствуют точные определения качественных исследований, в основном обозначены лишь области их применения, например изучение отдельных общностей, имеющих некоторые отличительные особенности от социума в целом. В. В. Семенова определяет конкретные методы качественных исследований: наблюдение, глубинное интервью, фокус-группа, анализ личных документов, анализ визуальных документов, с помощью которых возможно раскрытие смысла изучаемого предмета исследования¹.

Авторами различных подходов к качественному исследованию определены как принципы отбора респондентов, зависящие от целей исследования, так и их количественный состав. Данной проблематикой занимались такие ученые, как А. Шютц², В. В. Семенова³, Р. ДеПауло⁴, Б. Глезер, А. Страусс⁵, Е. Ковалев, И. Штейнберг⁶, М. Маршалл⁷ и другие.

В целом, изучив работы авторов относительно качественного подхода к исследованию, можно констатировать, что основным критерием выбора респондентов является обладание ими максимально полной информацией об изучаемом опыте. Что касается количественного состава, то в качественных исследованиях он невелик, основной акцент делается на качестве и объеме знаний респондентов об изучаемом опыте.

На первом этапе исследования изучались представления сотрудников ОВД о факторах риска. наших респондентов представляли сотрудники ОВД, имеющие четкое понимание правонарушений и незаконных деяний, опыт

¹ Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.

² Шютц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.

³ Семенова В. В. Указ. соч.

⁴ DePaulo P. Sample size for qualitative research // Quirk: Marketing Research Review. 2000. № 12. P. 181–187.

⁵ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

⁶ Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев [и др.]. СПб.: Алетейя, 2009. 176 с.

⁷ Marshall M. N. Sampling for qualitative research // Family Practice. 1996. № 13. P. 522–525.

профессиональной деятельности, соответствующие знания. Указанные характеристики позволят получить результаты, максимально приближенные к однозначности смыслового содержания.

С. Л. Рубинштейн определяет представления как «...воспроизведенный образ предмета, основывающийся на нашем прошлом опыте»¹.

Б. М. Величковский относит к представлениям явления и события, имевшие место в прошлом опыте, и классифицирует их по модальностям².

В. П. Позняков, занимающийся проблемой изучения представлений об отношениях, указывает, что под представлениями понимается образ изучаемого явления³.

Б. С. Алишев разделяет представления на перцептивные и ментальные. Перцептивные представления основываются на прошлом опыте и имеют конкретный образ предмета или явления, а ментальные касаются создания образа абстрактных понятий. В целом автор определяет представления как «...ментальные образования различной степени сложности, целостности и точности, являющиеся продуктами многократной переработки психикой и сознанием различных комплексов информации, полученной разными способами, в разное время и из разных источников, и выполняющие функцию структурирования и объяснения действительности»⁴. Ученый рассматривает проблему изучения представлений и указывает на эксплицитный метод, позволяющий вывести создаваемый в воображении образ во внешние условия.

Таким образом, в контексте нашего исследования под представлениями о факторах риска мы будем понимать образы соответствующих факторов риска, сложившиеся в воображении наших респондентов, а изучение будем осуществлять посредством экспликации образов в зрительные изображения.

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. С. 271.

² Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. М.: Юрайт, 2024. 783 с.

³ Позняков В. П., Панфилова Ю. М. Представления о партнерстве мужчин и женщин, состоящих в добрачных отношениях и в зарегистрированном браке // Вестник Московского государственного университета. 2022. № 1. С. 56.

⁴ Алишев Б. С. Понятие представление в современной психологии // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156, № 6. С. 151.

На первом этапе исследования были определены основные понятия:

1. Визуальные стимулы – окружающая действительность, фиксируемая зрительными анализаторами человека, его визуальной репрезентативной системой.

2. Визуальные стимулы для проведения СПФИ – зрительные изображения в виде текста, рисунка, образа, знака, символа.

3. Факторы риска девиантного (общественно опасного) поведения – противоправные деяния, имеющие формулировку (наименование), определенную постановлением Правительства Российской Федерации.

4. Визуальные стимулы факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения – зрительные изображения, состоящие из смысловых единиц и отражающие смысл противоправных деяний.

5. Смысловая единица – один смыслодержающий элемент визуального стимула фактора риска в виде изображения, единица анализа.

Первый этап исследования проводился на базе Академии управления МВД России в ноябре 2022 года.

Учитывая изученные нами критерии отбора респондентов качественного исследования, мы определили 178 сотрудников полиции из 55 субъектов Российской Федерации, обладающих представлениями относительно профессиональных тем.

Распределение по гендерному показателю представлено на рисунке 1.

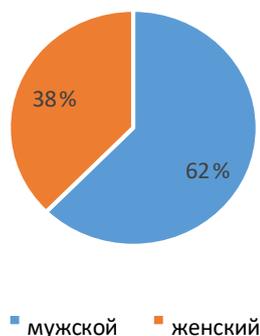

Рисунок 1 – Распределение респондентов по гендерному признаку

Все респонденты имеют высшее образование, а 19% обладают ученой степенью (рисунок 2).

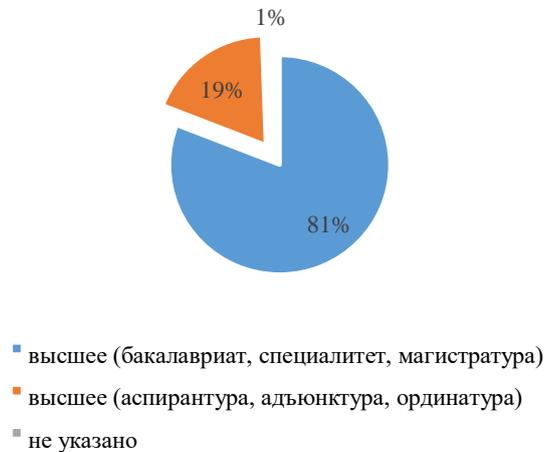

Рисунок 2 – Распределение респондентов по уровню образования

Относительно возраста можно констатировать, что наибольшему количеству респондентов от 31 года до 40 лет, однако категории от 20 до 30 лет и от 41 года до 50 лет также присутствуют в достаточно большом количестве (рисунок 3), что дает возможность учета большого диапазона возрастных категорий при изучении представлений группы.

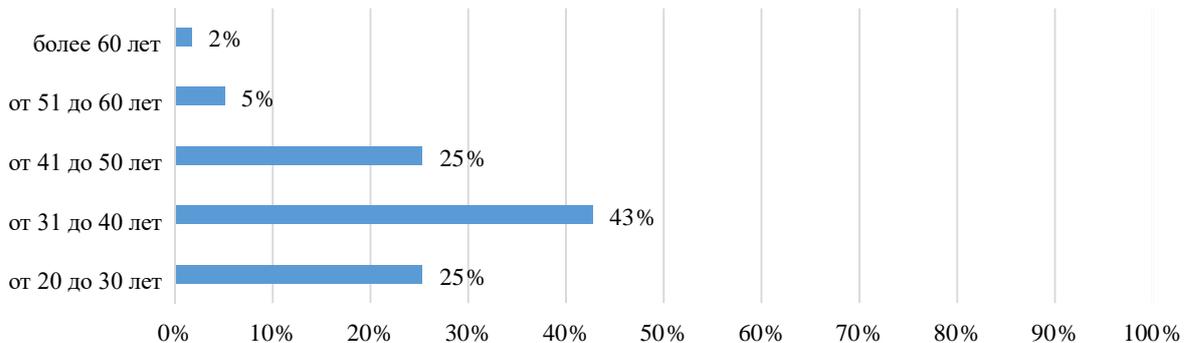

Рисунок 3 – Распределение респондентов по возрастному показателю

Стаж службы респондентов распределился практически равномерно (рисунок 4), что также предоставляет возможность в получении более универсальных результатов.

Кроме того, разнообразие сфер профессиональной деятельности респондентов (рисунок 5) оказывает влияние на охват более широкого спектра представлений.

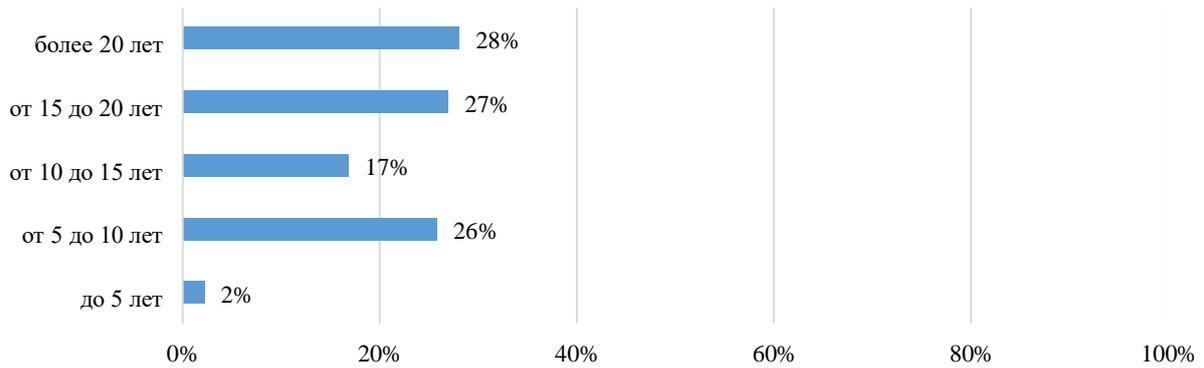

Рисунок 4 – Распределение респондентов по стажу службы

Рисунок 5 – Распределение респондентов по сфере профессиональной деятельности

Таким образом, достаточно широкий диапазон данных по различным социально-демографическим характеристикам позволил учесть разнообразие имеющихся представлений, что благоприятно отразилось на универсальности полученных результатов.

Методический инструментарий для изучения представлений сотрудников полиции разработан в форме бланка, состоящего из блока социально-демографических данных респондентов и блока, направленного на изучение представлений, включающего восемь факторов риска в текстовом формате с заданием изобразить в виде рисунка указанные факторы риска (приложение А).

Респонденты эксплицировали в рисуночный контекст сформировавшиеся в воображении образы, полученные посредством осмысления текста факторов риска. Наша группа не была ограничена во времени, что дало возможность более глубокого осмысления текста каждого фактора риска.

С помощью частотного анализа смысловых единиц изображения определены составляющие каждого визуального стимула факторов риска.

Посредством метода математической обработки установлены наиболее повторяющиеся смысловые единицы в визуальных стимулах каждого фактора риска, с частотностью повторений не менее 20 раз (11%). На основании полученных результатов сформирован пакет визуальных стимулов факторов риска.

Далее посредством метода математической статистики – критерия Хи-квадрата Пирсона¹, позволяющего оценить значимость различий двух показателей, то есть соответствие ожидаемых и наблюдаемых частот, выявлены взаимообусловленные связи между социально-демографическими характеристиками респондентов и изображением / не изображением ими определенных смысловых единиц. С помощью программного обеспечения Orange, используемого для интеллектуального анализа и визуализации данных, произведен расчет ожидаемых и наблюдаемых частот, а также значений χ^2 при уровне статистической значимости 0,05 (достаточная точность). Полученные данные χ^2 мы сравнили с критическими значениями χ^2 , имеющими табличное значение². Следует отметить, что ожидаемое количество интерпретируется программой как теоретическая частота, выражающаяся в дробном значении, наблюдаемое количество – как эмпирическая частота, выражающаяся в целых числах.

С помощью Sieve Diagram произведена визуализация полученных результатов, где площадь каждого квадрата диаграммы соответствует ожидаемым частотам, а плотность решетки и интенсивность окрашивания определяет наблюдаемые частоты.

Согласно формуле: $f = (r - 1) \times (c - 1)$ определены числа степеней свободы для каждого критерия социально-демографических характеристик: возраст, стаж,

¹ Далее – χ^2 .

² Суходольский Г. В. Основы математической статистики для психологов. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1998. 464 с.

пол, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, с одной стороны, и изображения / не изображения конкретной смысловой единицы, с другой стороны.

Таким образом, рассчитав число степеней свободы по каждому показателю, мы определили табличные критические значения χ^2 для последующего их сравнения с полученными результатами эмпирического исследования (таблица 1).

Таблица 1 – Число степеней свободы и критические значения χ^2

Показатели	Число степеней свободы	Табличное критическое значение χ^2
Возрастные категории / изображение (не изображение) смысловой единицы	$(5-1) \times (2-1) = 4$	9,488
Стаж службы в ОВД / изображение (не изображение) смысловой единицы	$(5-1) \times (2-1) = 4$	9,488
Пол / изображение (не изображение) смысловой единицы	$(2-1) \times (2-1) = 1$	3,841
Уровень образования / изображение (не изображение) смысловой единицы	$(3-1) \times (2-1) = 2$	5,991
Сфера профессиональной деятельности / изображение (не изображение) смысловой единицы	$(6-1) \times (2-1) = 5$	11,07
Возрастные категории / стаж службы в ОВД	$(5-1) \times (5-1) = 16$	26,296
Возрастные категории / уровень образования	$(5-1) \times (3-1) = 8$	15,507

Следует отметить, что взаимообусловленность показателей, рассмотренных нами в исследовании, объясняется превышением полученных значений χ^2 по сравнению с критическими значениями χ^2 при $p=0,05$. Значение p является стандартной традиционной величиной, определяющей статистическую значимость связи двух показателей.

Таким образом, изучено и проанализировано 116 273 связи, из которых вычленены взаимообусловленные. В выделенных нами неслучайных связях ожидаемые и наблюдаемые частоты выходили за рамки нормального распределения и, следовательно, определились как взаимообусловленные.

В целом, полученные результаты первого этапа исследования продемонстрировали достаточно большое количество смысловых единиц изображений и небольшое количество частоты их повторений. Следовательно, появилась необходимость в проведении второго этапа эмпирического исследования в формате группового фокусированного интервью (фокус-группа) психологов, проводящих специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа¹, обладающих более глубокими, специализированными и точными знаниями по смысловому содержанию каждого фактора риска для получения наиболее исчерпывающей информации относительно изучаемых представлений.

Стоит отметить, что качественное исследование допускает цикличность его проведения, выражающуюся в дополнении уже собранных данных новыми, корректирующими, углубляющими, уточняющими данными. Кроме того, в процессе проведения второго этапа реализуется критерий валидности исследования, включающий описание диалогичных процессов с респондентами.

Изучением метода фокус-групп занимались такие ученые, как В. А. Филипченко², А. Левинсон и О. Стучевская³, Д. В. Тюрин⁴, С. А. Белановский⁵ и другие.

Метод фокус-групп является качественным исследованием, обладающим рядом преимуществ: смещение акцента на сущность образов и слов, выявление дифференцированных, смыслодержающих мнений и суждений, способствующих более глубокому познанию выносимой на обсуждение проблемы. Кроме того, этот метод используется в формате «здесь и сейчас», что

¹ Далее – полиграфолог.

² Филипченко В. А. Фокус-группа как метод маркетинговых исследований // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Магнитогорск, 9 янв. 2020 г.). Магнитогорск: Омега Сайнс, 2020. С. 262–264.

³ Левинсон А., Стучевская О. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 1 (63). С. 46–55.

⁴ Тюрин Д. В. Маркетинговые исследования. М.: Юрайт, 2019. 342 с.

⁵ Белановский С. А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996. 272 с.

дает преимущество непосредственного включения в проблему и фиксацию всех проявлений поведения респондентов.

Второй этап эмпирического исследования проводился на базе Главного управления МВД России по Московской области в марте 2023 года.

В результате работы фокус-группы планировалось получить ответы на 2 блока вопросов: использование визуальных стимулов в процессе проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, установление смыслового соответствия между вербальными и визуальными стимулами факторов риска, разработанными на первом этапе исследования. По каждому вопросу было озвучено субъективное мнение каждого участника фокус-группы.

В дискуссии использовались общеизвестные в сфере полиграфологов профессиональные понятия: стимуляционно-адаптирующий тест (САТ), тест на определение имени, тест на определение цифры, тест на определение предмета, комбинированный тест, многотемный скрининг, одготемный скрининг, тест штата ЮТА, маршрутная карта (приложение Б).

Первый блок вопросов, направленных на изучение использования визуальных стимулов в процессе проведения СПФИ, состоял из 4 вопросов, второй блок, включающий установление смыслового соответствия между вербальными и визуальными стимулами факторов риска, разработанными на первом этапе эмпирического исследования, состоял из 3 вопросов. На обсуждение каждого вопроса отводилось равное количество времени.

Фокус-группа проходила в формате групповой дискуссии в неформальной обстановке под аудио- и видеофиксацию. Продолжительность дискуссии составила 2 часа.

Групповой процесс проходил несколько стадий дискуссии:

I. Вводная часть (20 мин.)

1. Знакомство.

2. Формулировка и обоснование проблемы исследования.

3. Инструкция участникам.

II. Основная часть (1 час 30 мин.)

III. Заключительная часть (10 мин.).

Для фокус-группы были отобраны 16 наиболее опытных полиграфологов, занимающих должность старших психологов подразделений Главного управления МВД России по Московской области (рисунок 6).

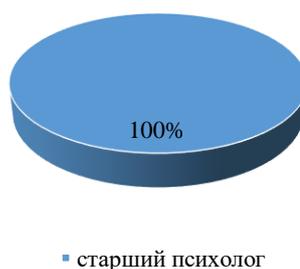

Рисунок 6 – Распределение респондентов по занимаемой должности

50% участников имели стаж службы в ОВД от 10 до 15 лет, а 56% – стаж работы полиграфологом от 5 до 10 лет (рисунок 7), что дает достаточно оснований говорить о наличии профессионального опыта в должности психолога и в проведении СПФИ.

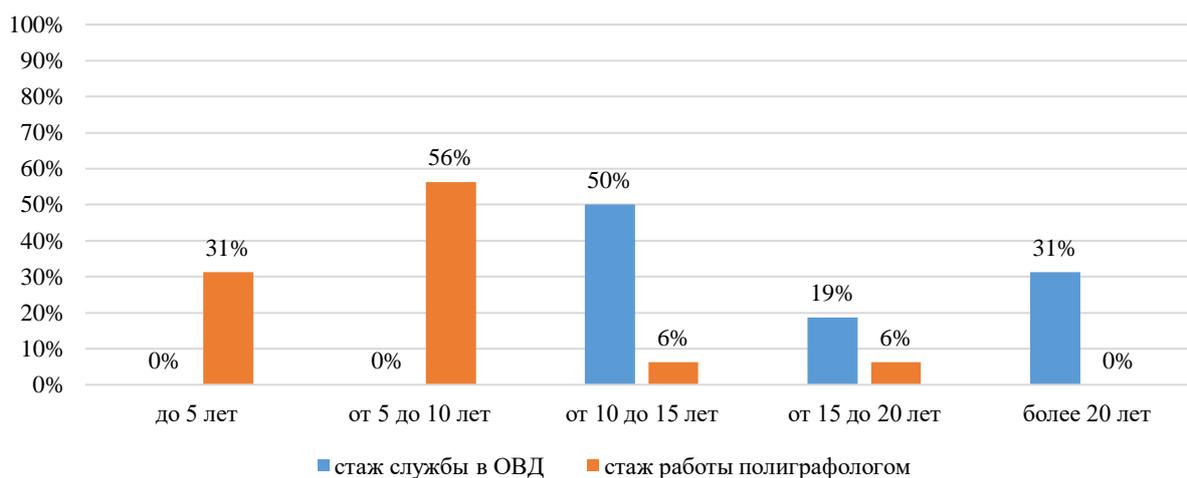

Рисунок 7 – Распределение респондентов по стажу службы в ОВД и стажу проведения СПФИ

Отсутствие стажа проведения СПФИ более 20 лет объясняется всплеском востребованности метода только в период прохождения массовой аттестации

сотрудников ОВД в 2011 году и, следовательно, наиболее активной подготовкой специалистов для реализации данного метода исследования в этот временной период.

Для каждого полиграфолога было подготовлено 8 комплектов с визуальными стимулами факторов риска. В комплекте содержалось несколько вариантов визуальных стимулов каждого вербального стимула фактора риска. Каждый визуальный стимул был представлен респондентам в распечатанном виде в формате А4.

Сценарий фокус-группы представлен в приложении В.

Второй этап эмпирического исследования позволил сформировать окончательный пакет универсальных визуальных стимулов восьми факторов риска.

Третий этап эмпирического исследования проходил с мая 2023 по декабрь 2023 года. Он предполагал апробацию визуальных стимулов факторов риска в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в отношении кандидатов на службу в ОВД. Экспериментальное исследование проводилось на базе территориальных органов, образовательных организаций МВД России в 28 субъектах.

В исследовании выдвигалось предположение о том, что визуализация стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения способствует формированию представления, адекватного изучаемой теме, что можно проверить с помощью проведения сравнительного анализа результатов физиологических реакций обследуемого на предъявление аудиального и аудиовизуального либо визуального стимулов.

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведен констатирующий эксперимент, определена группа обследуемых, которой в процессе проведения СПФИ предъявлялись аудиальные стимулы (контрольное предъявление) и аудиовизуальные либо визуальные стимулы (экспериментальное предъявление).

СПФИ является одним из обязательных этапов проведения ППО на службу в ОВД. Цель проведения СПФИ – выявление факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения у кандидатов на службу в ОВД. Нормативные правовые документы МВД России регламентируют организацию и методики проведения СПФИ. Процесс проведения СПФИ включает несколько стадий, в том числе предтестовую беседу и процесс тестирования.

Этап предтестовой беседы состоит из нескольких этапов, в частности обсуждения смыслового содержания факторов риска, где основной целью является достижение понимания обследуемым смысла всех обсуждаемых факторов риска. После чего осуществляется переход к следующему этапу СПФИ – тестированию, в процессе которого обследуемому задаются вопросы, включающие обсужденные факторы риска.

Экспериментальное исследование предполагало использование визуальных стимулов факторов риска и на этапе предтестовой беседы, и на этапе тестирования, что способствовало профилактике эффекта новизны.

В процессе предтестовой беседы при обсуждении каждого фактора риска кандидату предлагалось выбрать из двух вариантов визуальных стимулов тот, который в наибольшей степени отражает его представление об обсуждаемой теме, и объяснить свой выбор. Далее от полиграфолога следовал вопрос: «Вы лично принимали участие в изображенном незаконном деянии?» Таким образом обсуждался каждый из восьми факторов риска.

Этап тестирования проводился по двум вариантам:

1. Первый вариант: в процессе проведения тестирования с использованием многотемного скрининга осуществлялось пять предъявлений:

- первое – предъявление аудиального стимула;
- второе – предъявление аудиального стимула;
- третье – одновременное предъявление аудиального и визуального стимулов;
- четвертое – одновременное предъявление аудиального и визуального стимулов;

– пятое – одновременное предъявление аудиального и визуального стимулов.

2. Второй вариант: в процессе проведения тестирования с использованием многотемного скрининга осуществлялось пять предъявлений:

- первое – предъявление аудиального стимула;
- второе – предъявление аудиального стимула;
- третье – предъявление визуального стимула;
- четвертое – предъявление визуального стимула;
- пятое – предъявление визуального стимула.

В процессе тестирования регистрации подвергались: кожно-гальваническая реакция, кровенаполнение пальцев рук, циклы дыхания, двигательная активность, артериальное давление.

Измерение результатов предъявлений производилось с помощью автоматической компьютерной оценки программы «Диана-7» ChanceCalc, включающей следующие этапы:

1. Горизонтальное ранжирование зарегистрированных реакций по величине.
2. Вычисление вероятностей относительной значимости изучаемых тем.
3. Интерпретация полученных значений вероятностей значимости факторов риска.
4. Вынесение окончательного заключения по результатам проведенного тестирования¹.

3-й и 4-й этапы нами не использовались, так как в цель нашего исследования не входило формирование окончательного заключения о выявленных / невыявленных факторах риска.

Подсчет значений физиологических реакций и их ранжирование выполнялось компьютером автоматически. Для вычисления вероятностей значимости темы определены пороги (зоны) значений. В скрининговых исследованиях пороговыми

¹ Пеленицын А. Б., Сошников А. П. Современные технологии применения полиграфа. М.: Центр прикладной психофизиологии, 2015. С. 186.

значениями являются следующие: зона незначимости проверочной темы включает результаты, равные 0,25 и ниже, зона неопределенности темы – результаты от 0,25 до 0,75, зона значимости темы – результаты, равные 0,75 и выше. Значимость темы объясняется строго в психофизиологическом понимании.

Мы использовали две системы оценок физиологических реакций обследуемых: автоматическая и метрическая. Они отличаются вариантами обработки полученных данных и могут использоваться полиграфологами по выбору.

Отбор участников исследования учитывал максимальный охват социально-демографических характеристик. Так, СПФИ было проведено в отношении 418 кандидатов на службу. Однако при проведении анализа полученных полиграмм 40 из них были признаны некачественными по различным причинам и не подвергались дальнейшей обработке. Следовательно, нами было изучено 378 полиграмм кандидатов на службу из 28 субъектов России. Следует отметить, что восьмой фактор риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» при проведении исследования использовался полиграфологами не всегда, так как не все кандидаты на службу имели стаж профессиональной деятельности, что объясняет иные цифры, полученные в результате обработки полиграмм. В целом на указанный вопрос ответили 204 из 378 обследуемых.

Распределение обследуемых по гендерному признаку имеет практически равное значение (рисунок 8).

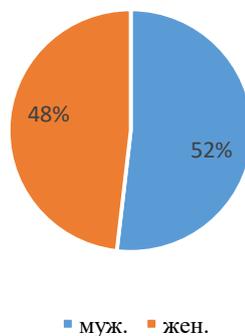

Рисунок 8 – Распределение обследуемых по гендерному признаку

В большинстве случаев обследуемые проходили ППО при поступлении на службу, и лишь 15% – при поступлении на обучение в образовательные организации системы МВД России (рисунок 9).

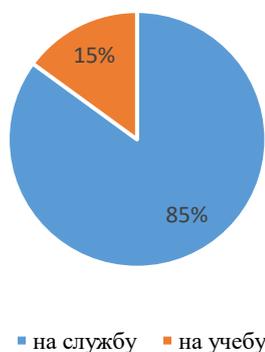

Рисунок 9 – Распределение обследуемых по видам поступления на службу

Возрастные характеристики респондентов показывают преобладание возрастной категории от 20 до 29 лет (рисунок 10).

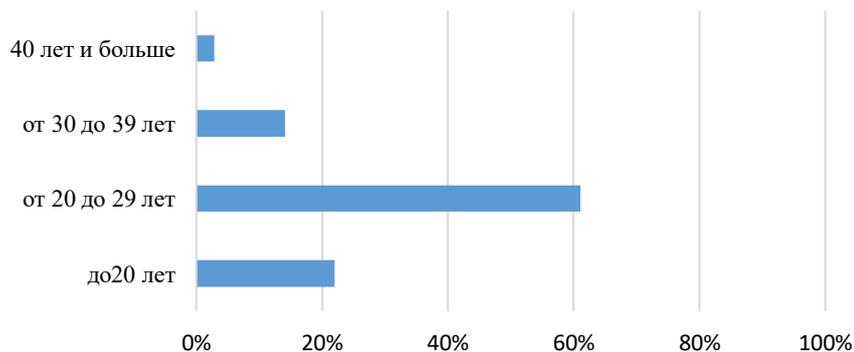

Рисунок 10 – Распределение обследуемых относительно возраста

Уровень образования обследуемых представлен на рисунке 11.

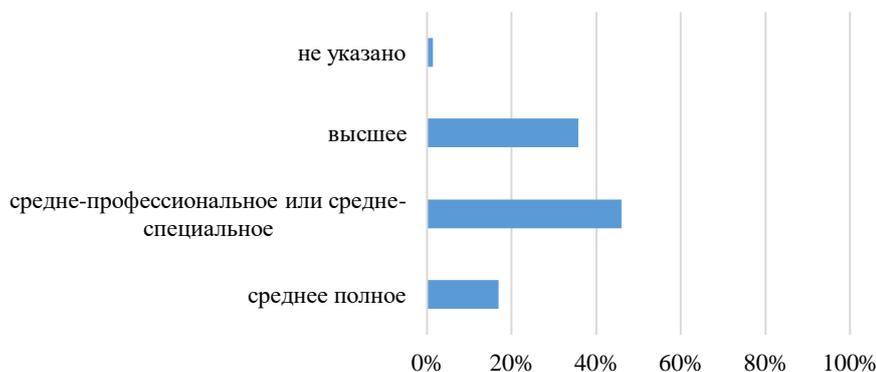

Рисунок 11 – Распределение обследуемых по уровню образования

Таким образом, у участников эксперимента выявлен достаточно широкий диапазон социально-демографических характеристик, что позволяет охватить и обобщить наиболее полную информацию о физиологических реакциях различных людей. Важным критерием для проведения СПФИ являлось отсутствие противопоказаний со стороны психического и физического здоровья обследуемых, что подтверждалось заключением военно-врачебной комиссии.

Проблему противопоказаний к проведению СПФИ в рамках медицинских противопоказаний освещали Г. Е. Введенский, Ф. С. Сафуанов, М. Ю. Каменсков, И. С. Козлов, А. Ю. Николаев¹.

Все респонденты были ознакомлены с правами при проведении исследования и подписали письменное согласие.

Согласно подготовленным вариантам проведения СПФИ обследуемые распределились по двум группам: первую группу составили 255 человек, проходивших проверку на полиграфе по 1-му варианту исследования, когда 1-е и 2-е предъявления осуществлялись аудиально, а 3-е, 4-е и 5-е – аудиовизуально, вторая группа включала в себя 123 человека, которым стимулы в 1-м и 2-м предъявлениях представлялись также аудиально, а в 3-м, 4-м и 5-м – только визуально.

В процессе проведения третьего этапа исследования были изучены физиологические реакции обследуемых, возникающие в процессе тестирования на полиграфе с использованием аудиального (контрольного) предъявления и визуального либо аудиовизуального (экспериментального) предъявления, проведен сравнительный анализ выраженности физиологических реакций обследуемых.

¹ Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания / Г. Е. Введенский, Ф. С. Сафуанов, М. Ю. Каменсков [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2011. № 5. С. 31–36.

2.2. Анализ результатов изучения представлений сотрудников органов внутренних дел о факторах риска, подлежащих выявлению в процессе профессионального психологического отбора на службу

Первый этап эмпирического исследования включал изучение представлений сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации о факторах риска девиантного (общественно опасного) поведения посредством экспликации смыслового содержания текста факторов риска в визуальное изображение.

Частотный анализ смысловых единиц изображения позволил определить содержание каждого визуального стимула фактора риска.

Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» представлено на рисунке 12. Преобладающими смысловыми единицами являются шприц, фигура человека, комментарий, линия перечеркивания, листья конопли, пакетик с солью, дерево, закладка, купюры, стрелки.

Визуальный стимул фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» включил в себя большое количество смысловых единиц (рисунок 13). Наиболее часто встречаются: фигура человека, фигура девианта, решетка, комментарий, кепка или шапка, линия перечеркивания, фуражка, стол, татуировки, полосатая одежда.

Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия» представлено на рисунке 14. Наиболее повторяющиеся смысловые единицы: пистолет, фигура человека, автомат, граната, комментарий, линия перечеркивания, купюры, нож, стрелки.

Визуальный стимул фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» распределил смысловые единицы в достаточно большом диапазоне (рисунок 15). Основные составляющие: фигура человека, комментарий, транспарант, линия перечеркивания, фигура неформала, аббревиатура.

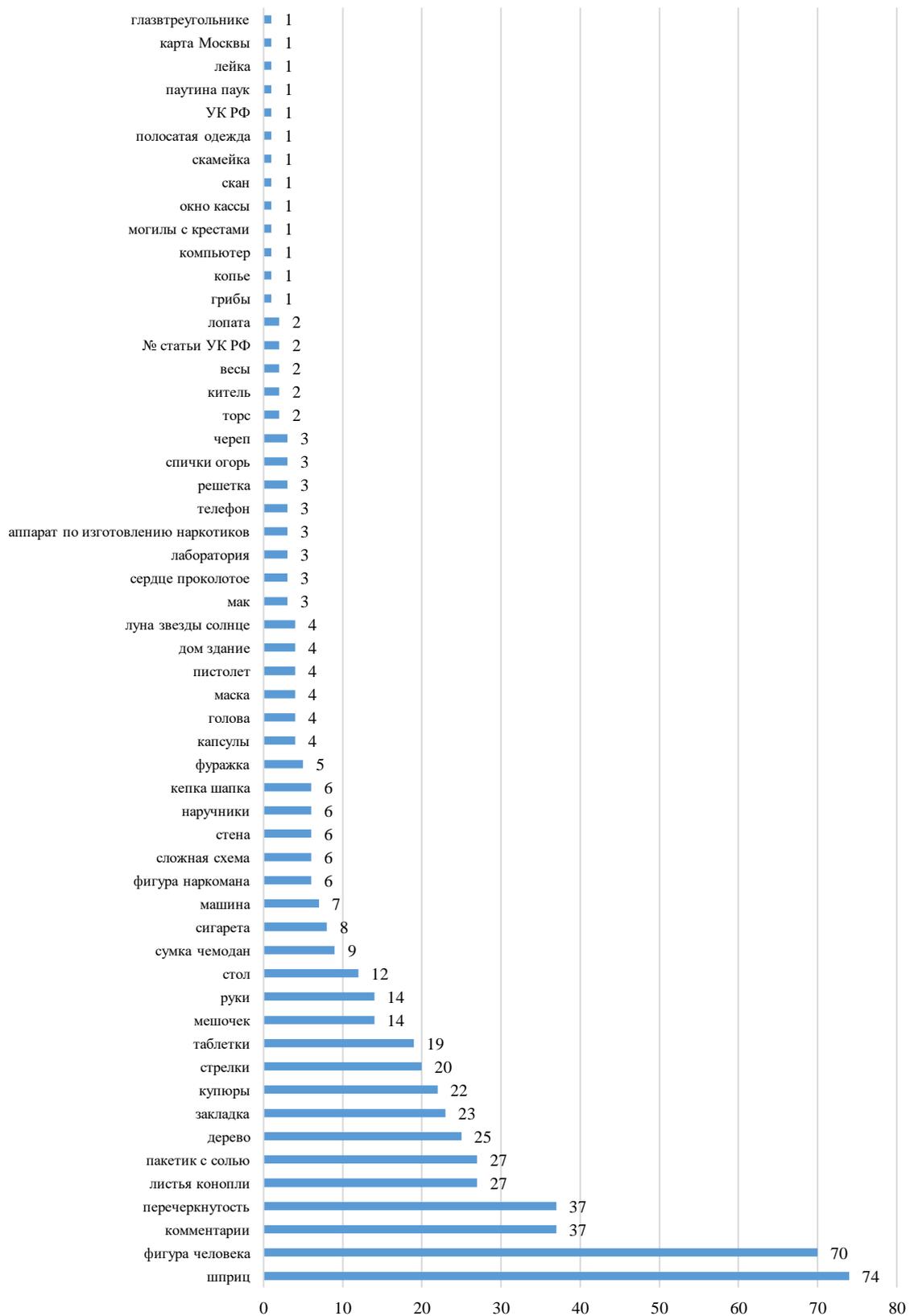

Рисунок 12 – Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ»

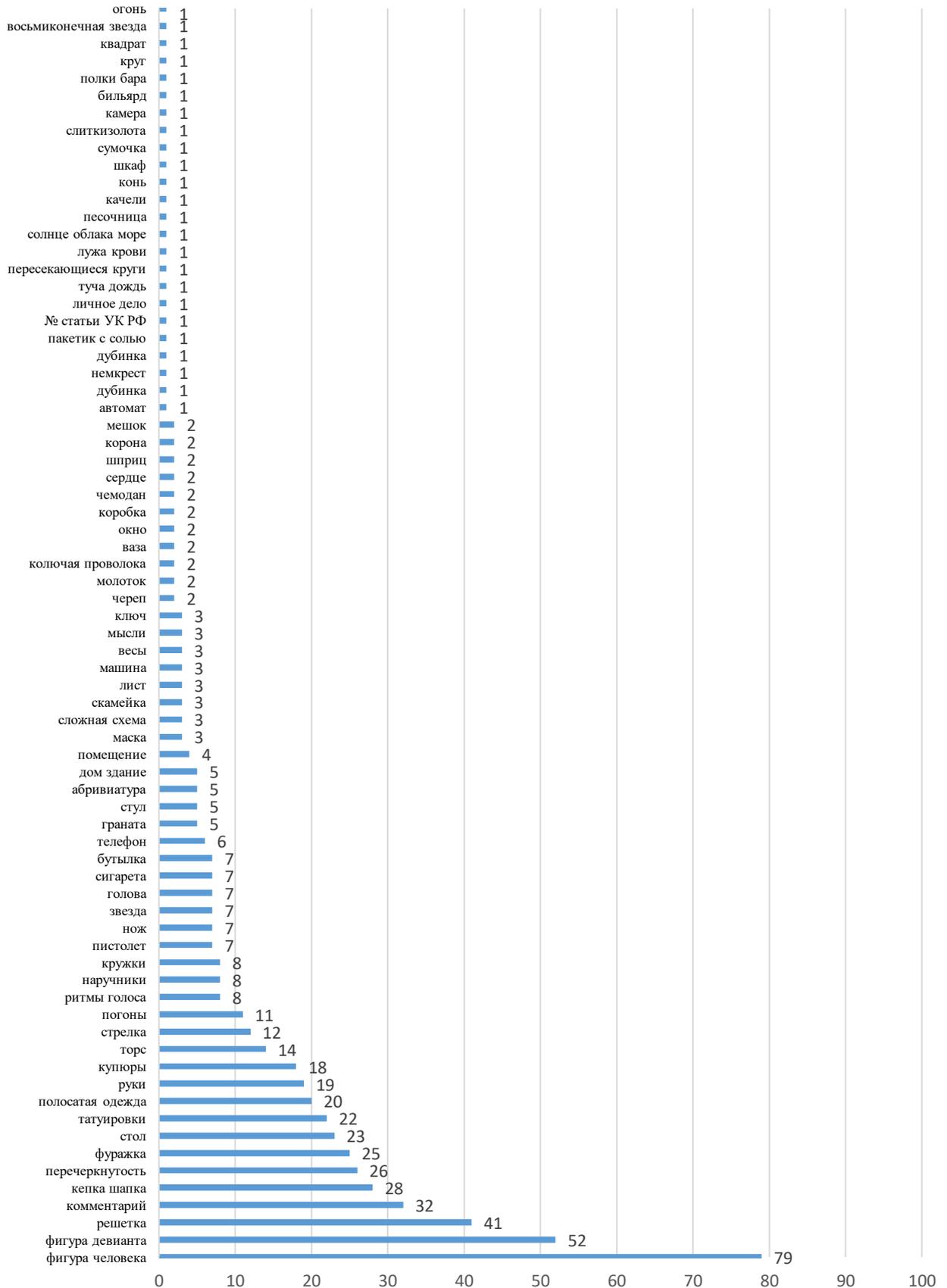

Рисунок 13 – Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость»

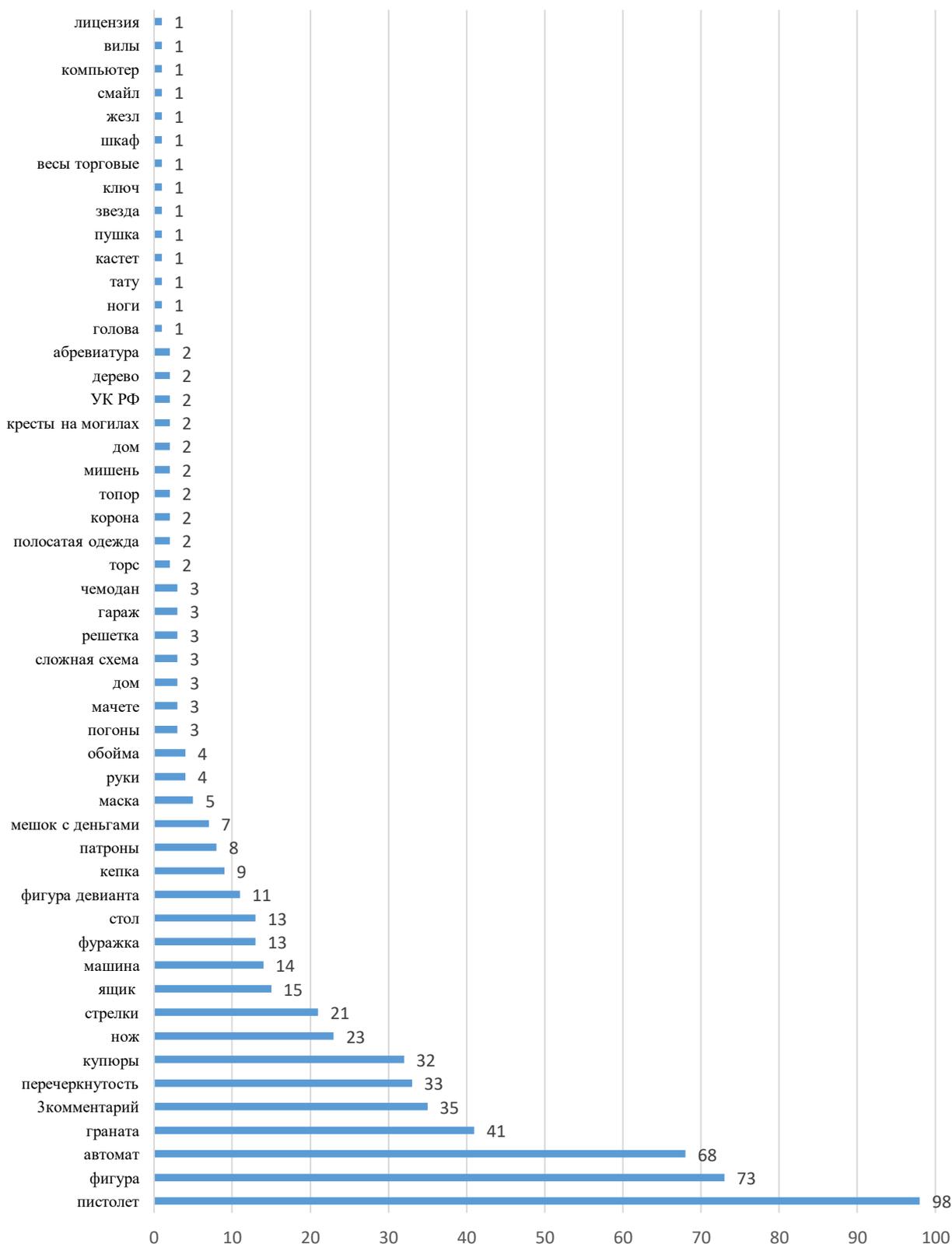

Рисунок 14 – Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия»

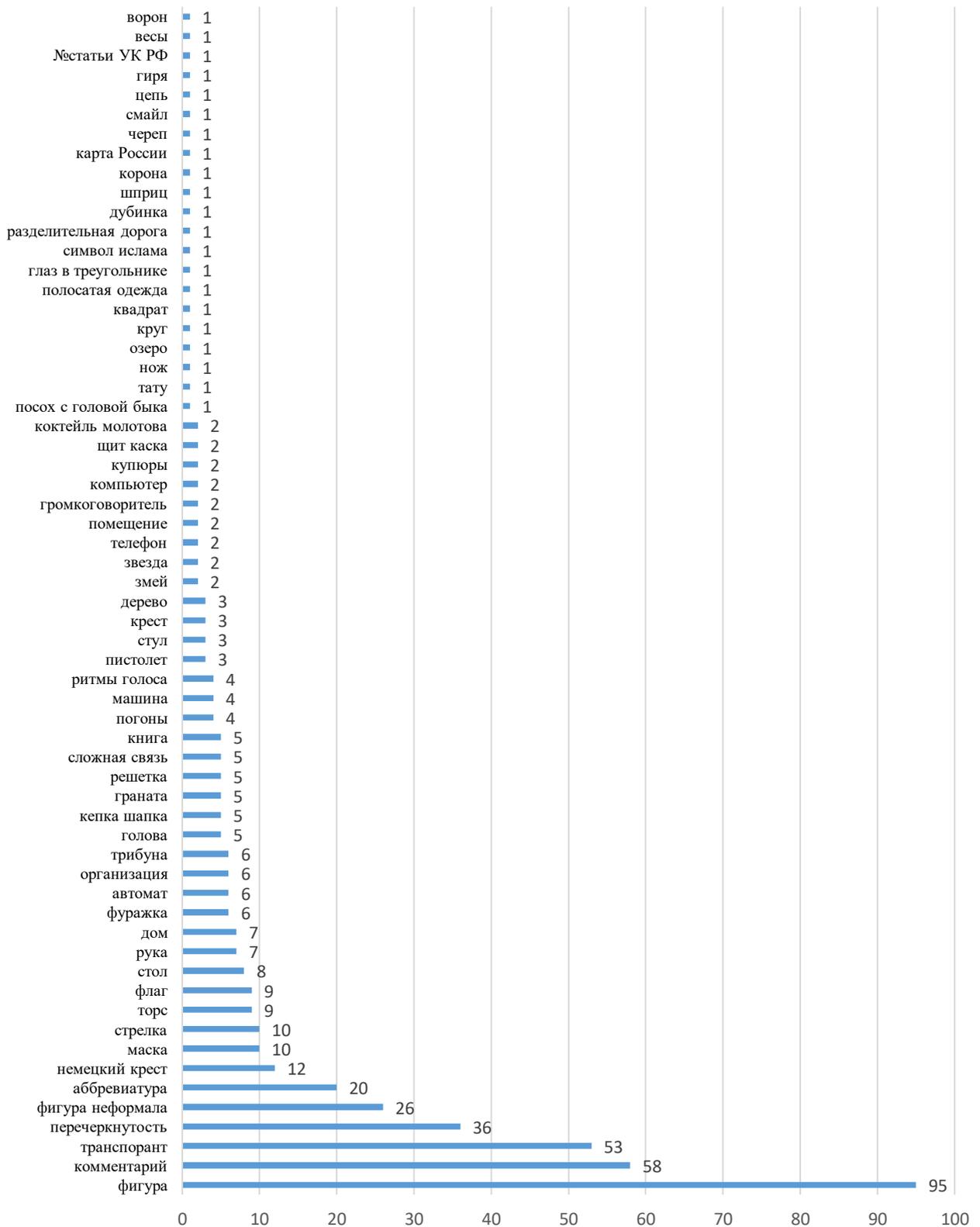

Рисунок 15 – Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений»

Хотя фактор риска «Совершение уголовно наказуемых деяний» имеет обобщенный характер, респонденты довольно часто изображали конкретное

уголовно наказуемое деяние. Причиной, на наш взгляд, послужило интуитивное схватывание смысла посредством первой возникшей ассоциации (рисунок 16).

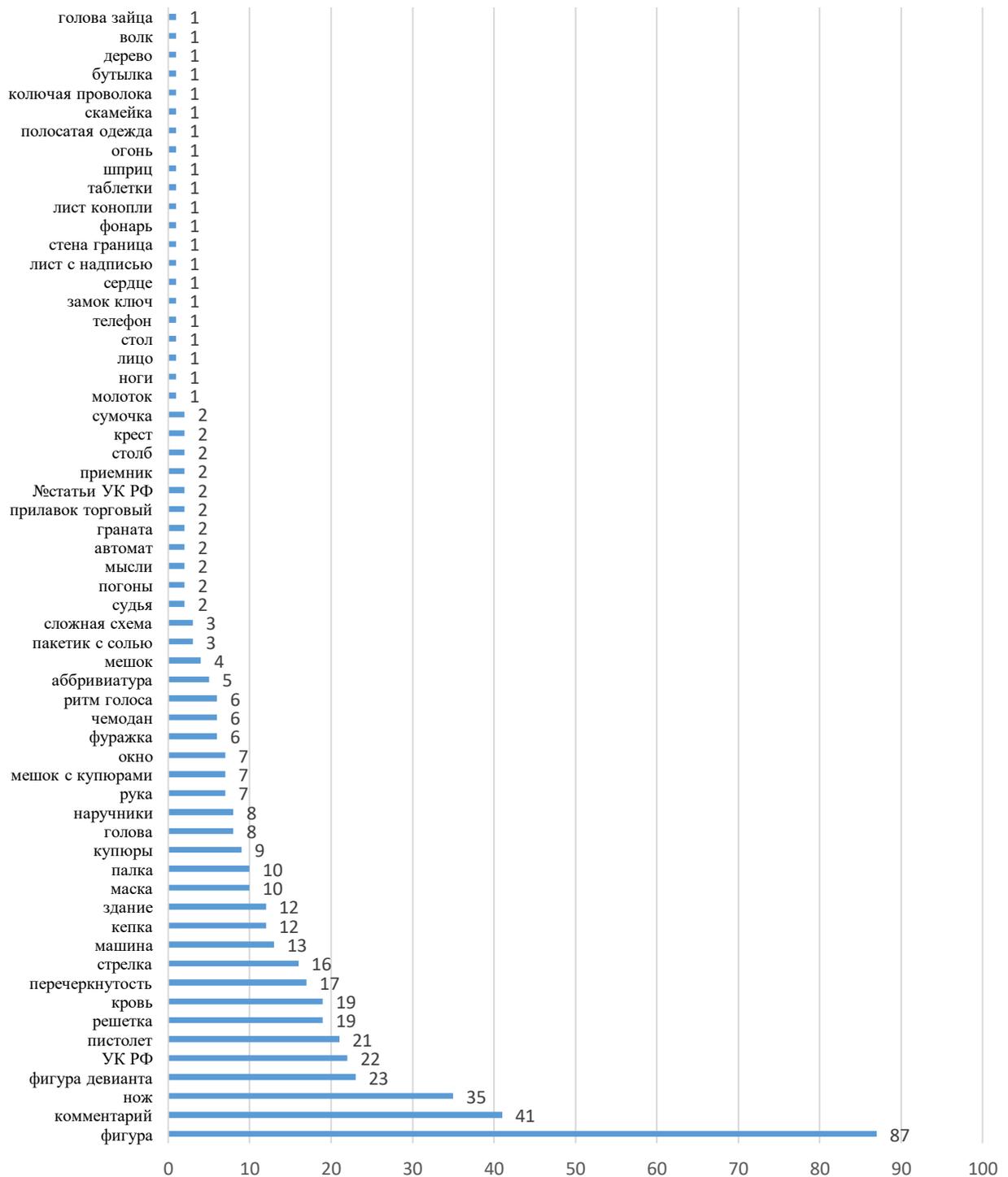

Рисунок 16 – Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Совершение уголовно наказуемых деяний»

Основные смысловые единицы: фигура человека, комментарий, нож, фигура девианта, Уголовный кодекс Российской Федерации, пистолет.

Содержание визуального стимула фактора риска «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» дано на рисунке 17. Чаще встречаются смысловые единицы: комментарий, фигура человека, купюры, декларация, дом, лист бумаги, машина, линия перечеркивания.

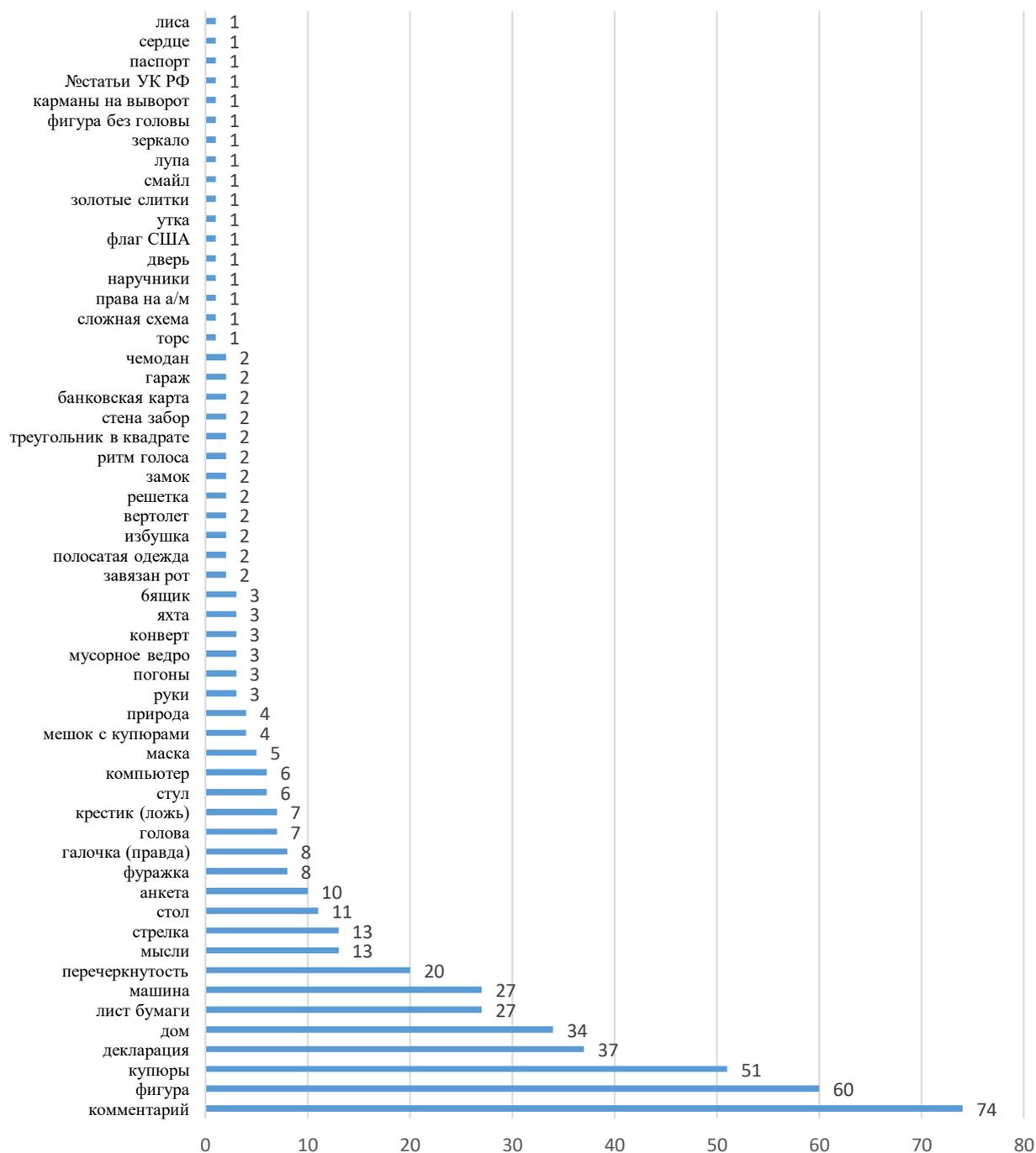

Рисунок 17 – Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»

Фактор риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» в визуальной проекции смысловых единиц представлен на рисунке 18.

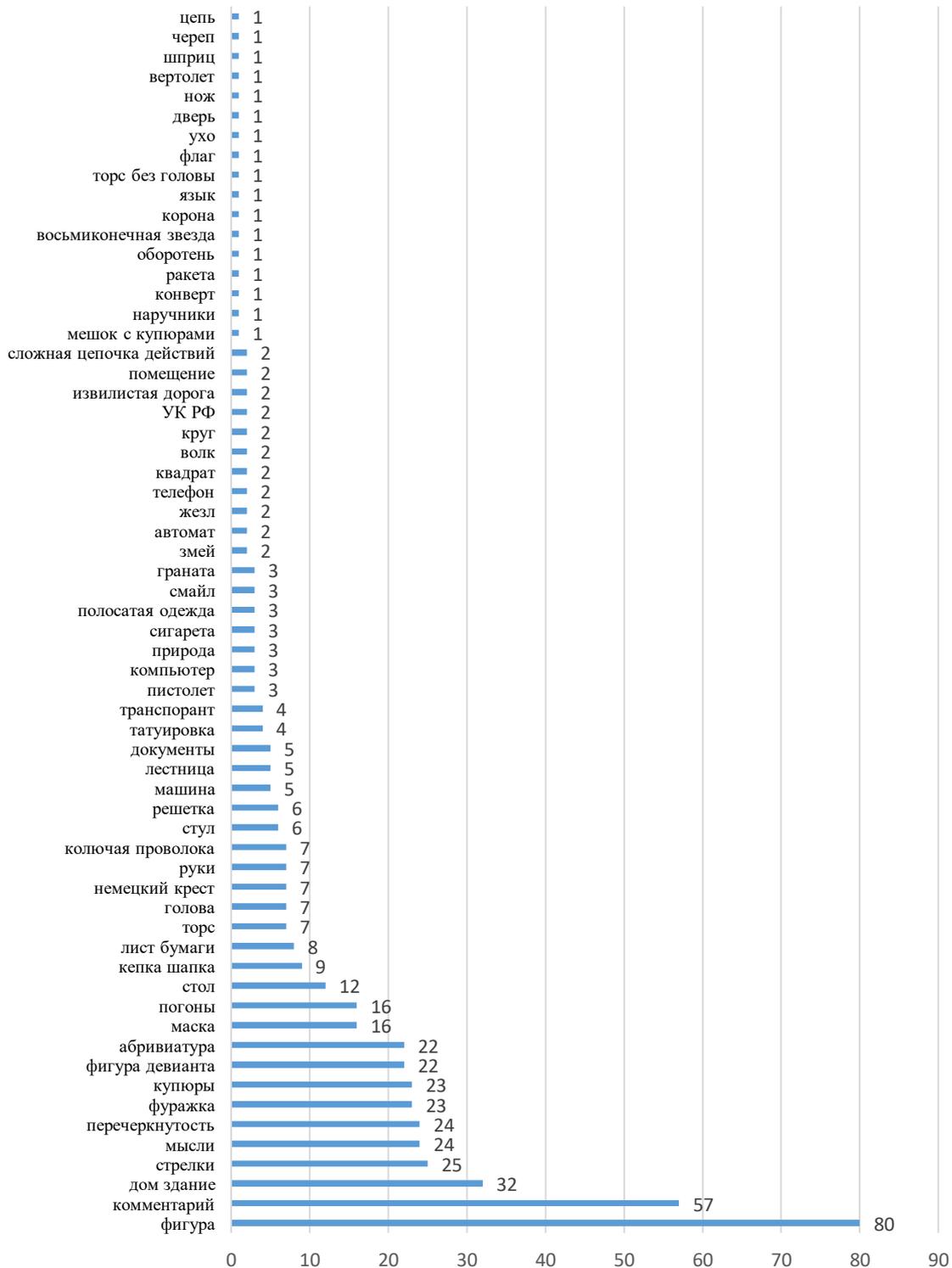

Рисунок 18 – Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций»

Наиболее встречающиеся: фигура человека, комментарий, здание, стрелки, образ мыслей, линия перечеркивания, фуражка, купюры, фигура девианта, аббревиатура.

Смысловые единицы, входящие в визуальный стимул фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями», даны на рисунке 19.

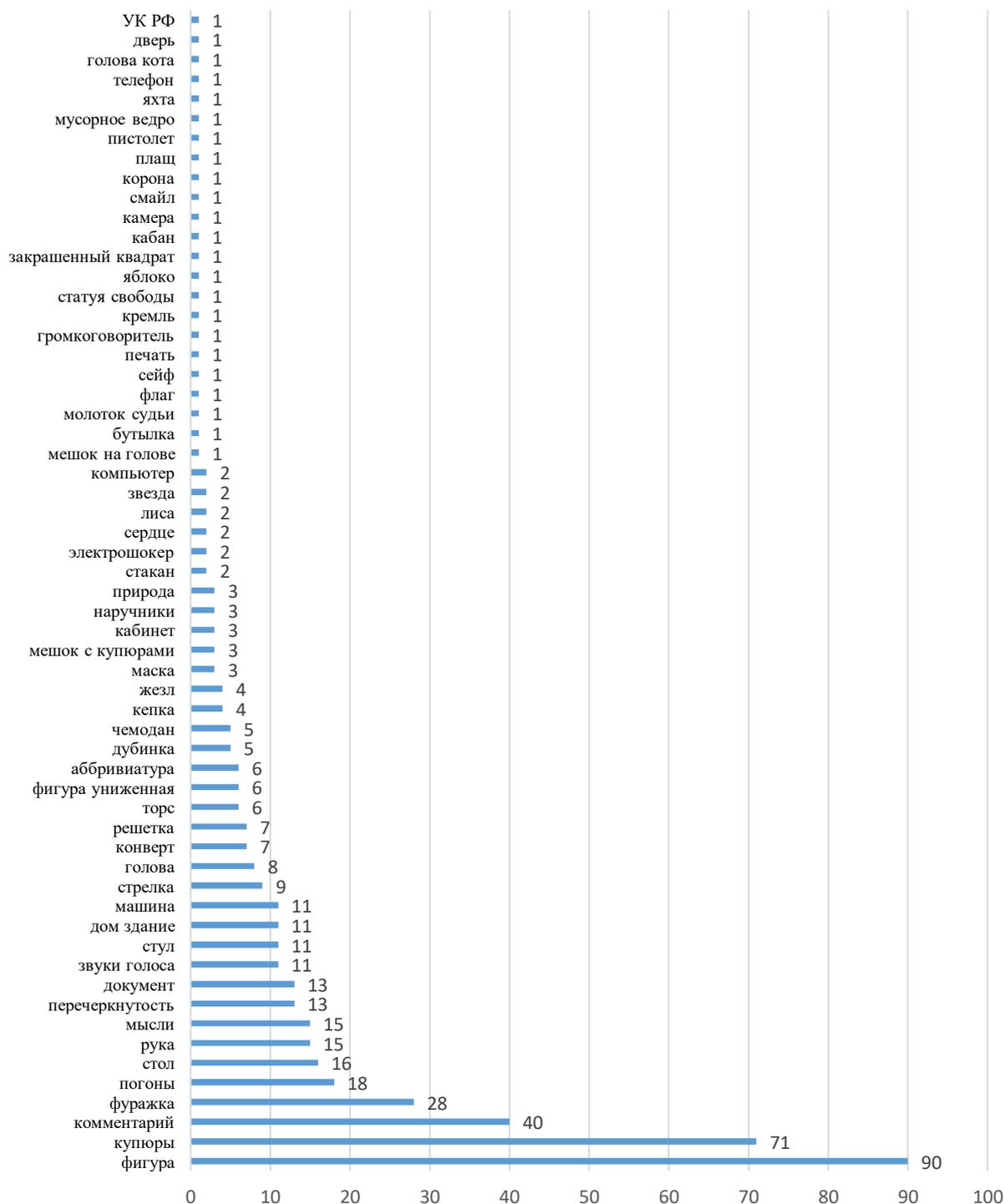

Рисунок 19 – Распределение смысловых единиц в визуальном стимуле фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями»

Основными смысловыми единицами данного стимула являются фигура человека, купюры, комментарий, фуражка.

Следует отметить, что в процессе кодирования текстовой информации в визуальный образ респонденты испытывали некоторые затруднения, поэтому полученные результаты демонстрировали многообразие интерпретаций. Однако, несмотря на их множественность, все же заметна определенная повторяемость смысловых единиц в полученных визуальных стимулах факторов риска.

Анализируя полученные результаты, отметим разницу в количестве смысловых единиц каждого визуального стимула фактора риска (рисунок 20).

Рисунок 20 – Распределение количества смысловых единиц в каждом визуальном стимуле фактора риска

Очевидно, что для формирования визуальных стимулов «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» и «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» респондентам понадобилось изобразить 73 и 62 смысловые единицы соответственно. Это обусловлено, на наш взгляд, трудностью кодирования таких словосочетаний, как противоправные контакты и попытка поступления, в формат рисунка по причине отсутствия словаря, представляющего точное соотношение слова и деталей рисунка.

Как нами уже указывалось, наиболее встречающимися смысловыми единицами мы считаем те, которые имеют не менее 20 повторений. Так, в

визуальном стимуле фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» сумма смысловых единиц, имеющих более 20 повторений, была равна 10. То же значение имеют такие визуальные стимулы, как «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» и «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ». Наименьшее число повторений смысловых единиц отмечено в визуальных стимулах: «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями», «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений», «Совершение уголовно наказуемых деяний», «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» (таблица 2), что, на наш взгляд, свидетельствует о большом содержании смыслов в указанных факторах риска.

Таблица 2 – Распределение сумм наиболее повторяющихся смысловых единиц в каждом визуальном стимуле фактора риска

Категория анализа (фактор риска)	Единица анализа (смысловая единица)	Количество повторений, раз	Количество повторений, %	Сумма смысловых единиц
1	2	3	4	5
Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций	фигура	80	45%	10
	комментарий	57	32%	
	дом здание	32	18%	
	стрелки	25	14%	
	мысли	24	13	
	линия перечеркивания	24	13%	
	фуражка	23	13%	
	купюры	23	13%	
	фигура девианта	22	12%	
аббревиатура	22	12%		
Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость	фигура человека	79	44%	10
	фигура девианта	52	29%	
	решетка	41	23%	
	комментарий	32	18%	
	кепка, шапка	28	16%	
	линия перечеркивания	26	15%	
	фуражка	25	14%	
	стол	23	13%	
	татуировки	22	12%	
полосатая одежда	20	11%		

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5
Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ	шприц	74	42%	10
	фигура человека	70	39%	
	комментарий	37	21%	
	линия перечеркивания	37	21%	
	листья конопли	27	15%	
	пакетик с солью	27	15%	
	дерево	25	14%	
	закладка	23	13%	
	купюры	22	12%	
	стрелки	20	11%	
Участие в незаконном обороте оружия	пистолет	98	55%	9
	фигура	73	41%	
	автомат	68	38%	
	граната	41	23%	
	комментарий	35	20%	
	линия перечеркивания	33	19%	
	купюры	32	18%	
	нож	23	13%	
	стрелки	21	12%	
Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера	комментарий	74	42%	8
	фигура	60	34%	
	купюры	51	29%	
	декларация	37	21%	
	дом	34	19%	
	лист бумаги	27	15%	
	машина	27	15%	
	линия перечеркивания	20	11%	
Совершение уголовно наказуемых деяний	фигура	87	49%	6
	комментарий	41	23%	
	нож	35	20%	
	фигура девианта	23	13%	
	УК РФ	22	12%	
	пистолет	21	12%	
Участие в деятельности запрещенных общественных объединений	фигура	95	53%	6
	комментарий	58	33%	
	транспарант	53	30%	
	линия перечеркивания	36	20%	
	фигура неформала	26	15%	
	аббревиатура	20	11%	
Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями	фигура	90	11%	4
	купюры	71	40%	
	комментарий	40	22%	
	фуражка	28	16%	

Обобщив наиболее часто встречающиеся смысловые единицы, можно определить частотность встречаемости каждой единицы в каждом визуальном стимуле фактора риска (рисунок 21).

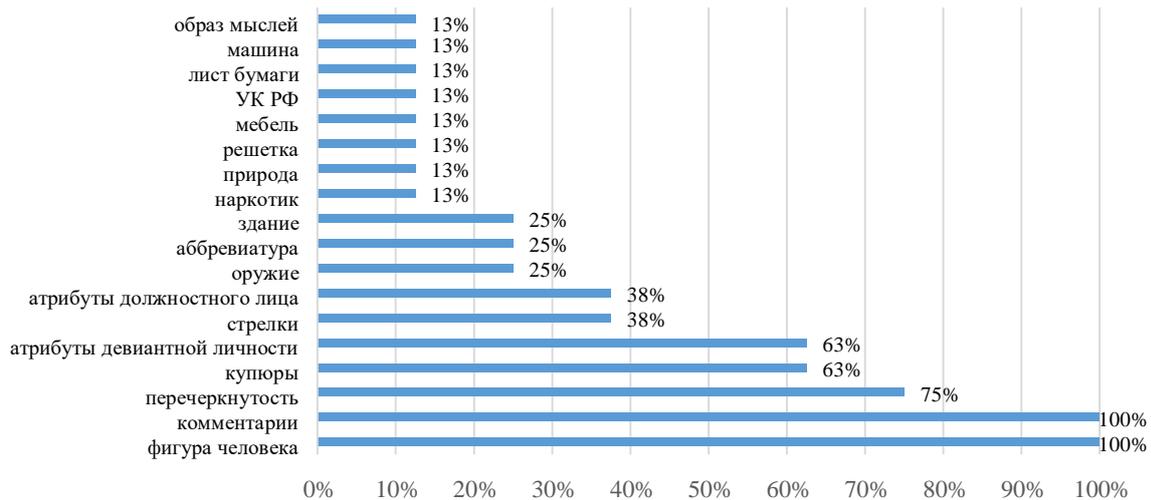

Рисунок 21 – Распределение количества смысловых единиц в восьми визуальных стимулах факторов риска

Таким образом, следует констатировать, что фигуру человека и комментарий респонденты изображали в каждом визуальном стимуле.

В создании визуальных стимулов респонденты использовали и символические изображения. Например, в шести из восьми визуальных стимулов факторов риска была изображена линия перечеркивания, которая имеет распространенное значение «запрещено», в трех визуальных стимулах респонденты изобразили стрелки, означающие движение, действие.

Результаты эмпирического исследования позволили вычлени наиболее часто повторяющиеся смысловые единицы, на основании которых было сформировано несколько вариантов визуальных стимулов, соответствующих представлениям сотрудников ОВД относительно изучаемых факторов риска (приложение Г).

Анализ полученных данных на первом этапе экспериментального исследования позволил сформулировать следующие выводы:

1. Представление сотрудников ОВД относительно фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» визуализируется в таких смысловых единицах, как шприц, фигура человека, комментарий, линия перечеркивания, листья конопли, пакетик с солью, дерево, закладка, купюры, стрелки.

2. Представление сотрудников ОВД относительно фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» визуализируется в фигуре человека, фигуре девианта, решетке, комментарии, кепке или шапке, линии перечеркивания, фуражке, столе, татуировке, полосатой одежде.

3. Представление сотрудников ОВД относительно фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия» визуализируется в смысловых единицах: пистолет, фигура человека, автомат, граната, комментарий, линия перечеркивания, купюры, нож, стрелки.

4. Представление сотрудников ОВД относительно фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» визуализируется в фигуре человека, комментарии, транспаранте, линии перечеркивания, фигуре неформала, аббревиатуре.

5. Представление сотрудников ОВД относительно фактора риска «Совершение уголовно наказуемых деяний» визуализируется в смысловых единицах: фигуре человека, комментарии, ноже, фигуре девианта, Уголовном кодексе Российской Федерации, пистолете.

6. Представление сотрудников ОВД относительно фактора риска «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» визуализируется в смысловых единицах: комментарий, фигура человека, купюры, декларация, дом, лист бумаги, машина, линия перечеркивания.

7. Представление сотрудников ОВД относительно фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» выразилось в изображении таких смысловых единиц, как фигура человека, комментарий, здание, стрелки, образ мыслей, линия перечеркивания, фуражка, купюры, фигура девианта, аббревиатура.

8. Представление сотрудников ОВД относительно фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» визуализировалось в основном в фигуре человека, купюрах, комментарии, фуражке.

9. Несмотря на разнообразие смысловых единиц в визуальных стимулах факторов риска, все же выявлены наиболее повторяющиеся, подтверждающие идентичное видение ситуации респондентами.

10. Визуальные стимулы факторов риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» и «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» насчитывают 73 и 62 смысловые единицы соответственно, что обусловлено трудностью кодирования в формат изображения таких словосочетаний, как противоправные контакты и попытка поступления на службу.

11. Визуальные стимулы факторов риска «Участие в незаконном обороте оружия», «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» и «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера», имеют сравнительно меньшую сумму наиболее повторяющихся смысловых единиц – 51, 55 и 56 соответственно, что обусловлено более понятным для кодирования текстового формата в визуальное изображение.

12. Такие смысловые единицы, как фигура человека, комментарии, линия перечеркивания, купюры, атрибуты девиантной личности, стрелки, атрибуты должностного лица должны учитываться при формировании универсальных визуальных стимулов факторов риска.

13. На основании полученных результатов сформирован пакет из 8 визуальных стимулов факторов риска с соблюдением выработанных нами должных характеристик стимульного материала. Каждый фактор риска имеет несколько вариантов визуальных стимулов: «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» – 3 варианта, «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» – 3 варианта, «Участие в незаконном обороте оружия» – 2 варианта, «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» – 4 варианта, «Совершение уголовно

наказуемых деяний» – 3 варианта, «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» – 3 варианта, «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» – 4 варианта, «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» – 2 варианта.

2.3. Факторы, определяющие выбор смысловых единиц при визуализации факторов риска

Анализ результатов изучения представлений сотрудников ОВД позволил выявить дополнительную информацию о наличии взаимообусловленных связей между социально-демографическими характеристиками респондентов и изображением / не изображением ими конкретных смысловых единиц. С целью демонстрации достоверности полученных результатов, в первую очередь, считаем необходимым отобразить статистическую зависимость возрастной категории и стажа службы (рисунок 22).

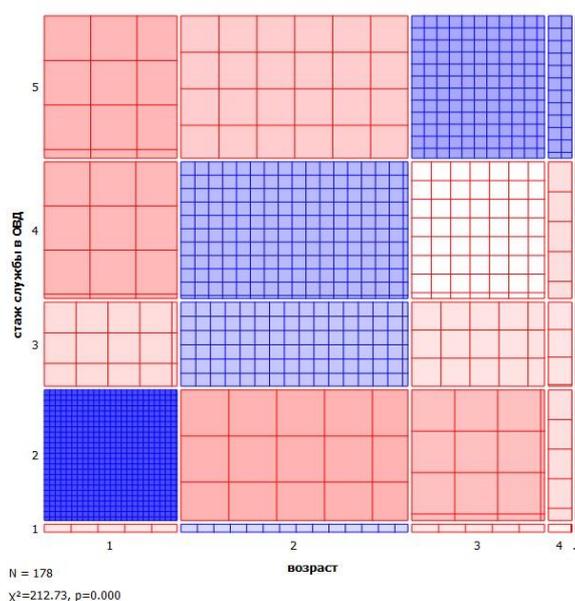

Рисунок 22 – Статистическая зависимость стажа службы и возраста

Анализируя полученные результаты, можно отметить, что ожидаемая частота респондентов со стажем службы от 5 до 10 лет (2 категория) в возрастной категории от 20 до 30 лет (1 категория) составляет 11,63, а наблюдаемая – 42; ожидаемая частота респондентов со стажем службы от 10 до 15 лет (3 категория) и от 15 до 20 лет (4 категория) в возрасте от 31 года до 40 лет (2 категория) составляет 12,81 и 20,49, а наблюдаемая – 23 и 36 соответственно; ожидаемая частота респондентов со стажем службы более 20 лет (5 категория) в возрасте от 41 года до 50 лет (3 категория), от 51 года до 60 лет (4 категория), более 60 лет (5 категория) составляет 12,64; 2,54 и 0,84, а наблюдаемая – 28; 9 и 3 соответственно. При уровне значимости $p=0,05$ значение χ^2 составляет 212,73, что значительно превышает критическое значение χ^2 . Следовательно, можно констатировать наличие различия между теоретическими и эмпирическими частотами, что свидетельствует о неслучайности связи между критериями стажа службы и возрастом респондентов. Таким образом, более молодые респонденты, в возрасте от 20 до 30 лет, имеют стаж службы от 5 до 10 лет, в возрасте от 31 года до 40 лет стаж службы составляет от 10 до 20 лет; респонденты более старшего возраста, от 41 года и старше, имеют стаж службы более 20 лет.

Полученные результаты обусловлены формальной составляющей приема кандидатов на службу, которая имеет возрастные ограничения.

Аналогичные результаты можно увидеть при анализе взаимозависимости возраста и уровня образования (рисунок 23). Так, ожидаемая частота наличия ученой степени у респондентов в возрасте от 20 до 30 лет составляет 8,34; от 31 года до 40 лет – 14,09, а наблюдаемая – 4 и 9 соответственно, в то время как ожидаемая частота наличия ученой степени у респондентов в возрастной категории от 41 года до 50 лет соответствует 8,34; в возрастной категории от 51 года до 60 лет – 1,67, в возрастной категории более 60 лет – 0,56, а наблюдаемая частота – 13, 4 и 3 соответственно. Можно констатировать, что наличие ученой

степени у респондентов в большей мере присуще людям более старшего возраста.

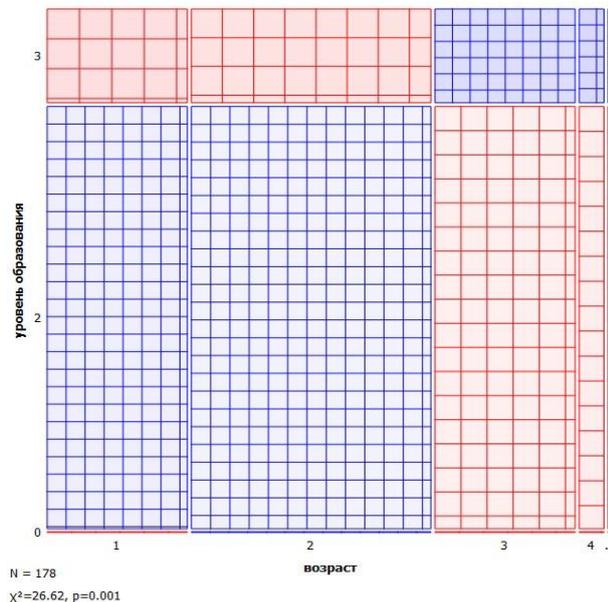

Рисунок 23 – Статистическая зависимость уровня образования и возраста

Полученные результаты объясняются поступательным движением к получению ученой степени: достижением соответствующего уровня образования, наличием определенного практического опыта в направлении научного исследования, изучением темы научного исследования и последующим написанием научно-исследовательской работы.

Анализируя результаты, полученные с помощью Sieve Diagram, можно наблюдать взаимообусловленность возраста респондентов и изображения фигуры человека в визуальных стимулах факторов риска: «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ», «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений», «Совершение уголовно наказуемых деяний», «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера», «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций», «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» (рисунок 24).

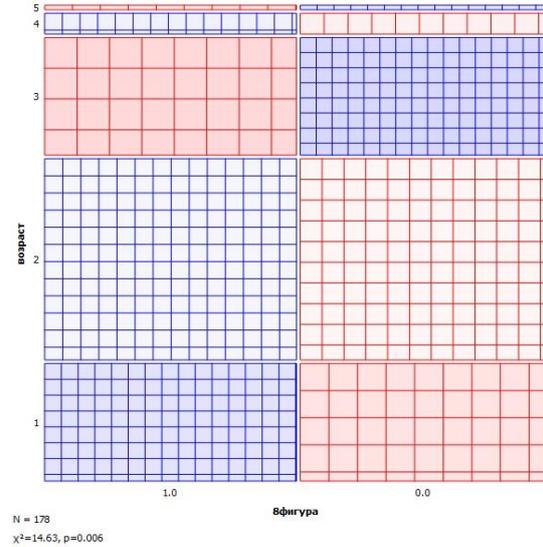
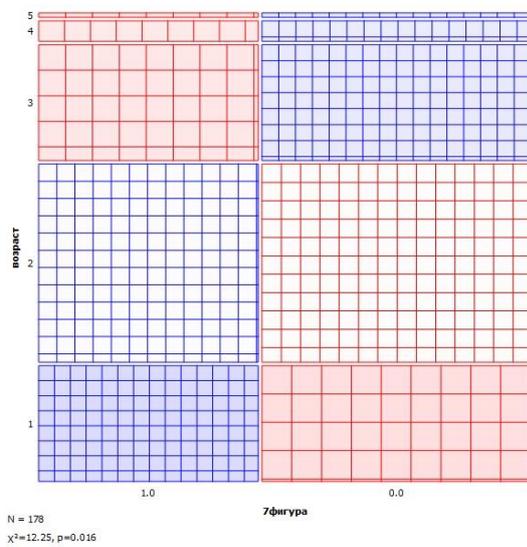
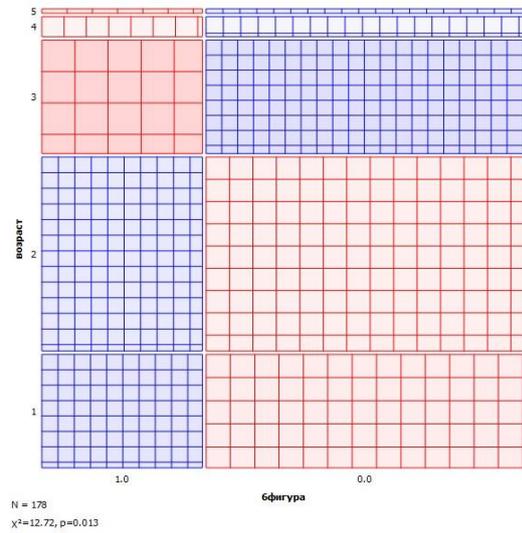
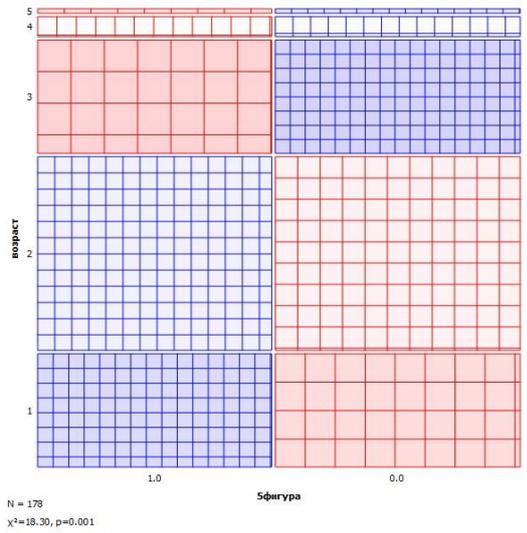
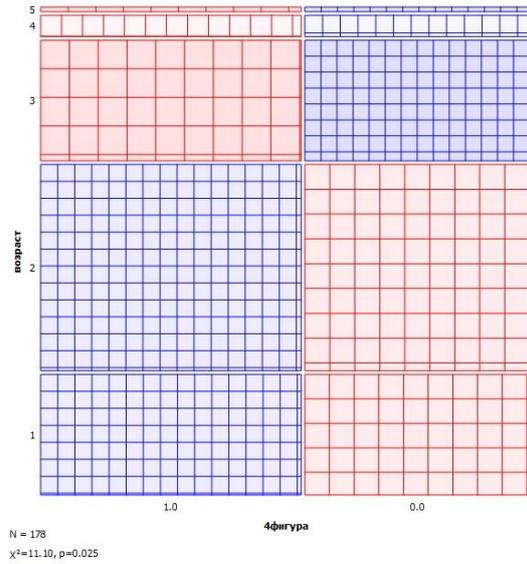
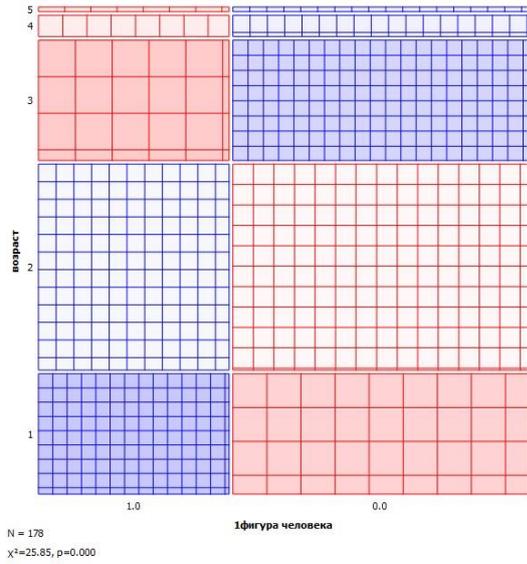

Рисунок 24 – Взаимообусловленность возраста и изображения фигуры человека

Относительно визуального стимула фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» ожидаемая частота изобразивших фигуру человека среди респондентов от 20 до 30 лет составила 17,70, а наблюдаемая – 29, ожидаемая частота не изобразивших фигуру человека респондентов от 20 до 30 лет – 27,30, наблюдаемая – 16. Респонденты от 40 до 50 лет должны были изобразить фигуру человека с частотой 17,70, а изобразили 7 в противовес тому, что респонденты с такой же возрастной категорией должны были не изобразить фигуру с частотой 27,30, но не изобразили – 38. У респондентов средней возрастной категории – от 30 до 40 лет наблюдается незначительный перевес в сторону изображения фигуры человека – 32 в пику ожидаемому 29,89.

Так, в визуальном стимуле фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» ожидаемая частота изображения фигуры человека респондентами от 20 до 30 лет предполагала 24,02, респондентами от 31 года до 40 лет – 40,56, а наблюдаемая частота оказалась 28 и 46 соответственно, в то время как респонденты в третьей возрастной категории – от 41 года до 50 лет, четвертой – от 51 года до 60 лет и пятой – старше 60 лет склонны не изображать фигуру человека, так как теоретический показатель должен был соответствовать 20,98; 4,20 и 1,40, а эмпирический оказался 28; 5 и 3 соответственно. Наиболее показательный результат наблюдается в возрастной категории от 41 года до 50 лет, которые в большей степени не склонны к изображению фигуры. Так, теоретический результат изображения фигуры предполагал 24,02, а наблюдаемый оказался 17 в противовес теоретическому результату не изображения фигуры 20,98, а эмпирическому – 28.

Относительно визуального стимула фактора риска «Совершение уголовно наказуемых деяний» результат прослеживается тот же. Респонденты в возрастных категориях от 20 до 30 лет и от 31 года до 40 лет больше склонны изображать фигуру, чем не изображать. Так, ожидаемая частота составляла 21,99 и 37,15, а ожидаемая – 30 и 41 соответственно. Респонденты более старшего

возраста в большей степени не склонны к изображению фигуры. Наиболее информативны результаты респондентов в возрасте от 41 года до 50 лет, где ожидаемая частота предполагала 23,01, а наблюдаемая оказалась – 33.

Результаты в визуальном стимуле фактора риска «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» идентичны и наиболее показательны относительно изображения фигуры человека в возрастных категориях от 20 до 30 лет и от 31 года до 40 лет. Так, теоретическое предположение составляло 15,17 и 25,62, а эмпирическое – 20 и 31 соответственно. Наиболее информативные результаты не изображения фигуры получились в возрастной категории от 41 года до 50 лет, где ожидаемая частота соответствовала 29,83, а наблюдаемая составила 38.

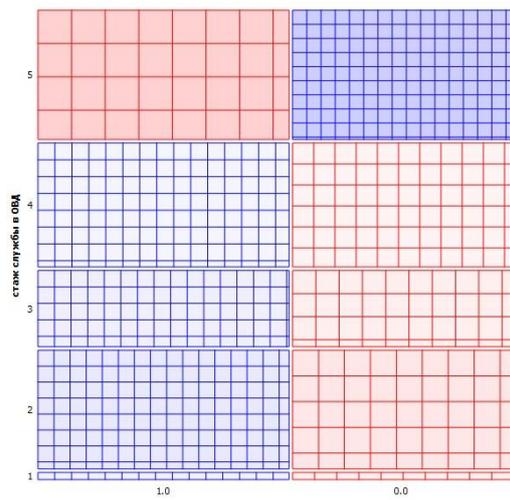
В визуальном стимуле фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» наиболее наглядны результаты изображения фигуры респондентами в возрасте от 20 до 30 лет. Так, ожидаемый результат изображения фигуры человека предполагал 20,22, а наблюдаемый составил 28. Более старшая возрастная категория респондентов склонны не изображать фигуру человека. Наиболее яркий результат можно наблюдать в категории от 41 года до 50 лет, где предполагалось не изображение фигуры 24,78, но эмпирический результат составил 30.

В визуальном стимуле фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» респонденты первой и второй возрастных категорий также склонны к изображению фигуры. Ожидаемая частота изображения составила 22,75 и 38,43, а наблюдаемая оказалась 29 и 41 соответственно. Респонденты более старшего возраста не склонны к изображению фигуры. Третья возрастная категория продемонстрировала наиболее яркие результаты, где предполагалось, что не изобразят фигуру 25,25, а ее не изобразили 31.

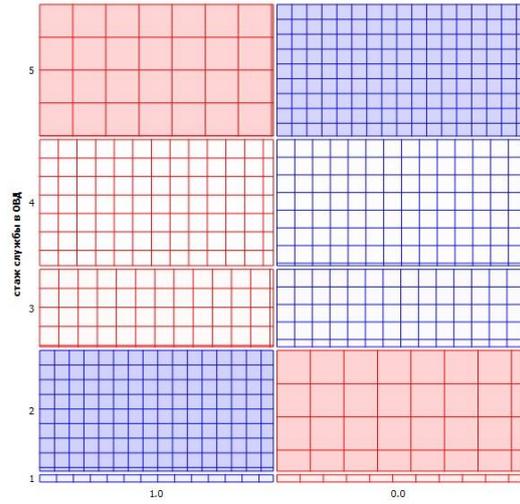
Обобщая результаты, полученные по различным визуальным стимулам факторов риска относительно изображения фигуры человека, можно наблюдать, что респонденты более молодого возраста склонны изображать фигуру человека, чем не изображать ее, а респонденты более старшего возраста склонны не изображать фигуру человека, чем ее изображать.

Полученные результаты обусловлены, по нашему мнению, наличием различных взглядов, особенностей мышления, сформировавшихся стереотипов у поколений, проживающих в разные хронологические периоды. Респонденты более молодого возраста склонны к непосредственному изображению сюжета с участием человека в визуальных стимулах факторов риска, так как современная действительность в большей степени наполнена визуальным контекстом, у респондентов старшего поколения изображения носят символический характер, ориентированный на сухой контекст без дополнительных деталей, что соответствует более конкретному мышлению, умению выделить главное из имеющейся информации посредством построения причинно-следственной связи.

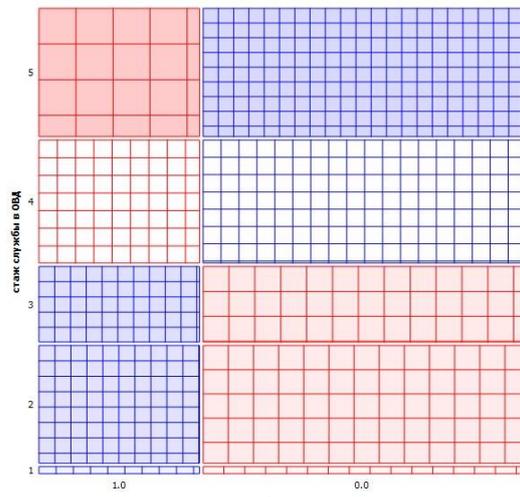
Аналогичный результат наличия взаимообусловленных связей можно наблюдать и относительно стажа службы и изображения фигуры человека в визуальных стимулах факторов риска: «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ», «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость», «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений», «Совершение уголовно наказуемых деяний», «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера», «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных», «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» (рисунок 25).

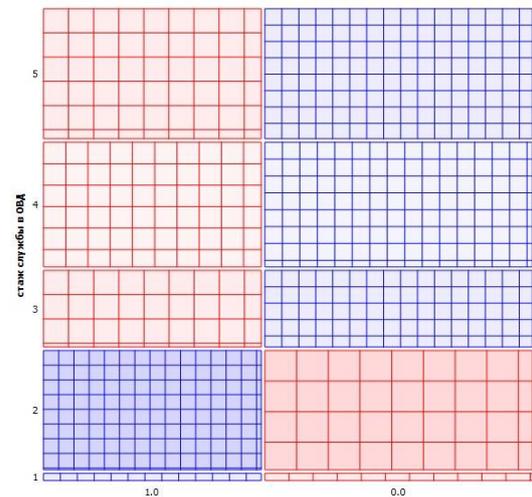
N = 178
 $\chi^2=15.99, p=0.003$

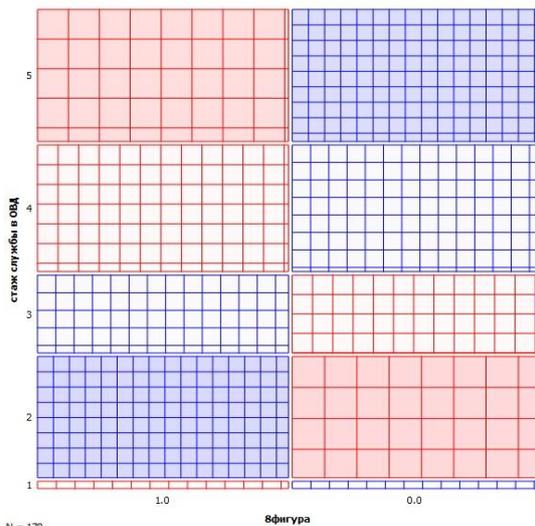
N = 178
 $\chi^2=19.51, p=0.001$

N = 178
 $\chi^2=17.52, p=0.002$

N = 178
 $\chi^2=12.91, p=0.012$

N = 178
 $\chi^2=12.36, p=0.015$

Рисунок 25 – Взаимобусловленность стажа службы и изображения фигуры человека

Анализируя полученные взаимосвязи в визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ», можно отметить, что респонденты более молодого возраста склонны изображать фигуру человека, так как ожидаемая частота изображения респондентами со стажем службы в ОВД от 5 до 10 лет предполагала 18,09, а наблюдаемая составила 31, в то время как ожидаемая частота изобразивших фигуру человека респондентов со стажем службы более 20 лет предполагала 19,66, наблюдаемая частота составила 7, а не изобразивших фигуру с таким же стажем службы ожидалась 30,34, а наблюдалась 43.

В визуальном стимуле фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» наиболее наглядные результаты в изображении фигуры человека прослеживаются у респондентов со стажем службы от 5 до 10 лет, ожидаемая частота среди тех, кто изобразил фигуру человека, составила 20,42, а наблюдаемая – 31. Респонденты со стажем службы более 20 лет, наоборот, не склонны к изображению фигуры человека, что просматривается в теоретическом показателе, составляющем 27,81, а эмпирическом – 36.

Относительно визуального стимула фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» имеет место аналогичная ситуация. Так, ожидаемая частота изображения фигуры человека респондентами со стажем службы от 5 до 10 лет имеет наиболее показательные результаты и составляет 24,55, а наблюдаемая – 30. Респонденты со стажем службы от 10 до 15 лет и от 15 до 20 лет также склонны к изображению фигуры человека, но уже в меньшей степени, так как теоретический показатель составил 16,01 и 25,62, а эмпирический – 19 и 28 соответственно. Респонденты, имеющие стаж службы более 20 лет, не склонны к изображению фигуры человека потому, что ожидаемая частота не изображения фигуры человека предполагала 23,31, а наблюдаемая составила 35, в противовес изображению этими же респондентами с ожидаемой частотой 26,69, а наблюдаемой – 15.

В визуальном стимуле фактора риска «Совершение уголовно наказуемых деяний» ожидалось, что респонденты со стажем службы от 5 до 10 лет изобразят фигуру с частотой 22,48, а изобразили с частотой 33 в противовес ожидаемой частоте не изображения фигуры 23,52, а наблюдаемой – 13. Респонденты с большим стажем службы, более 20 лет, склонны не изображать фигуру человека: теоретический показатель составил 25,56, а эмпирический – 36. Теоретические и эмпирические частоты изображения / не изображения фигуры человека респондентами со средним стажем службы, от 10 до 15 лет и от 15 до 20 лет, имеют нормальное распределение, свидетельствующее об отсутствии взаимообусловленности.

Визуальный стимул фактора риска «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» продемонстрировал наиболее значимые взаимообусловленные связи относительно респондентов со стажем службы от 5 до 10 лет, где ожидаемая частота изображения фигуры человека составила 15,51, а наблюдаемая – 21 в противовес ожидаемой частоте не изображения фигуры 30,49, а наблюдаемой – 25. Респонденты с большим стажем службы, более 20 лет, склонны не изображать фигуру. Так, теоретический показатель составил 33,15, эмпирический – 44 в пику ожидаемой частоте изображения фигуры 16,85, а наблюдаемой – 6.

Относительно визуального стимула фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» наиболее информативно отличие прослеживается также у респондентов со стажем службы от 5 до 10 лет. Ожидаемая частота среди тех, кто изобразил фигуру человека, составила 20,67, а наблюдаемая – 30. Менее выраженная связь наблюдается у респондентов со стажем службы от 10 до 15 лет, где теоретическое значение составляет 16,52, а эмпирическое – 20. Респонденты со стажем службы более 20 лет не склонны к изображению фигуры человека потому, что ожидаемая частота составляет 27,53,

а наблюдаемая – 32 в пику ожидаемой частоте изображения фигуры 22,47, а наблюдаемой – 18.

Аналогичные распределения наблюдаются и в визуальном стимуле фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями», в котором наиболее яркие отличия представлены в изображении фигуры человека респондентами со стажем службы от 5 до 10 лет, где ожидаемая частота составила 23,26, а наблюдаемая – 32. Респонденты со стажем службы более 20 лет также имеют достаточно показательные результаты. Опрошенные данной категории не склонны к изображению фигуры человека, так как ожидаемая частота не изображения фигуры составила 24,72, а наблюдаемая – 33 в противовес ожидаемой частоте не изображения фигуры 25,28 и наблюдаемой – 17.

Итак, можно констатировать, что респонденты с меньшим стажем службы более склонны к изображению фигуры человека, чем к ее не изображению в отличие от респондентов с большим стажем службы, которые в большей степени не склонны изображать в визуальных стимулах факторов риска фигуру человека.

Полученный результат так же, как и в случае с возрастными категориями, можно объяснить различием протекания когнитивных процессов молодого и старшего поколений, в частности процессов воображения. Кроме того, изображение реального сюжета респондентами с меньшим стажем службы может быть обусловлено условиями современной действительности, где преобладает визуальный контент информации и молодежь воспринимает и воспроизводит информацию так же, сюжетно. Более старшее поколение, с большей выслугой лет, имеющее большой жизненный и профессиональный опыт, более высокий уровень образования, способно эксплицитировать воспринимаемую информацию в измененном виде, не теряя ее сущности.

Анализ результатов относительно взаимообусловленности показателей возраста и стажа, с одной стороны, и изображения шприца, с другой стороны, продемонстрирован в визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» (рисунок 26).

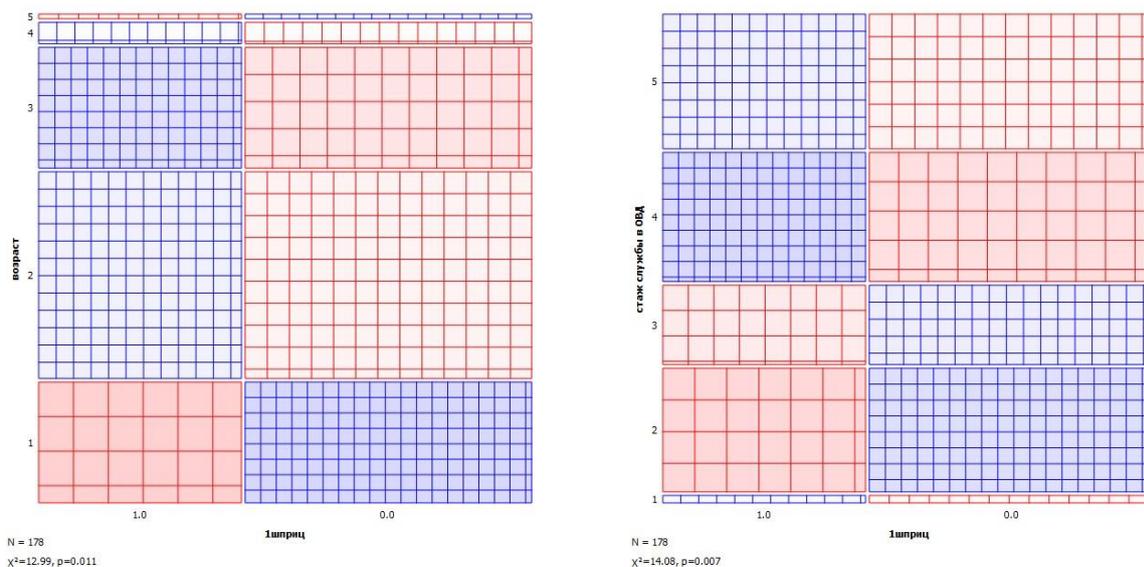

Рисунок 26 – Взаимообусловленность возраста (стажа службы) и изображения шприца

Очевидно, что у респондентов в возрасте от 30 до 40 и от 41 года до 50 лет наблюдается перевес в сторону изображения шприца. Так, ожидаемая частота составила 31,60 и 18,71, а наблюдаемая – 35 и 25 соответственно. Ожидалось, что респонденты в возрасте от 20 до 30 лет изобразят шприц с показателем в 18,71, но его изобразили только 9, в то же время предполагалось, что не изобразят шприц 26,29, но не изобразили шприц 36. Показатель χ^2 превышает критическое значение, следовательно, можно констатировать, что респонденты во второй и третьей возрастных категориях склонны к изображению шприца, а респонденты первой возрастной категории не склонны к изображению шприца.

Аналогичный результат получен при анализе взаимозависимости стажа службы и изображения шприца, который свойственно изображать более старшему поколению, со стажем службы более 15 лет. Так, наиболее ярко представлены результаты респондентов со стажем службы от 15 до 20 лет, где ожидаемая частота изображения шприца составила 19,96, а наблюдаемая – 28. С меньшим перевесом, но все же в сторону изображения шприца, оказались респонденты со стажем службы более 20 лет, где ожидаемый результат предполагал 22,19, а наблюдаемый составил 24. Относительно респондентов с

меньшим стажем службы, от 5 до 10 лет, ожидаемый результат не изображения шприца предполагал 26,88, а наблюдаемый составил 35 в противовес ожидаемому изображению шприца 19,12, а наблюдаемому – 11.

Следовательно, можно заключить, что изображение шприца присуще среднему и старшему поколению со стажем службы более 15 лет. Респонденты более молодого возраста и соответственно с меньшим стажем службы в ОВД не склонны к изображению шприца.

Полученные результаты, на наш взгляд, объясняются классическим символизмом в изображении наркотиков у более старшего поколения. С учетом современной действительности и появлением новых способов незаконного оборота наркотиков более молодое поколение, от 20 до 30 лет, в изображении такого противоправного деяния прибегает к другим изображениям, отличным от изображения шприца.

Относительно критериев возраста респондентов и стажа их службы, с одной стороны, и изображения закладки как способа незаконного распространения наркотиков, с другой стороны, в визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» можно отметить наличие неслучайных связей (рисунок 27).

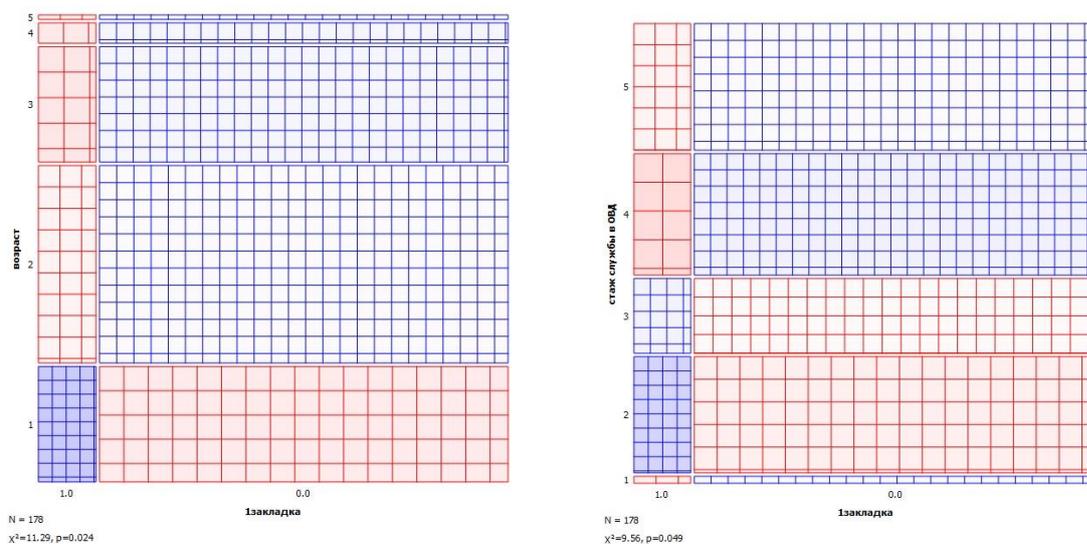

Рисунок 27 – Взаимообусловленность возраста (стажа службы) и изображения закладки

При рассмотрении взаимообусловленности возраста и изображения закладки очевиден перевес в сторону изображения закладки респондентами от 20 до 30 лет, так как ожидаемая частота предполагала 5,81, а наблюдаемая составила 12 в противовес не изобразившим закладку респондентам той же возрастной категории, где ожидаемый показатель составил 39,19, а наблюдаемый – 33. Наибольший перевес не склонных к изображению закладки наблюдается у респондентов в возрасте от 40 до 50 лет. Так, ожидаемая частота составила 39,19, а наблюдаемая – 42 в пикку ожидаемому результату изображения закладки 5,81, а наблюдаемому – 3. Респонденты в возрастных категориях от 30 до 40 лет и старше 50 также не имеют склонности к изображению закладки, но с менее выраженной частотой.

Кроме того, взаимообусловленность критериев стаж службы и изображение закладки идентична возрасту и изображению закладки. Так, респондентам со стажем службы от 5 до 10 лет свойственно изображение закладки, так как теоретический результат ожидался 5,94, а эмпирический оказался 11. Респондентам со стажем службы более 15 лет не свойственно изображение закладки, так как ожидаемая частота соответствовала 41,80, а наблюдаемая составила 46.

Следовательно, наиболее склонны к изображению закладки респонденты более молодого возраста, от 20 до 30 лет, и респонденты со стажем службы от 5 до 10 лет. В наибольшей степени не склонны к изображению закладки респонденты от 41 года до 50 лет и респонденты, имеющие стаж службы от 15 до 20 лет.

Таким образом, следует отметить, что ассоциация с незаконным оборотом наркотических средств у молодого поколения возникает в виде закладки. Данный результат можно объяснить появлением новых способов распространения наркотических средств, а также восприимчивостью молодого поколения к современным способам и методам распространения наркотических средств, стремлением учитывать изменяющуюся действительность для

понимания современного преступного мира с целью повышения эффективности раскрытия преступлений.

Изображение закладки напрямую связано с изображением респондентами дерева в том же визуальном факторе риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ». В процессе анализа результатов исследования выявлена связь между возрастом (стажем) респондентов и изображением дерева (рисунок 28).

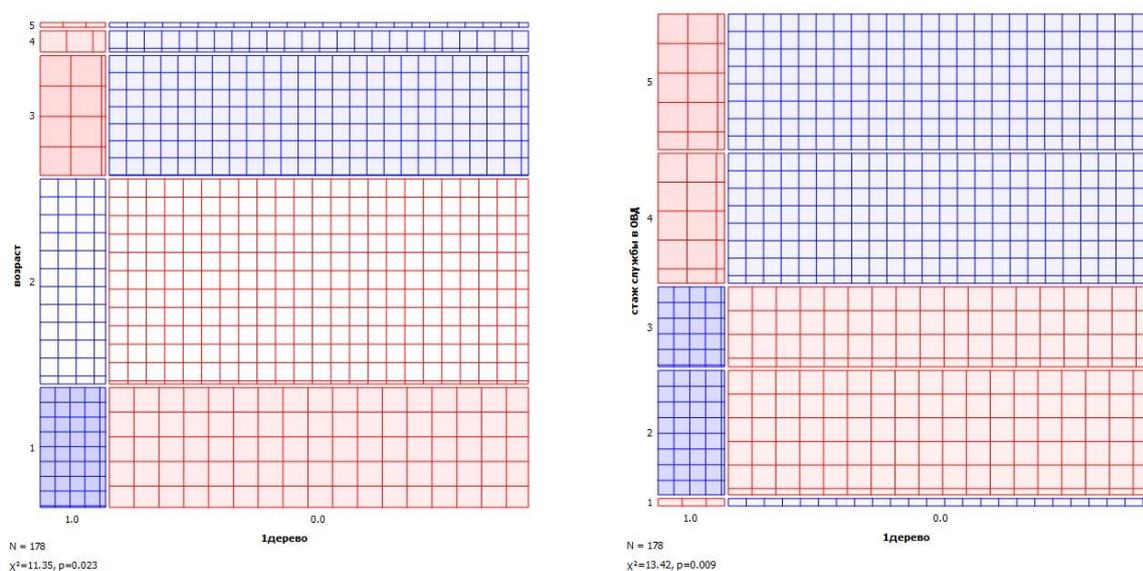

Рисунок 28 – Взаимообусловленность возраста (стажа службы) и изображения дерева

Так, молодое поколение, в возрасте от 20 до 30 лет, склонно к изображению дерева. Данное обстоятельство подтверждает тот факт, что ожидаемый показатель изображения дерева составлял 6,32, а наблюдаемый оказался 12 в противовес ожидаемому показателю не изображения дерева 39,19 и наблюдаемому 33. В отношении респондентов в возрасте от 40 до 50 лет мы наблюдаем перевес в сторону несклонности к изображению дерева: ожидаемая частота не изобразивших дерево соответствовала 38,68, а наблюдаемая – 43, в то время как ожидалась частота изображения дерева 6,32, а наблюдалась – 2.

Получена аналогичная взаимообусловленность стажа службы и изображения дерева. Респонденты со стажем службы от 5 до 10 лет и от 10 до 15 лет склонны

к изображению дерева, так как теоретический результат предполагал 6,46 и 4,21, а эмпирический получился 11 и 8 соответственно. Респонденты с более длительным стажем службы, свыше 15 лет, не склонны к изображению дерева. Так, теоретический результат не изображения дерева предполагал у респондентов со стажем службы от 15 до 20 лет значение 41,26, со стажем более 20 лет – значение 42,98, а эмпирический результат составил 45 и 47 соответственно.

Таким образом, у молодого поколения респондентов с относительно небольшим стажем службы распространение наркотических средств и психотропных веществ ассоциируется с изображением дерева, в отличие от более старших респондентов со стажем службы более 15 лет.

Выявленная связь коррелирует с обозначенной нами ранее взаимообусловленностью возраста (стажа службы) и изображения закладки, поэтому полученные результаты обусловлены аналогичными причинами.

Анализ результатов исследования также выявил взаимозависимые связи возраста (стажа службы) и изображения образа мыслей в визуальном стимуле фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» (рисунок 29).

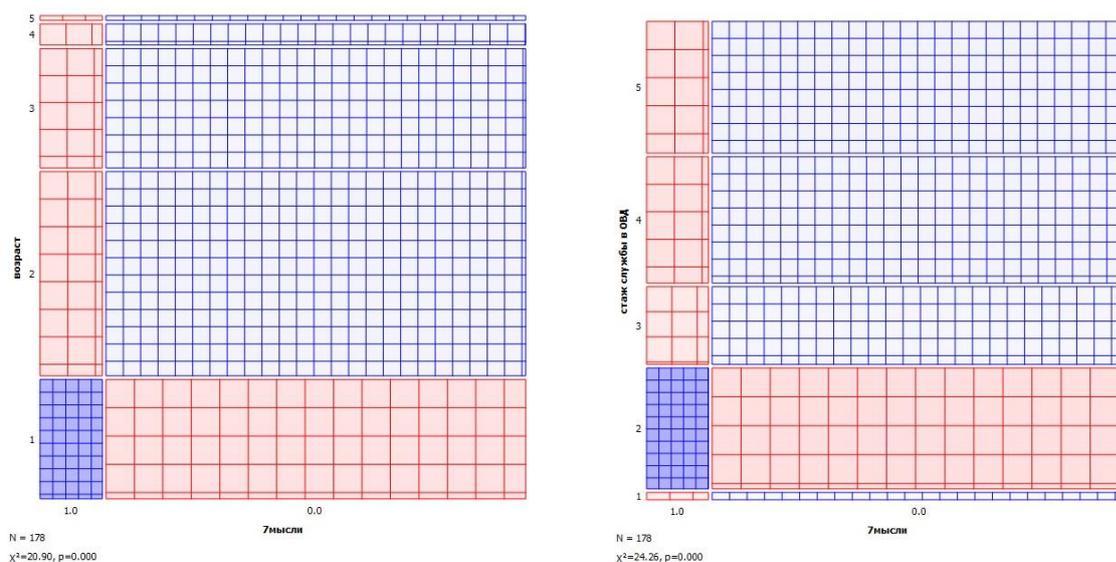

Рисунок 29 – Взаимообусловленность возраста (стажа службы) и изображения образа мыслей

Относительно критериев возраста и образа мыслей можно констатировать, что наиболее склонны к изображению образа мыслей респонденты в возрасте от 20 до 30 лет. Так, ожидаемая частота предполагала показатель 6,07, а наблюдаемая оказалась – 15 в противовес ожидаемой частоте не изображения 38,93, а наблюдаемой – 30. Респонденты более старшего возраста не склонны к изображению образа мыслей. Наиболее яркая выраженность у категории от 31 до 40 лет, где теоретический показатель предполагал 65,75, а эмпирический составил 70. Респонденты более старшей возрастной категории, более 41 года, также не склонны к изображению образа мыслей, но в меньшей степени.

Рассматривая результаты в отношении стажа службы и образа мыслей, следует подчеркнуть, что респонденты со стажем службы от 5 до 10 лет в большей степени склонны к изображению образа мыслей, чем к не изображению. Так, предполагаемая частота изображения образа имела значение 6,20, а наблюдаемая оказалась – 16. Респонденты со стажем более 10 лет не склонны к изображению образа мыслей. В большей степени это проявляется в категории со стажем службы более 15 лет.

Таким образом, следует отметить, что молодое поколение респондентов с небольшим стажем службы в большей степени склонно к изображению образа мыслей, чем к его не изображению. Старшему поколению респондентов с большим стажем службы скорее не свойственно изображение образа мыслей, чем его изображение.

Полученные результаты обусловлены стремлением молодого поколения показать как внешнюю оболочку сюжета, так и его скрытый смысл в связи с наличием более открытой жизненной позиции, чем у старшего поколения, эксплицирующего текст в изображение посредством определенных действий или конкретных деталей.

Относительно возраста (стажа службы) и изображения линии перечеркивания в визуальных стимулах факторов риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» и «Соккрытие или искажение

анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» можно проследить зависимость (рисунок 30).

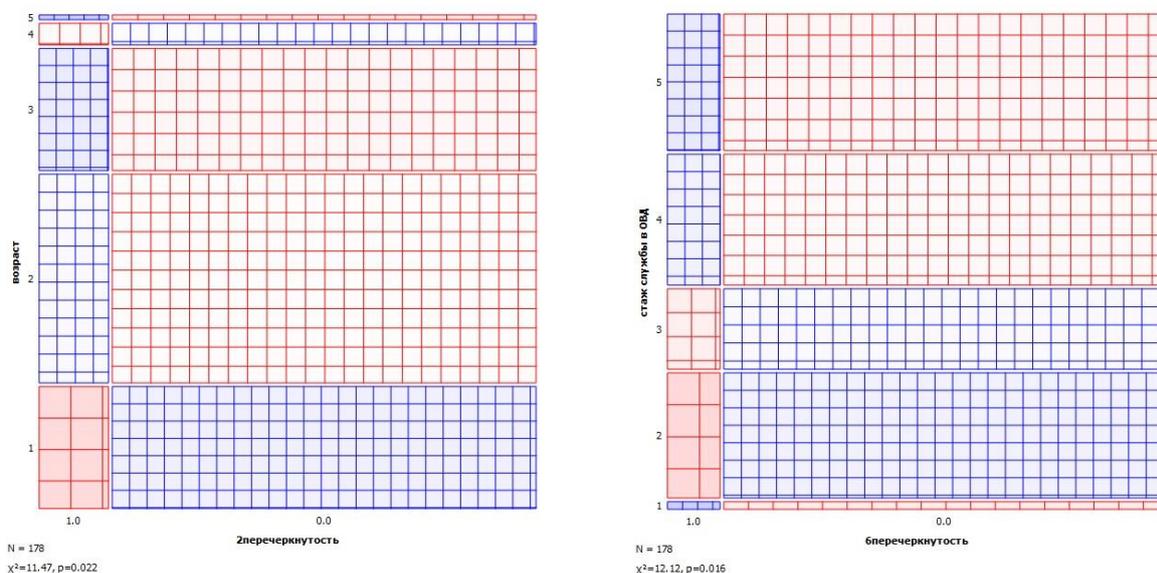

Рисунок 30 – Взаимообусловленность возраста (стажа службы) и изображения линии перечеркивания

Относительно возраста и изображения линии перечеркивания очевидно, что склонность к ее изображению демонстрируют респонденты в возрастных категориях от 31 года до 40 лет, от 41 года до 50 лет, более 60 лет. Наиболее ярко выражена зависимость в категории от 41 года до 50 лет, где ожидаемая частота изображения предполагала показатель 6,57, а наблюдаемая составила 9. Более молодые респонденты, в возрастной категории от 20 до 30 лет, не склонны к изображению линии перечеркивания. Так, теоретическая частота ее не изображения составила 38,43, а эмпирическая – 43 в противовес предполагаемому изображению этой же возрастной категории с частотой 6,57, а наблюдаемому – с частотой 2.

Что касается стажа службы и линии перечеркивания, то прослеживается склонность к ее изображению респондентами со стажем службы до 5 лет, от 15 до 20 лет и свыше 20 лет. Теоретические значения изображения линии перечеркивания составили 0,45; 5,39 и 5,62, а эмпирические – 2, 7 и 8 соответственно. Не склонны к изображению линии перечеркивания

респонденты со стажем службы от 5 до 10 лет и от 10 до 15 лет. Так, предполагаемое значение ее не изображения составляет 40,83 и 26,63, а наблюдаемое – 45 и 28 соответственно.

Следовательно, можно отметить, что респонденты второй, третьей и пятой возрастных категорий и респонденты со стажем службы более 15 лет в большей степени склонны к изображению линии перечеркивания, наибольшую склонность к изображению линии перечеркивания проявляют респонденты от 41 года до 50 лет со стажем службы более 20 лет.

Полученные результаты свидетельствуют о склонности более старшего поколения с большим стажем службы к экспликации текста в формат зрительного изображения посредством символов, что, вероятнее всего, связано с особенностями когнитивных процессов.

Относительно возраста (стажа службы) респондентов и изображения атрибутов должностного лица, в частности погон и фуражки, в визуальных стимулах факторов риска «Участие в незаконном обороте оружия» и «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» результаты оказались взаимообусловлены, даже с учетом разницы факторов риска (рисунок 31).

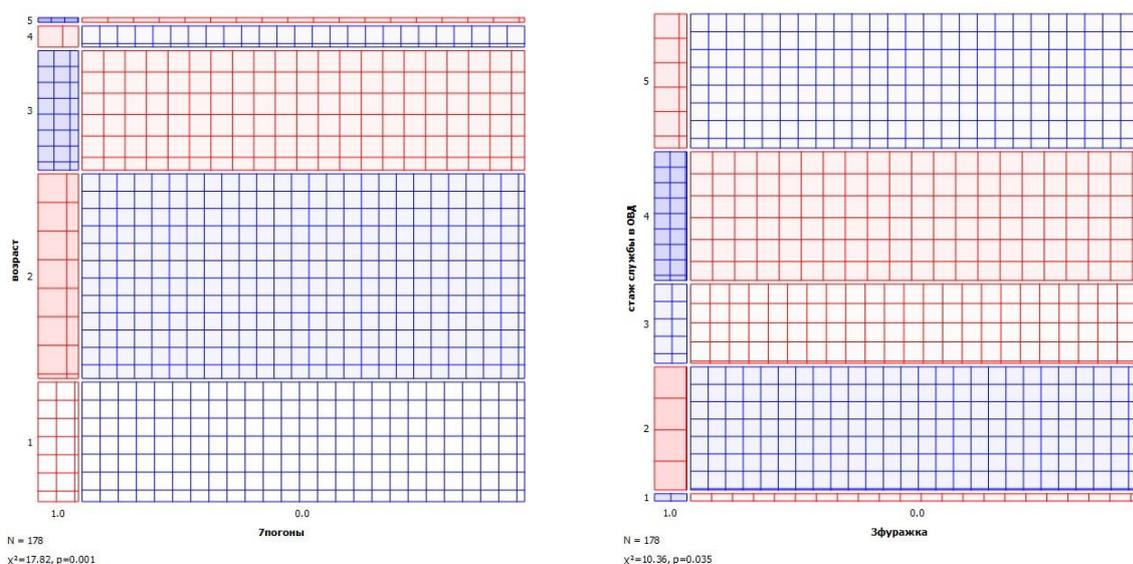

Рисунок 31 – Взаимообусловленность возраста (стажа службы) и изображения атрибутов должностного лица

Анализ результатов исследования продемонстрировал взаимообусловленные связи таких критериев, как возраст и изображение погон. Погоны в большей степени свойственно изображать респондентам от 41 года до 50 лет, так как ожидаемое значение предполагалось 4,04, а наблюдаемое оказалось 7, и респондентам старше 60 лет, где предполагаемым было 0,27, а наблюдаемым – 2. Более молодым респондентам, в возрасте от 31 года до 40 лет, не свойственно изображение погон, так как предполагалось получить значение 69,17, а получили 73. У других возрастных категорий ожидаемая частота соответствовала наблюдаемой.

К изображению такого атрибута, как фуражка, более склонны респонденты со стажем службы от 15 до 20 лет, где предполагаемое значение составило 3,51, а наблюдаемое оказалось 7. Перевес в сторону не изображения пришелся на респондентов со стажем службы от 5 до 10 лет, где предполагалось было 42,64, а наблюдаемо 46.

Значение χ^2 превышает критическое значение, следовательно, связи между возрастом респондентов (стажем службы) и изображением атрибутов не случайны и имеют зависимость.

Итак, в целом можно отметить наиболее показательные результаты склонности к изображению атрибутов должностного лица респондентами в возрастной категории от 41 года до 50 лет со стажем службы в ОВД от 15 до 20 лет.

Полученные результаты обусловлены личностной и профессиональной значимостью атрибутов должностного лица (погон, фуражки) для сотрудников ОВД более старшего возраста.

Несмотря на выявленную нами ранее корреляцию возраста и стажа службы и многочисленное подтверждение этой связи, все же мы отметили и независимость этих критериев при изображении некоторых смысловых единиц. Например, выявлена взаимообусловленность возраста и изображения таблетки, купюры, стрелок; стажа службы и изображения пистолета, комментария, крови одновременно с отсутствием взаимообусловленности критериев возраста и стажа относительно изображения указанных смысловых единиц.

Так, в визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» прослеживаются зависимые связи относительно критериев возраста и изображения таблетки (рисунок 32).

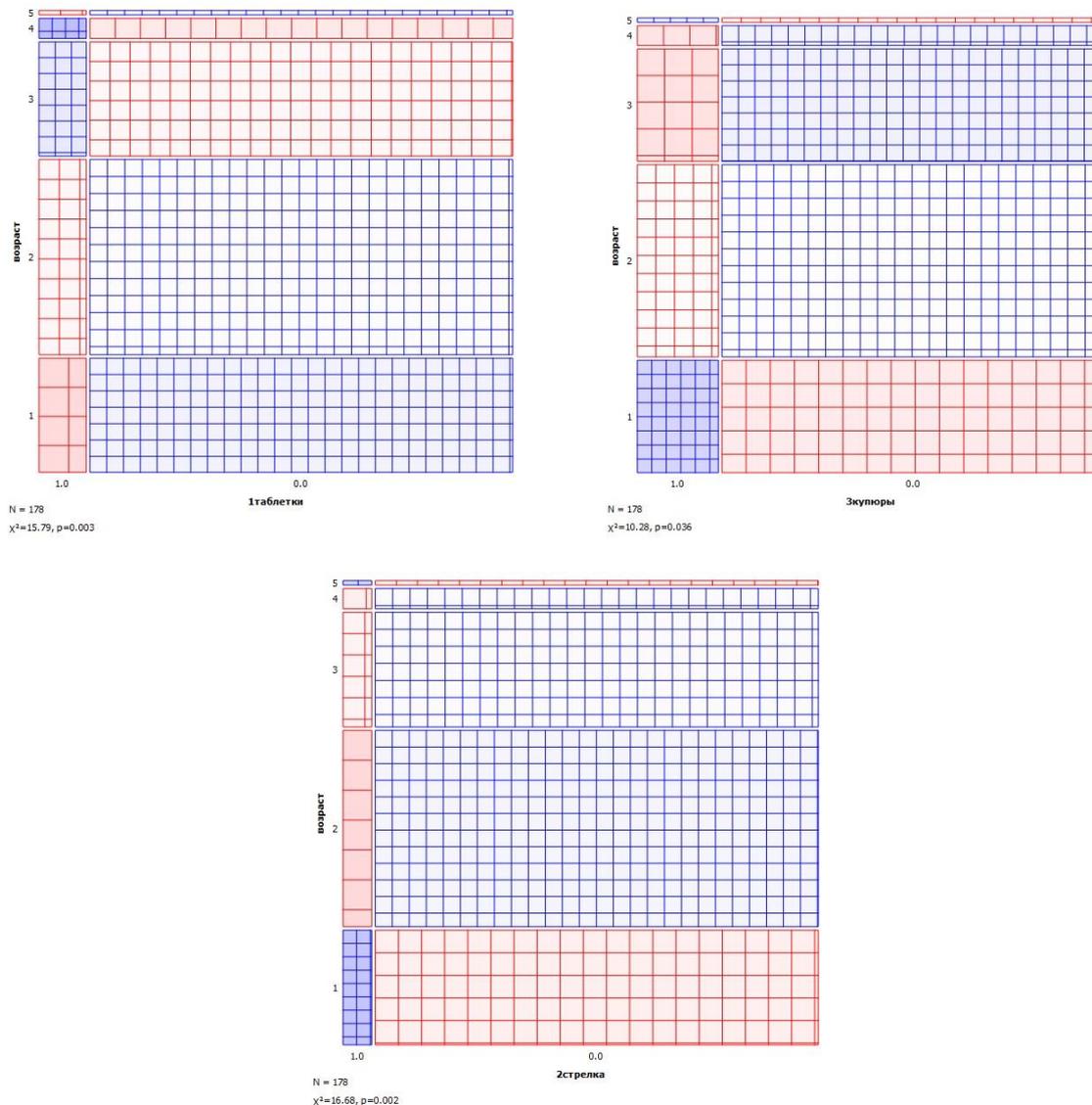

Рисунок 32 – Взаимообусловленность возраста и изображений таблетки, купюры, стрелок

Анализируя полученные результаты, можно отметить, что респонденты в возрастной категории от 20 до 30 лет чаще не изображают таблетку, в этой возрастной категории ожидаемая частота составляла 40,20, а наблюдаемая частота получилась 44 в противовес ожидаемому результату изображения таблетки – 4,80, а наблюдаемому – 1. Респонденты в возрасте от 40 до 50 лет и от 50 до 60 лет склонны изображать таблетку. Ожидалось, что респонденты

указанных возрастных категорий изобразят таблетки с частотой 4,80 и 0,96, а наблюдаемая частота оказалась 7 и 4 соответственно. Наиболее показательный результат отмечается в четвертой возрастной категории.

Установленная взаимообусловленность демонстрирует различие во взглядах поколений на доминирующий вид наркотического средства у каждого из них. Если ранее мы обозначали, что у молодого поколения наркотическое вещество ассоциируется с закладкой, то сейчас мы наблюдаем ассоциацию наркотических средств старшего поколения с таблеткой.

В визуальном стимуле фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия» относительно изображения купюр можно отметить, что к их изображению склонны респонденты также в возрасте от 20 до 30 лет, ожидаемая частота предполагала 8,09, а наблюдаемая оказалась 14. К не изображению купюр склонны респонденты в возрасте старше 41 года. Наиболее информативные результаты у респондентов возрастной категории от 41 года до 50 лет, где теоретический результат составил 36,91, а эмпирический – 41. Менее наглядный результат, но также в сторону не изображения купюр у респондентов в возрасте от 51 года до 60 лет, где предполагалось 7,38, а наблюдалось 9.

Данный результат обусловлен тем, что у респондентов более старшего поколения в фокусе внимания находится саморазвитие и самосовершенствование как более высокие уровни пирамиды Маслоу, в отличие от молодого поколения, направленного на удовлетворение базовых потребностей, требующих материальных затрат (жилье, семья), кроме того, молодое поколение воспитывается в условиях современного мира с многочисленными возможностями, где присутствует явное разделение на социальные слои на основе денежной составляющей. Более старшее поколение воспитывалось в условиях меньших материальных возможностей, имеет другие жизненные ценности и ориентиры. Следовательно, у молодого поколения денежные купюры ассоциируются с возможностью приобретения всех благ, в частности покупкой или продажей оружия, а у старшего поколения данный фактор ассоциируется с каким-либо другим видом незаконного оборота.

В визуальном стимуле фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» относительно взаимосвязи возраста и изображения стрелок можно отметить, что к их изображению более склонны молодые респонденты в возрасте от 20 до 30 лет, так как предполагаемое значение составляет 3,03, а наблюдаемое – 8. В меньшей степени, но также склонны к изображению стрелок респонденты в возрасте более 60 лет, ожидаемая частота составила 0,20, а наблюдаемая – 1. К не изображению стрелок в большей степени склонны респонденты от 31 года до 40 лет и от 41 года до 50 лет потому, что ожидаемое не изображение соответствует 70,88 и 41,97, а наблюдаемое не изображение составило 75 и 43 соответственно.

Полученный результат можно объяснить, на наш взгляд, более интенсивной и энергетически затратной жизнедеятельностью молодого поколения, а символическое значение стрелок, как мы упоминали ранее, соответствует движению. Для поколения старше 60 лет стрелки также имеют важное значение, так как движение в старшем возрасте обеспечивает здоровое функционирование организма.

Анализ результатов исследования продемонстрировал взаимообусловленные связи относительно стажа службы и изображения пистолета, комментария и крови (рисунок 33).

Относительно наличия связи между стажем и изображением пистолета в визуальном факторе риска «Совершение уголовно наказуемых деяний» наблюдается перевес в сторону изображения пистолета респондентами со стажем службы от 5 до 10 лет, где ожидаемая частота составила 5,43, а наблюдаемая – 11 в пике ожидаемой частоты не изображения пистолета респондентами этой же возрастной категории 40,57, а наблюдаемой – 35. Не склонны к изображению пистолета респонденты со стажем более 15 лет, наиболее яркая картина проявляется при стаже более 20 лет, где ожидаемая частота не изображения пистолета – 44,10, а наблюдаемая – 48.

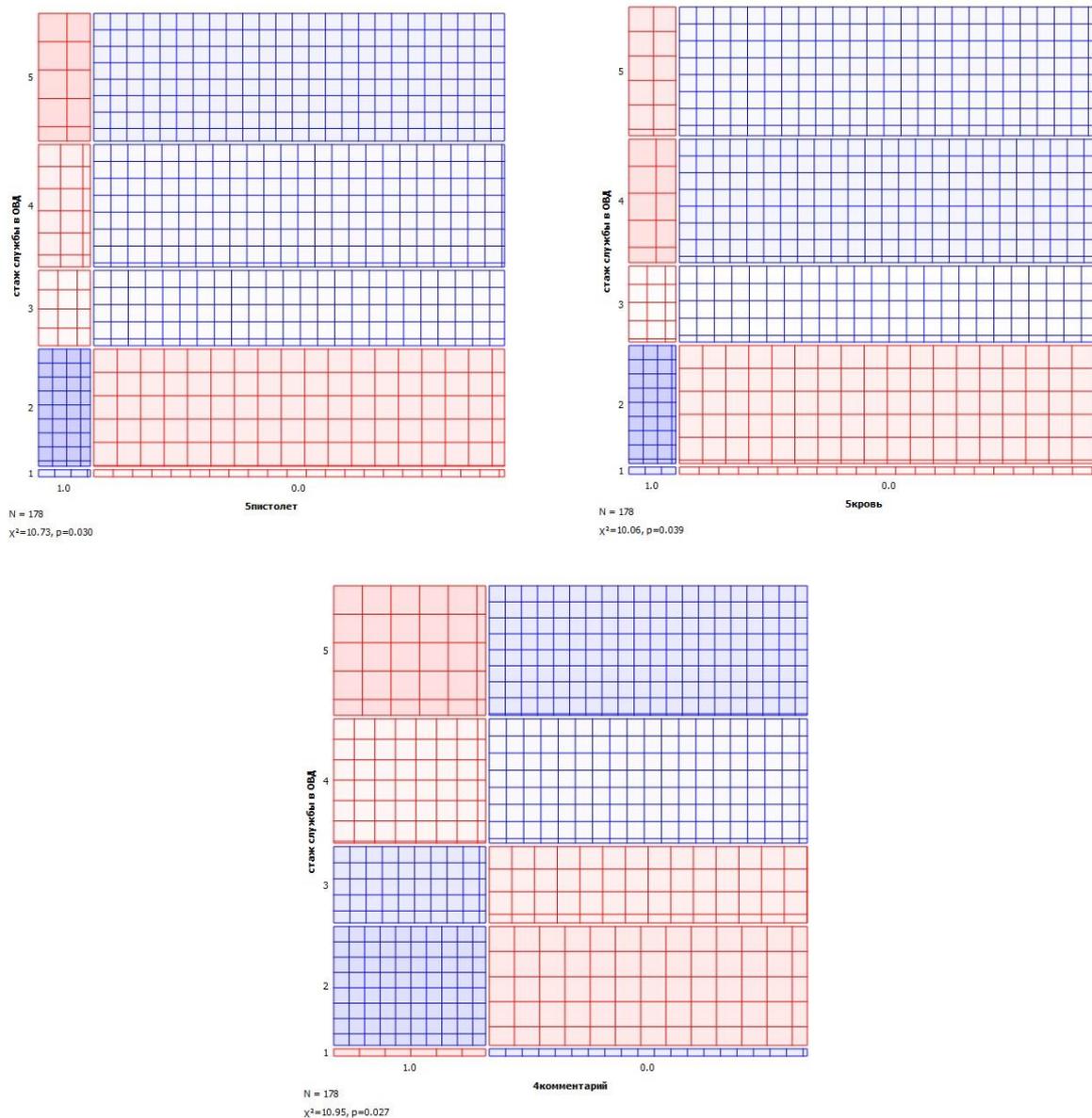

Рисунок 33 – Взаимообусловленность стажа службы и изображений пистолета, крови, комментария

К изображению крови также склонны респонденты с небольшим стажем службы, от 5 до 10 лет, где теоретическая частота составила 4,91, а экспериментальная – 10. Респонденты с большим стажем не склонны к изображению крови, из предполагаемой частоты 42,88 мы наблюдали 46 относительно респондентов со стажем службы от 15 до 20 лет, у респондентов со стажем службы более 20 лет прослеживается аналогичная тенденция.

Полученные результаты, как и в указанных объяснениях, свидетельствуют о склонности молодого поколения к непосредственному изображению сюжета,

для респондентов такой возрастной категории комплекс уголовно наказуемых деяний против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества видится в совершении убийства с использованием пистолета и жертвы с кровью. Для более старшего поколения экспликация уголовно наказуемых деяний в формат визуального изображения представляется в другом виде по причине, на наш взгляд, имеющегося большого профессионального опыта.

Взаимообусловленность связи стажа службы и комментария прослеживается в склонности к его изображению респондентами со стажем от 5 до 10 лет и от 10 до 15 лет. Так, ожидаемая частота этих категорий составила 14,99 и 9,78, а наблюдаемая – 21 и 13 соответственно. Склонны не изображать комментарий респонденты с более продолжительным стажем службы – от 15 до 20 лет и более 20 лет, где теоретический результат соответствует 32,36 и 33,71, а эмпирический – 34 и 40 соответственно.

Как нами указывалось выше, более молодое поколение склонно к конкретному изображению с его уточнением в виде комментария, вероятно, по причине имеющейся открытой и более независимой жизненной позиции, а также, возможно, из-за отличительных особенностей мышления молодого поколения, обозначаемого как клиповое мышление.

Анализ результатов исследования выявил взаимообусловленные связи относительно сферы профессиональной деятельности, гендерных особенностей респондентов и изображения образа мыслей в визуальном стимуле фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» (рисунок 34).

Так, профессорско-преподавательский состав и слушатели образовательных организаций более склонны к изображению образа мыслей, чем к его не изображению, а сотрудники, проходящие службу в территориальных органах полиции, не склонны к изображению образа мыслей. Полученный результат

демонстрируется теоретическим значением изображения образа сотрудниками и слушателями образовательных организаций 5,26 и 3,10 и эмпирическим значением – 9 и 7 соответственно.

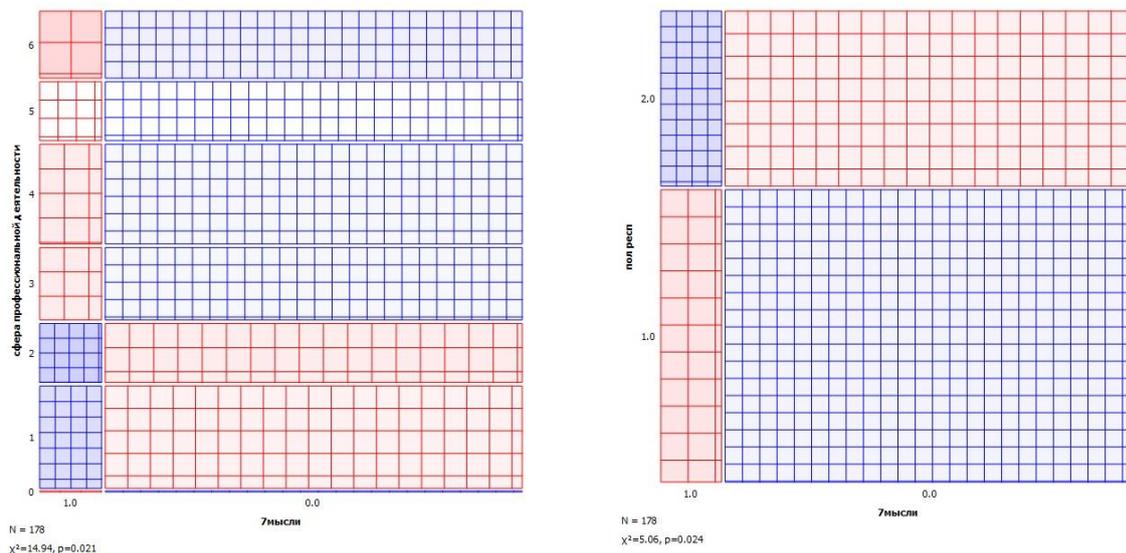

Рисунок 34 – Взаимообусловленность сферы профессиональной деятельности (гендерных особенностей) и изображения образа мыслей

Касаемо взаимообусловленности связей гендерного показателя и образа мыслей можно отметить, что наиболее склонны к изображению образа мыслей респонденты женского пола. Так, ожидаемая частота предполагала 9,03, а наблюдаемая соответствовала 14 в противовес предполагаемому не изображению 57,97, а наблюдаемому 53. Мужчины в большей степени не склонны к изображению образа мыслей: ожидаемая частота не изображения составила 96,03, а наблюдаемая – 101 в противовес ожидаемой частоте изображения 14,97, а наблюдаемой – 10.

Полученный результат, на наш взгляд, демонстрирует сложившиеся стереотипы поведения под воздействием профессиональной деятельности. Так, профессорско-преподавательский состав и слушатели образовательной организации в процессе осуществления профессиональной деятельности в большей степени осуществляют умственную работу, а сотрудники территориальных органов разделяют ее с высокой физической активностью, поэтому изображение образа мыслей в большей степени свойственно

сотрудникам, проходящим службу или обучающимся в образовательной организации. Кроме того, изображение образа мыслей респондентами женского пола объясняется особенностями мышления, в том числе желанием продемонстрировать в изображении внутренние процессы мышления с эмоциональным оттенком.

Результаты анализа данных показывают неслучайную связь между такими критериями, как сфера профессиональной деятельности, с одной стороны, и изображение линии перечеркивания, ножа, маски, машины, листа бумаги, с другой стороны, в визуальных стимулах факторов риска: «Совершение уголовно наказуемых деяний», «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость», «Участие в незаконном обороте оружия», «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера», «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» (рисунок 35).

Наибольшую склонность к изображению линии перечеркивания проявляет профессорско-преподавательский состав образовательной организации, теоретический результат которого составил 3,72, а эмпирический – 9. Сотрудники полиции остальных сфер деятельности скорее не склонны к изображению линии перечеркивания, чем к ее изображению, в наибольшей степени несклонность проявляют сотрудники следственных подразделений.

Полученный результат вполне объясним видом профессиональной деятельности респондентов, в которой требуется постоянное использование линии перечеркивания, отображающей «запрещенность, неправильность» при анализе письменных работ обучающихся. У сотрудников следственных подразделений линия перечеркивания, на наш взгляд, вызывает отрицательную ассоциацию с «неправильностью» ведения уголовного дела, поэтому не используется в визуализации факторов риска.

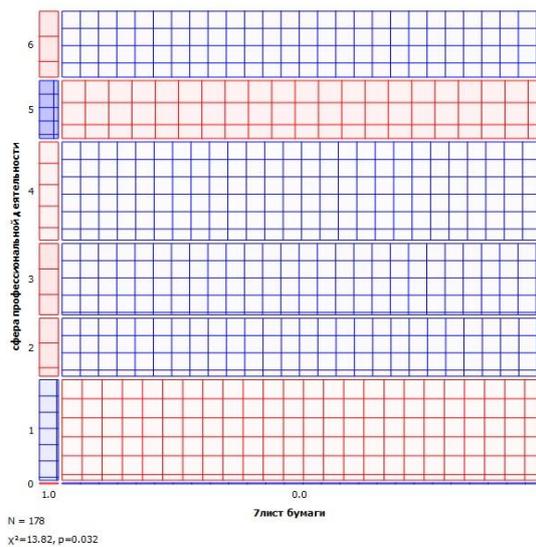
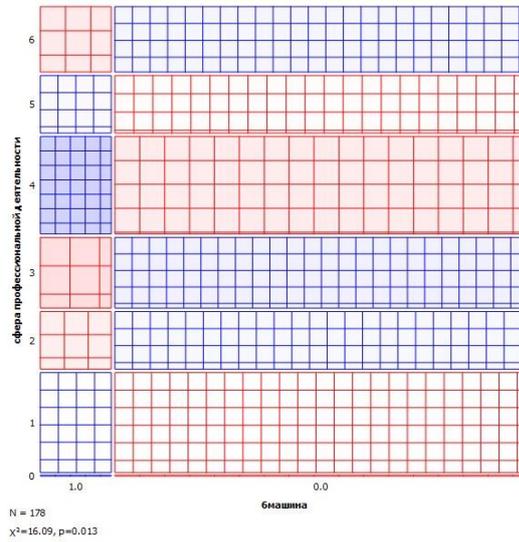
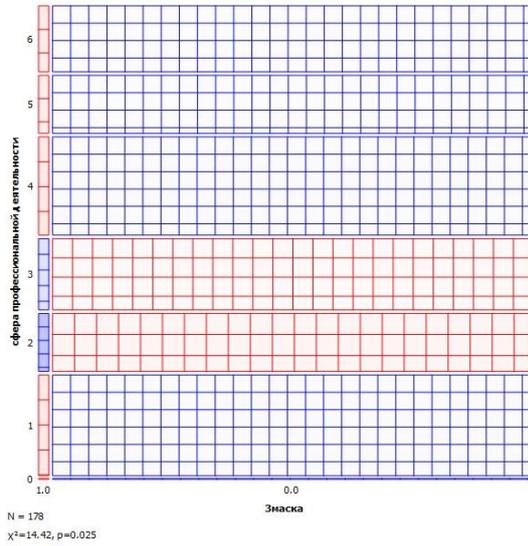
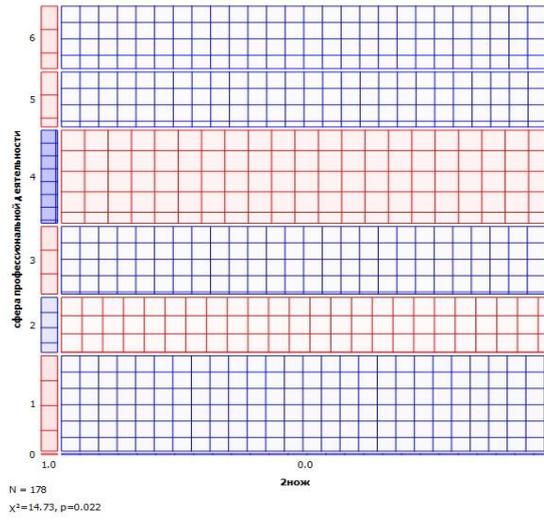
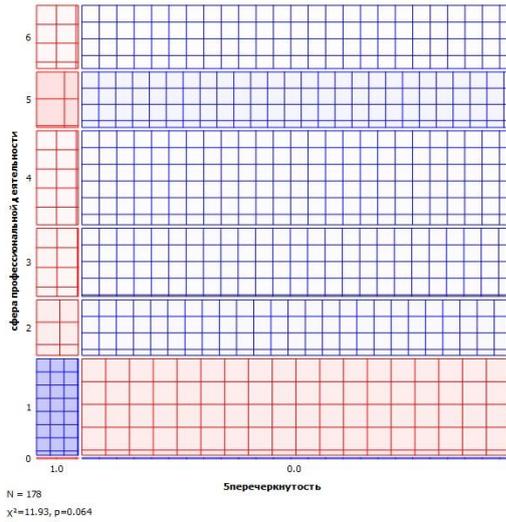

Рисунок 35 – Взаимообусловленность сферы профессиональной деятельности и изображений линии перечеркивания, ножа, маски, машины, листа бумаги

Изображение ножа более свойственно слушателям образовательных организаций, сотрудникам криминальной полиции, так как ожидаемая частота составила 0,90 и 1,49, а наблюдаемая – 2 и 5 соответственно в противовес ожидаемому не изображению 22,10 и 36,51, а наблюдаемому – 21 и 33 соответственно. В меньшей степени склонны к изображению ножа профессорско-преподавательский состав образовательных организаций и сотрудники полиции общественной безопасности, ибо теоретическая частота не изображения ножа предполагала 37,47 и 26,90, а эмпирическая была 39 и 28 соответственно в пику предполагаемому изображению ножа 1,53 и 1,10, а наблюдаемому 0 в обоих случаях. Результат, на наш взгляд, обусловлен спецификой деятельности сотрудников криминальной полиции, в ходе которой сравнительно часто фигурирует нож, чем в деятельности сотрудников полиции общественной безопасности. Слушатели образовательной организации, скорее всего, являются сотрудниками криминальной полиции.

К изображению маски более склонны слушатели образовательных организаций и сотрудники полиции общественной безопасности, где предполагаемое значение ее изображения составило 0,65 и 0,79, а наблюдаемое – 3 и 2 соответственно. Сотрудники остальных сфер профессиональной деятельности в равной степени не склонны к изображению маски. Полученные данные указывают на желание скрыть истинное лицо. Относительно слушателей образовательных организаций это может проявляться в ходе учебной деятельности при осуществлении преподавателями контрольных функций, а у сотрудников полиции общественной безопасности – обязанности «снять маску» потенциального преступника.

Что касается склонности к изображению машины, то можно отметить положительную связь сотрудников криминальной полиции, так как ожидаемая частота ее изображения составила 5,76, а наблюдаемая – 11 в противовес ее ожидаемому не изображению 32,24, а наблюдаемому – 37. Не склонны к изображению машины сотрудники полиции общественной безопасности, ибо

теоретическое ее не изображение имеет значение 23,75, а эмпирическое – 27 в пику ее теоретическому изображению 4,25, а эмпирическому – 1.

Ассоциация сотрудников криминальной полиции с машиной в контексте искажения сведений о доходах, возможно, объясняется спецификой профессиональной деятельности, направленной на раскрытие уголовных преступлений, в частности угона машин.

Склонность к изображению листа бумаги в большей степени прослеживается у профессорско-преподавательского состава образовательных организаций и у сотрудников следственных подразделений. Так, предполагаемое изображение листа составило 1,75 и 1,03, а наблюдаемое – 3 и 4 соответственно в противовес предполагаемому не изображению 37,25 и 21,97 и наблюдаемому 36 и 19 соответственно. Не склонны к изображению листа бумаги слушатели образовательных организаций и сотрудники полиции общественной безопасности, теоретическая частота не изображения составила 21,97 и 26,74, а эмпирическая – 23 и 28 соответственно в пику теоретической частоте изображения 1,03 и 1,26, а эмпирической в обоих случаях – 0.

Изображение листа бумаги у данных категорий сотрудников обусловлено спецификой деятельности, в которой чаще, чем в остальных сферах деятельности, используется лист бумаги.

Взаимообусловленные связи прослеживаются и между гендерными особенностями и изображением таблетки, автомата, ножа, комментария в визуальных стимулах факторов риска: «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ», «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость», «Участие в незаконном обороте оружия» (рисунок 36).

Анализируя зависимые связи относительно пола и изображения таблетки, мы можем наблюдать, что к ее изображению в качестве вида наркотического средства более склонны женщины, потому что ожидаемая частота составила 7,15, а наблюдаемая получилась 12 в противовес ожидаемой частоте не

изображения таблетки 59,85, а наблюдаемой – 55. Относительно мужского пола можно отметить его несклонность к изображению таблетки, так как теоретический результат соответствовал 99,15, а эмпирический – 104 в пику теоретическому результату ее изображения 11,85, а эмпирическому – 7. Значит, у женщин наркотическое средство или психотропное вещество чаще ассоциируется с таблеткой. У лиц мужского пола такая зависимость не прослеживается.

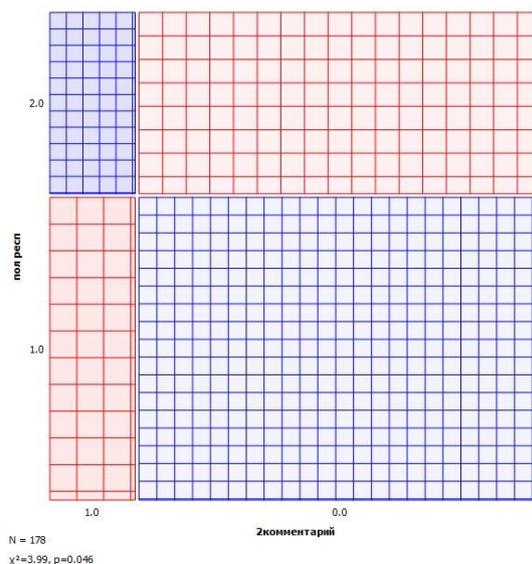
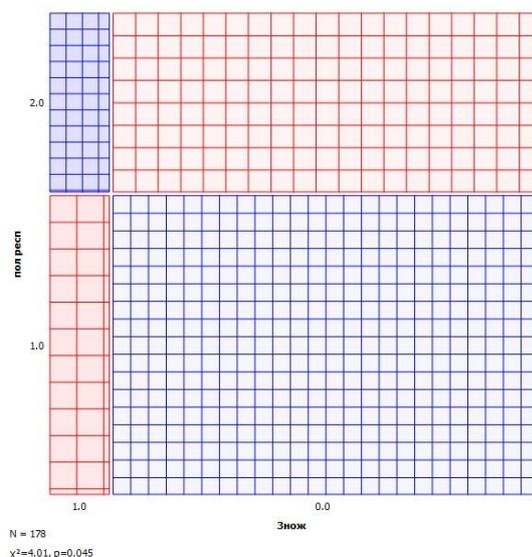
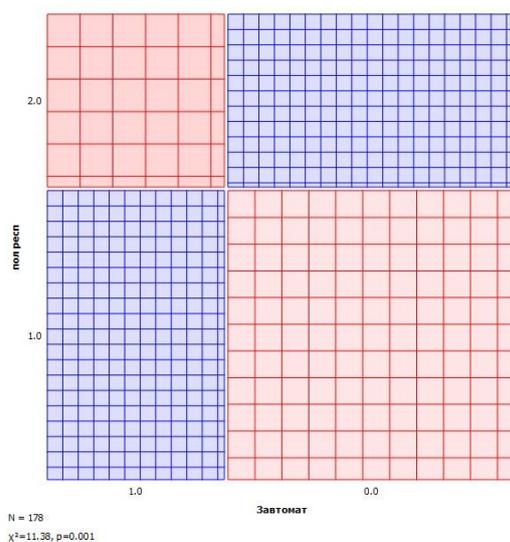
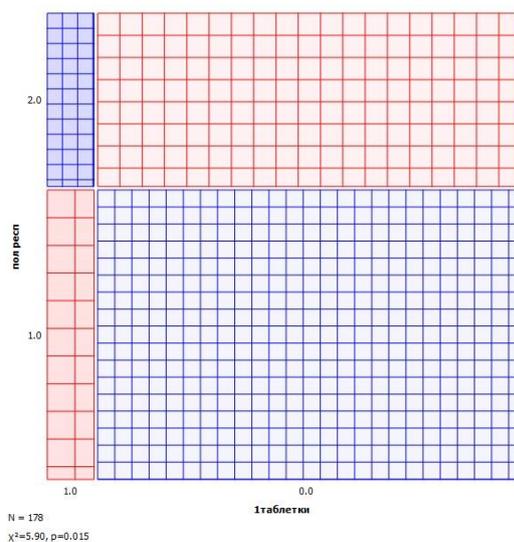

Рисунок 36 – Взаимообусловленность гендерных особенностей и изображений таблетки, автомата, ножа, комментария

Незаконный оборот наркотических средств впоследствии влечет ситуации, связанные со смертельным исходом. По результатам научных исследований установлено, что наиболее распространенный способ совершения суицида у женщин – отравление лекарственными препаратами, в частности таблетками, у мужчин – использование огнестрельного оружия¹, из чего следует, что взаимозависимость гендерных особенностей и изображения таблетки вполне объяснима.

Взаимообусловленность пола и изображения автомата проявляется в большей склонности к его изображению мужчинами, предполагаемое значение его изображения составило 42,40, а наблюдаемое получилось 53 в противовес предполагаемому не изображению 68,60, а наблюдаемому – 58. Женщины, напротив, не склонны к изображению автомата: предполагалось, что частота его не изображения составит 41,40, а составила – 52 в противовес склонности к изображению, где ожидаемая частота составила 25,60, а наблюдаемая – 13. Следовательно, у представителей мужского пола оружие ассоциируется с автоматом.

Что касается женщин, то наличие взаимообусловленных связей проявляется в их склонности к изображению ножа. Так, при предполагаемом значении его изображения 8,66 наблюдаемое оказалось 13 в пикку предполагаемому не изображению 58,34, а наблюдаемому – 54. Мужчины, напротив, не склонны изображать нож, о чем свидетельствует предполагаемое значение его не изображения 96,66, наблюдаемое – 101 в противовес предполагаемому его изображению 14,34, а наблюдаемому – 10. Таким образом, оружие ассоциируется у женщин с ножом.

Полученные в результате анализа связи, на наш взгляд, уходят корнями в прошлое. Так, одним из видов оружия женщины-викинга был боевой нож².

¹ Орлова Н. А. Гендерные аспекты самоубийств // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 35–37.

² Viking warrior women? Reassessing Birka chamber grave Bj.581 / N. Price, C. Hedenstierna-Jonson, T. Zachrisson [et al.] // *Antiquity*. 2019. Vol. 93. P. 181–198.

Склонность мужчин изображать автомат можно объяснить следующим образом: так они демонстрируют свою маскулинность: мужественность, физическую силу, стойкость характера.

А вот комментарий, как оказалось, чаще всего склонны изображать женщины. Ожидаемая частота его изображения составила 12,04, а наблюдаемая – 17. Мужчины не склонны к изображению комментария: предположительное значение его не изображения было 91,04, а наблюдаемое – 96. Следовательно, женщины для уточнения смысловых единиц в визуальных стимулах факторов риска чаще, чем мужчины, используют комментарий, что, вероятнее всего, связано с большей эмоциональностью лиц женского пола и ее экспликацией в изображение¹.

Взаимообусловленные связи, полученные в результате анализа данных проведенного исследования, можно классифицировать на основании социально-демографических характеристик данных респондентов (рисунок 37).

Анализ результатов исследования позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Молодые респонденты, в возрасте от 20 до 30 лет, имеют стаж службы от 5 до 10 лет, в возрасте от 31 года до 40 лет стаж службы составляет от 10 до 20 лет; респонденты более старшего возраста, от 41 года и старше, имеют стаж службы в ОВД более 20 лет. Полученные результаты обусловлены формальной составляющей приема кандидатов на службу, имеющей возрастные ограничения.

2. Наличие ученой степени в большей мере присуще людям более старшего возраста, что объясняется поступательным движением к получению ученой степени: достижением соответствующего уровня образования, наличием определенного практического опыта в направлении научного исследования, изучением темы научного исследования и последующим написанием научно-исследовательской работы.

¹ Арефьева О. В. Социальные представления сотрудников полиции о визуальных образах факторов риска общественно опасного поведения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3 (101). С. 126–135.

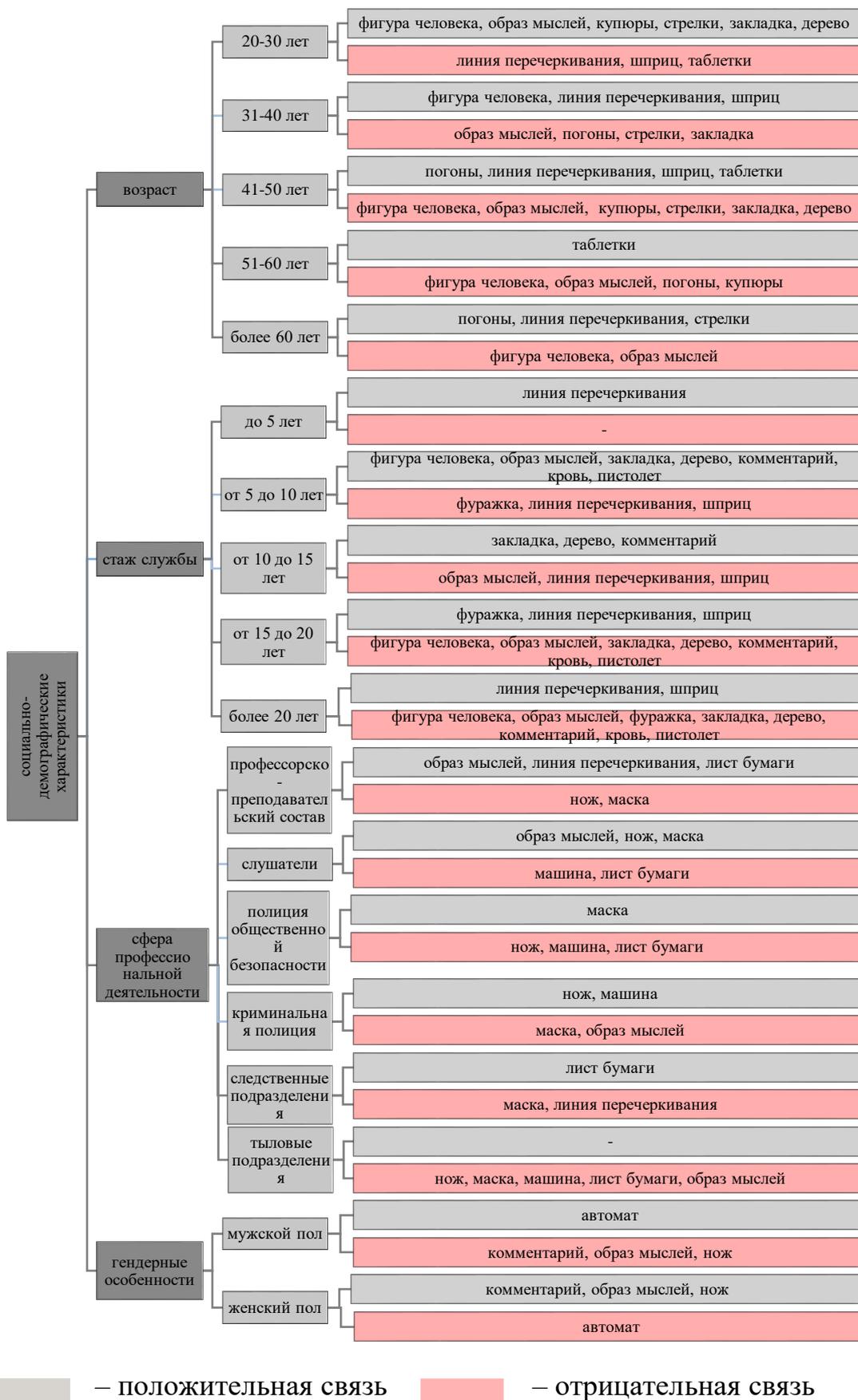

Рисунок 37 – Взаимобусловленность социально-демографических характеристик и смысловых единиц

3. Молодые респонденты, в возрасте от 20 до 30 лет, имеют стаж службы от 5 до 10 лет, в возрасте от 31 года до 40 лет стаж службы составляет от 10 до 20 лет; респонденты более старшего возраста, от 41 года и старше, имеют стаж службы в ОВД более 20 лет. Полученные результаты обусловлены формальной составляющей приема кандидатов на службу, имеющей возрастные ограничения.

4. Наличие ученой степени в большей мере присуще людям более старшего возраста, что объясняется поступательным движением к получению ученой степени: достижением соответствующего уровня образования, наличием определенного практического опыта в направлении научного исследования, изучением темы научного исследования и последующим написанием научно-исследовательской работы.

5. Респонденты более молодого возраста, от 20 до 30 лет, склонны изображать фигуру человека, чем не изображать ее, а респонденты более старшего возраста, от 41 года до 50 лет, склонны не изображать фигуру человека, чем ее изображать. Полученные результаты обусловлены, по нашему мнению, наличием своих взглядов, особенностей мышления, сформировавшихся стереотипов у поколений, живущих в разные хронологические периоды. Респонденты более молодого возраста склонны к непосредственному изображению сюжета с участием человека в визуальных стимулах факторов риска, так как современная действительность в большей степени наполнена визуальным контекстом, у респондентов старшего поколения изображения носят символический характер, ориентированный на сухой контекст без дополнительных деталей, что соответствует более конкретному мышлению, умению выделить главное из поступающей информации посредством построения причинно-следственной связи.

6. Респонденты с меньшим стажем службы, преимущественно от 10 до 15 лет, более склонны к изображению фигуры человека, чем к ее не изображению, в отличие от респондентов с большим стажем службы, преимущественно свыше 20 лет, которые в большей степени не склонны изображать фигуру человека, чем

ее изображать. Полученный результат так же, как и в случае с возрастными категориями, можно объяснить различием протекания когнитивных процессов молодого и старшего поколений, в частности процессов воображения. Кроме того, изображение реального сюжета респондентами с меньшим стажем службы может быть обусловлено условиями современной действительности, где преобладает визуальный контент информации и современная молодежь воспринимает и воспроизводит информацию так же, сюжетно. Более старшее поколение, с большей выслугой лет, имеющее большой жизненный и профессиональный опыт, более высокий уровень образования, способно эксплицировать воспринимаемую информацию в измененном виде, не теряя ее сущности.

7. Изображение шприца присуще среднему и старшему поколению, от 31 года до 50 лет, со стажем службы более 15 лет. Респонденты более молодого возраста и соответственно респонденты с меньшим стажем службы не склонны к изображению шприца, что объясняется классическим символизмом в изображении наркотиков у более старшего поколения. С учетом состояния современной действительности и появлением более современных способов незаконного оборота наркотиков более молодое поколение в изображении противоправного деяния прибегает к другим символическим изображениям, отличным от изображения шприца.

8. Наиболее склонны к изображению закладки респонденты более молодого возраста, от 20 до 30 лет, и респонденты со стажем службы от 5 до 10 лет. В наибольшей степени не склонны к изображению закладки респонденты от 41 года до 50 лет и респонденты, имеющие стаж службы от 15 до 20 лет. Ассоциация с незаконным оборотом наркотических средств у молодого поколения возникает в виде закладки. Данный результат можно объяснить появлением новых способов распространения наркотических средств в процессе жизнедеятельности с учетом развивающейся современной действительности, а также восприимчивостью молодого поколения к современным способам и

методам распространения наркотических средств, стремлением учитывать изменяющуюся действительность для понимания современного преступного мира с целью повышения эффективности раскрытия преступлений.

9. Выявленная связь возраста (стажа службы) и изображения дерева коррелирует с обозначенной нами ранее взаимообусловленностью возраста (стажа службы) и изображения закладки, поэтому полученные результаты обусловлены аналогичными причинами.

10. Молодое поколение респондентов, от 20 до 30 лет, с небольшим стажем службы, от 5 до 10 лет, в большей степени склонно к изображению образа мыслей, чем к его не изображению. Старшему поколению респондентов с большим стажем службы скорее не свойственно изображение образа мыслей, чем его изображение. Полученные результаты обусловлены стремлением молодого поколения показать как внешнюю оболочку сюжета, так и его скрытый смысл в связи с наличием более открытой жизненной позиции, чем у старшего поколения, эксплицирующего текст в изображение посредством определенных действий или конкретных деталей.

11. Респонденты в возрасте от 31 года до 50 лет и старше 60 лет и респонденты со стажем службы более 15 лет в большей степени склонны к изображению линии перечеркивания. Наибольшую склонность к изображению линии перечеркивания проявляют респонденты в возрасте от 41 года до 50 лет и со стажем службы более 20 лет. Полученные результаты свидетельствуют о склонности более старшего поколения с большим стажем службы к экспликации текста в формат зрительного изображения посредством символов, что, вероятнее всего, связано с особенностями когнитивных процессов.

12. Наиболее показательны результаты склонности к изображению атрибутов должностного лица респондентами в возрастной категории от 41 года до 50 лет и со стажем службы от 15 до 20 лет. Полученные результаты обусловлены личностной и профессиональной значимостью атрибутов

должностного лица (погон, фуражки) для сотрудников полиции более старшего возраста.

13. Респонденты в возрасте от 40 до 50 лет и от 50 до 60 лет склонны изображать таблетку, респонденты в возрастной категории от 20 до 30 лет склонны не изображать таблетку. Установленная взаимообусловленность демонстрирует различие во взглядах поколений на доминирующий вид наркотического средства у каждого из них – у молодого поколения наркотическое вещество ассоциируется с закладкой, у старшего поколения – с таблеткой.

14. К изображению купюр склонны респонденты в возрасте от 20 до 30 лет, к не изображению купюр склонны респонденты в возрасте старше 41 года. Этот результат обусловлен тем, что у респондентов более старшего поколения в фокусе внимания находятся саморазвитие и самосовершенствование, в отличие от молодого поколения, направленного на удовлетворение базовых потребностей, требующих материальных затрат (жилье, семья). Кроме того, молодое поколение воспитывалось в условиях современного мира с многочисленными возможностями, в котором присутствует явное разделение на социальные слои на основе денежной составляющей. Более старшее поколение воспитывалось в условиях меньших материальных возможностей, имеет другие жизненные ценности и ориентиры. Следовательно, у молодого поколения денежные купюры ассоциируются с возможностью приобретения всех благ, в частности покупкой или продажей оружия, а у старшего поколения данный фактор ассоциируется с каким-либо другим видом незаконного оборота.

15. К изображению стрелок более склонны молодые респонденты в возрасте от 20 до 30 лет, а также респонденты в возрасте старше 60 лет. К не изображению стрелок в большей степени склонны респонденты от 31 года до 50 лет. Данный результат можно объяснить, на наш взгляд, более интенсивной и энергетически затратной жизнедеятельностью молодого поколения, а символическое значение стрелок соответствует движению. Для поколения старше 60 лет

стрелки также имеют важное значение, так как движение в таком возрасте обеспечивает здоровое функционирование организма.

16. К изображению крови склонны респонденты со стажем службы от 5 до 10 лет. Респонденты со стажем службы более 15 лет не склонны к изображению крови. Полученные результаты свидетельствуют о склонности молодого поколения к непосредственному изображению сюжета: для респондентов такой возрастной категории комплекс уголовно наказуемых деяний против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества видится в совершении убийства с использованием пистолета и жертвы с кровью. Для более старшего поколения экспликация уголовно наказуемых деяний в формат визуального изображения представляется в другом виде по причине, на наш взгляд, имеющегося большого профессионального опыта.

17. Респонденты со стажем службы от 5 до 10 лет и от 10 до 15 лет склонны к изображению комментария. Склонны не изображать комментарий респонденты со стажем службы свыше 15 лет. Более молодое поколение склонно к конкретному изображению с его уточнением в виде комментария, вероятно, по причине имеющейся открытой и более независимой жизненной позиции, а также, возможно, из-за отличительных особенностей мышления молодого поколения, обозначаемого как клиповое мышление.

18. Профессорско-преподавательский состав и слушатели образовательных организаций более склонны к изображению образа мыслей, чем к его не изображению, а сотрудники, проходящие службу в территориальных органах полиции, не склонны к изображению образа мыслей. Профессорско-преподавательский состав и слушатели образовательной организации в процессе осуществления профессиональной деятельности в большей степени осуществляют умственную работу, а сотрудники территориальных органов разделяют ее с высокой физической активностью, поэтому изображение образа

мыслей в большей степени свойственно сотрудникам, проходящим службу или обучающимся в образовательной организации.

19. Респонденты женского пола наиболее склонны к изображению образа мыслей. Мужчины в большей степени не склонны к изображению образа мыслей. Изображение образа мыслей респондентами женского пола объясняется особенностями мышления, в том числе желанием продемонстрировать в изображении внутренние процессы мышления с эмоциональным оттенком.

20. Наибольшую склонность к изображению линии перечеркивания проявляет профессорско-преподавательский состав образовательной организации. Сотрудники полиции остальных сфер деятельности скорее не склонны к изображению линии перечеркивания, чем к ее изображению. Полученный результат вполне можно объяснить видом профессиональной деятельности респондентов, в которой требуется постоянное использование линии перечеркивания, отображающей «запрещенность, неправильность» при анализе письменных работ обучающихся.

21. Изображение ножа в большей степени свойственно слушателям образовательных организаций, сотрудникам криминальной полиции. В меньшей степени склонны к изображению ножа профессорско-преподавательский состав образовательных организаций и сотрудники полиции общественной безопасности. Зафиксированный результат, на наш взгляд, обусловлен спецификой деятельности сотрудников криминальной полиции, в ходе которой сравнительно часто фигурирует нож, чем в деятельности сотрудников полиции общественной безопасности. Слушатели образовательной организации, скорее всего, являются сотрудниками криминальной полиции.

22. К изображению маски более склонны слушатели образовательных организаций и полиции общественной безопасности. Сотрудники остальных сфер профессиональной деятельности в равной степени не склонны к изображению маски. Полученные данные свидетельствуют о желании скрыть истинное лицо. Так, относительно слушателей это может проявляться в процессе

учебной деятельности при осуществлении преподавателями контрольных функций, а у сотрудников полиции общественной безопасности – в осуществлении обязанности «снять маску» у потенциального преступника.

23. Сотрудники криминальной полиции склонны к изображению машины. Не склонны к изображению машины сотрудники полиции общественной безопасности. Ассоциация сотрудников криминальной полиции с машиной в контексте искажения сведений о доходах, возможно, объясняется спецификой профессиональной деятельности, раскрывающей уголовные преступления, в частности угон машин.

24. Склонность к изображению листа бумаги в большей степени прослеживается у профессорско-преподавательского состава образовательных организаций и у сотрудников следственных подразделений. Не склонны к изображению листа бумаги слушатели образовательных организаций и сотрудники полиции общественной безопасности. Изображение листа бумаги у данных категорий сотрудников обусловлено спецификой деятельности, в которой чаще, чем в остальных сферах деятельности, используется лист бумаги.

25. К изображению таблетки в качестве вида наркотического средства более склонны женщины. Мужчины не склонны к изображению таблетки. Незаконный оборот наркотических средств впоследствии влечет ситуации, связанные со смертельным исходом. По результатам исследования А. Varnik установлено, что распространенный способ совершения суицида у женщин – отравление лекарственными препаратами, в частности таблетками, у мужчин – использование огнестрельного оружия, следовательно, взаимообусловленность гендерных особенностей и изображения таблетки объяснима.

26. Мужчины склонны к изображению автомата как вида оружия. Женская половина не склонна к изображению автомата. Так мужчины демонстрируют свою маскулинность: мужественность, физическую силу, стойкость характера.

27. Женщины склонны к изображению ножа как вида оружия. Мужчины не склонны изображать нож. Полученные в результате анализа связи уходят

корнями в далекое прошлое. Так, одним из видов оружия женщины-викинга являлся боевой нож.

28. Женщины склонны к изображению комментария. Мужчины не склонны к изображению комментария. Выявленная связь демонстрирует большую эмоциональность лиц женского пола и ее экспликацию в изображении.

Таким образом, анализ результатов исследования выявил, что социально-демографические характеристики сотрудников ОВД влияют на изображение / не изображение сотрудниками ОВД конкретных смысловых единиц. Установлены факторы, определяющие выбор смысловых единиц, что в перспективе позволит дифференцированно формировать визуальные стимулы факторов риска для проведения СПФИ в отношении сотрудников, перемещаемых на иные должности в системе МВД России, с учетом их социально-демографических характеристик. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны для визуализации информации в оперативно-розыскной деятельности при проведении СПФИ.

Однако задачей нашего исследования является необходимость формирования пакета универсальных визуальных стимулов факторов риска, включающих максимальный объем информации по каждому из них, так как категория кандидатов на службу имеет различные социально-демографические характеристики.

Таким образом, анализируя результаты первого этапа исследования с учетом большого количества смысловых единиц и небольшого числа их повторений в каждом визуальном стимуле фактора риска, мы сочли необходимым провести второй этап эмпирического исследования в формате группового фокусированного интервью полиграфологов, обладающих более глубокими, специализированными и точными знаниями по смысловому содержанию каждого фактора риска, для внесения уточнений и дополнений в разработанные на первом этапе визуальные стимулы.

2.4. Анализ результатов группового фокусированного интервью психологов-полиграфологов на тему: «Визуализация факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения для проверки на полиграфе кандидатов на службу в ОВД»

Вторым этапом эмпирического исследования являлось фокусированное групповое интервью психологов, занимающихся специальными психофизиологическими исследованиями с применением полиграфа (полиграфолог). Представляемая нами тема для фокус-группы вызвала высокую заинтересованность и активность ее участников, потому что каждый полиграфолог обладал исчерпывающими знаниями по содержанию факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения и стремлением обсудить полученные на первом этапе результаты с целью внесения коррективов. Именно наличие специализированных знаний отличало респондентов второго этапа исследования от респондентов первого этапа.

При обсуждении вопросов, вводящих участников фокус-группы в тему проведения СПФИ, в частности выбора методики САТ, выяснилось, что полиграфологи в своей профессиональной деятельности в основном используют тест на определение имени и нередко – тест на определение цифры. Кроме того, 13% указали на использование собственных вариантов теста: на определение фамилии, загаданной фигуры, значений таблицы умножения при заведомо ложном ответе (рисунок 38).

Автор теста на определение имени Ю. И. Холодный с научной точки зрения объясняет популярность его использования тем, что собственное имя для человека наиболее значимо эмоционально, чем, например, какой-либо предмет, подлежащий сокрытию в процессе проведения тестирования.

Специалисты в полной мере согласны с Ю. И. Холодным в том, что доказывается их ответами на следующий вопрос: «Проранжируйте (в порядке

убывания) стимулы САТ по степени их влияния на результативность СПФИ» (рисунок 39).

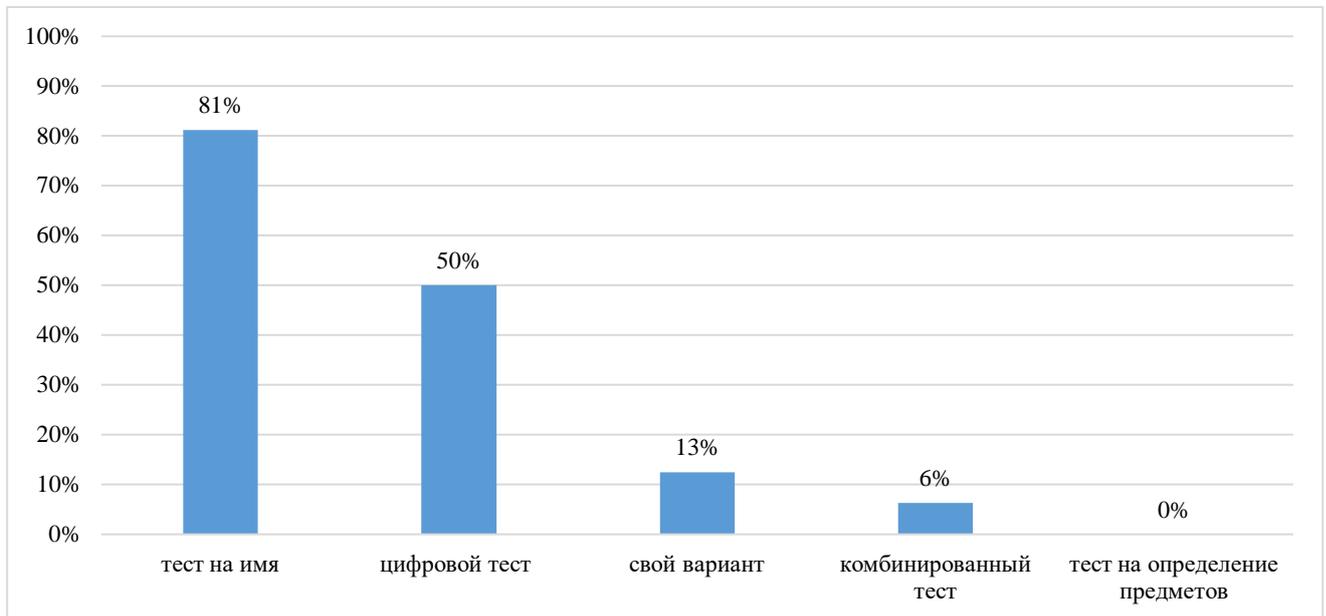

Рисунок 38 – Распределение используемых методик САТ полиграфологами

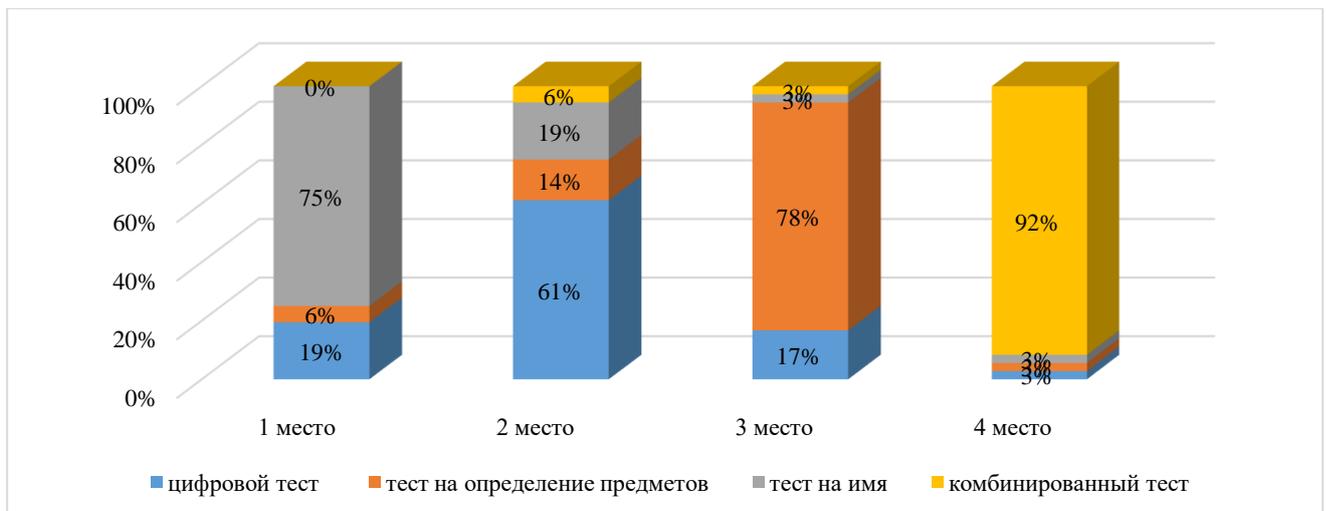

Рисунок 39 – Распределение методик САТ по степени их влияния на результативность СПФИ

Как показывают ответы полиграфологов, на первом месте по результативности исследования занимает тест на определение имени, второе место – тест на определение цифры, третье – тест на определение предмета и четвертое место занимает комбинированный тест.

Далее уточнялось использование полиграфологами визуальных стимулов в процессе проведения СПФИ и, в частности, в каких методиках. Дискуссия

показала, что лишь 13% полиграфологов используют визуальные стимулы при проведении САТ (рисунок 40).

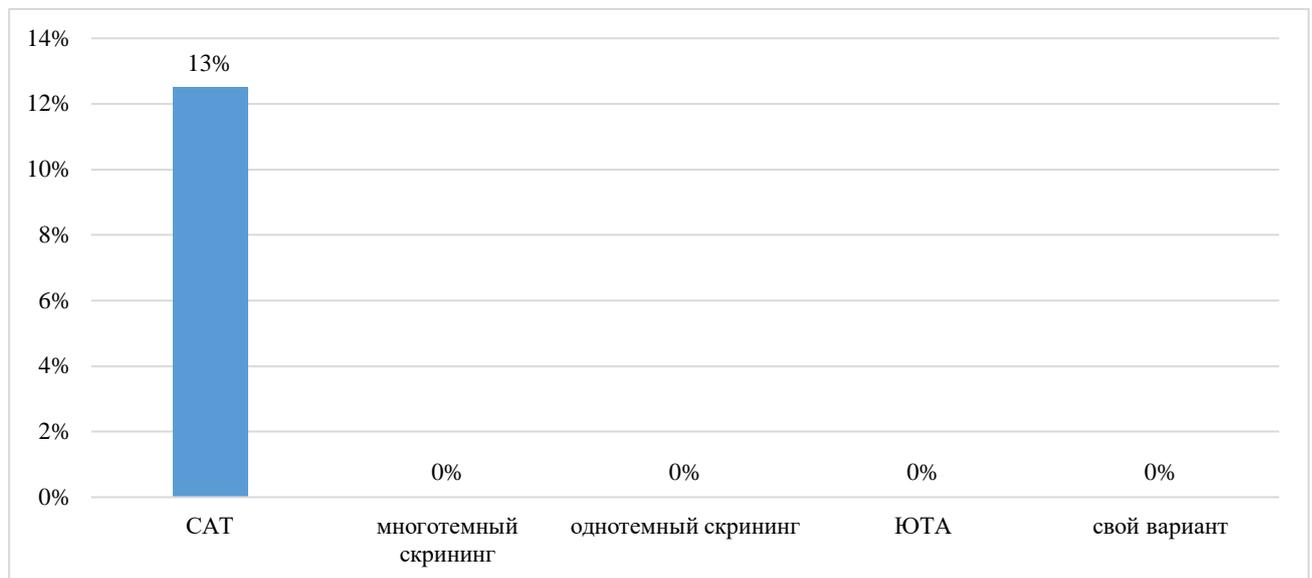

Рисунок 40 – Распределение методик по использованию визуальных стимулов

Визуальные стимулы в виде маршрутных карт, отражающих текстовую информацию о содержании каждого фактора риска, используются полиграфологами при проведении скринингов. Эффективность использования маршрутных карт, по мнению полиграфологов, заключается в самостоятельном прочтении информации, определяющей содержание фактора риска. Посредством фиксации всех составляющих фактора риска на листе бумаги в текстовом формате кандидату представляется возможность охватить вниманием всю информацию посредством зрения и акцентировать внимание на той части, которая для него более значима.

Таким образом, несмотря на то, что лишь малая часть полиграфологов используют в работе визуальные стимулы, все же абсолютно все сошлись во мнении о необходимости их задействования.

Второй блок вопросов предполагал установление соответствия между вербальными и визуальными стимулами факторов риска, разработанными на первом этапе эмпирического исследования

Перед полиграфологами была поставлена следующая задача: «Выберите из вариантов визуальных стимулов, предложенных по каждому вопросу, один,

который в наибольшей степени отражает смысл утверждения (по первому вопросу из 3 вариантов, по второму вопросу – из 3 вариантов, по третьему вопросу – из 2 вариантов, по четвертому вопросу – из 4 вариантов, по пятому вопросу – из 3 вариантов, по шестому вопросу – из 3 вариантов, по седьмому вопросу – из 4 вариантов, по восьмому вопросу – из 2 вариантов)». Таким образом, каждый полиграфолог отобрал 8 визуальных стимулов, по одному на каждый фактор риска. Затем путем подсчета вариантов, выбранных каждым полиграфологом, определилось 8 визуальных стимулов, которые получили наибольшее количество выборов. Относительно визуального стимула фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» полиграфологи выбрали первый вариант, относительно визуального стимула фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» – первый вариант, относительно визуального стимула фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия» – первый и второй варианты в равной степени, относительно визуального стимула фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» – первый вариант, относительно визуального стимула фактора риска «Совершение уголовно наказуемых деяний» – третий вариант, относительно визуального стимула фактора риска «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» – третий вариант, относительно визуального стимула фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» – второй вариант, относительно визуального стимула фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» – первый вариант.

Далее происходила коррекция визуальных стимулов посредством внесения уточнений и дополнений с помощью обсуждения вопросов.

Обсуждая вопрос: «Какими смысловыми единицами необходимо дополнить визуальный стимул фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» для более точного понимания утверждения?» – полиграфологи высказались следующим образом:

– полиграфолог 1: «Не хватает олицетворения человека, то есть того лица, который осуществляет незаконный оборот»;

– полиграфолог 2: «Я согласна с предыдущим мнением»;

– полиграфолог 3: «Необходимо дополнить различными видами наркотиков растительного происхождения, а также рецептами, притонами. Не хватает олицетворения. Дополнить таким видом незаконного оборота, как выращивание»;

– полиграфолог 4: «Добавить олицетворение и денежные купюры, указывающие на материальную составляющую незаконного оборота»;

– полиграфолог 5: «Необходимо замкнуть края решетки и повесить замок»;

– полиграфолог 7: «Как вид незаконного изготовления необходимо в образ включить бальбулятор – самодельное устройство для изготовления курительной смеси. Необходимо на весь образ сделать фоном Уголовный кодекс Российской Федерации»;

– полиграфолог 8: «Необходимо дополнить олицетворением. Включить перевозку и хранение»;

– полиграфолог 9: «Согласна с мнением предыдущего специалиста, что не хватает участия»;

– полиграфолог 11: «Добавить в образ человеческое действие»;

– полиграфолог 12: «Так как наказание за данное незаконное деяние известно многим обывателям, а тем более тем лицам, которые имеют к нему отношение, необходимо дополнить образ номером статьи Уголовного кодекса Российской Федерации»;

– полиграфолог 14: «Необходимо дорисовать края решетки так, чтобы она была замкнутая, и повесить на решетку замок, чтобы сложилось ощущение

невозможности уйти от наказания. Кроме того, необходимо добавить человека или руки, осуществляющие действие»;

– полиграфолог 15: «Необходимо вписать номер статьи Уголовного кодекса Российской Федерации – 228, добавить действие человека»;

– полиграфологи 6, 10, 13, 16: «Представленный визуальный стимул полностью соответствует смысловому содержанию рассматриваемого фактора риска и не требует дополнений».

Результаты дискуссии представлены на рисунке 41.

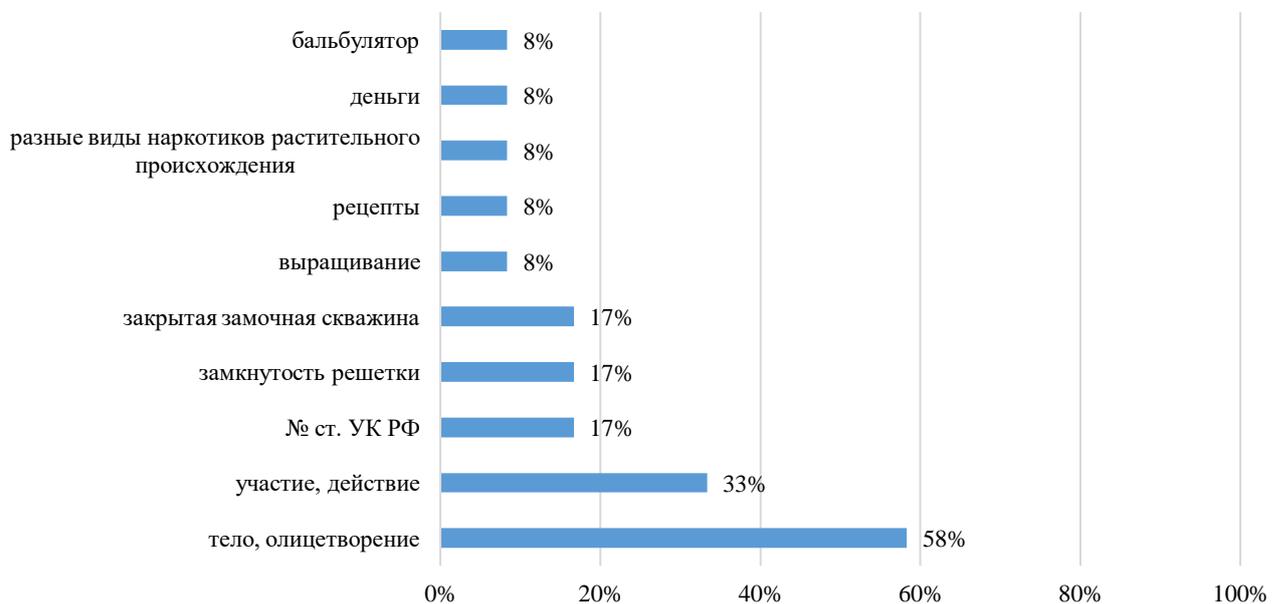

Рисунок 41 – Распределение дополнительных смысловых единиц визуального стимула фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ»

Очевидно, что большинство из 75% участников фокус-группы считают необходимым дополнение визуального образа лицом, осуществляющим действие по обороту наркотиков. Кроме того, полиграфологи рекомендовали в качестве действия изобразить виды оборота, в частности выращивание, продажу, изготовление. Внимание 17% опрошенных было обращено на открытые края решетки и крупную замочную скважину, что ассоциировалось с возможностью уйти от наказания. Поэтому рекомендациями полиграфологов было предложение замкнуть края решетки и изобразить замок.

Обсуждая вопрос о дополнении визуального стимула фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость», полиграфологи высказались следующим образом:

– полиграфолог 3: «Необходимо дополнить различными категориями, например лицами, находящимися в розыске, занимающимися преступным промыслом, кроме того, необходимо показать взаимодействие с такими лицами»;

– полиграфолог 4: «Я согласна с предыдущим мнением, однако слишком большая загруженность образа может привести к трудности восприятия»;

– полиграфолог 5: «Необходимо дополнить корыстным интересом, например денежными купюрами»;

– полиграфолог 6: «Добавить отличительные признаки противоправности, например наколку»;

– полиграфолог 7: «Согласна с предыдущим мнением, в качестве противоправности можно добавить еще маску»;

– полиграфолог 8: «Необходимо отметить противоправность»;

– полиграфолог 9: «В образ следует добавить силуэт, а также номер статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предполагающий наказание за данный вид преступления»;

– полиграфолог 10: «Добавить денежные купюры и отметить противоправность взаимодействия»;

– полиграфолог 11: «Я согласна с мнением предыдущего участника»;

– полиграфолог 12: «Необходимо объединить каким-либо общим действием, например изобразить единый образ мыслей полицейского и преступника»;

– полиграфолог 13: «Изобразить татуировку у лица, занимающегося противоправными деяниями»;

– полиграфолог 14: «Добавить денежные купюры и жест с другого варианта визуального образа этого же фактора риска»;

– полиграфологи 1, 2, 15, 16: «Данный образ не нуждается в коррекции, потому что он полностью соответствует заложенному смыслу фактора риска».

Результаты дискуссии представлены на рисунке 42.

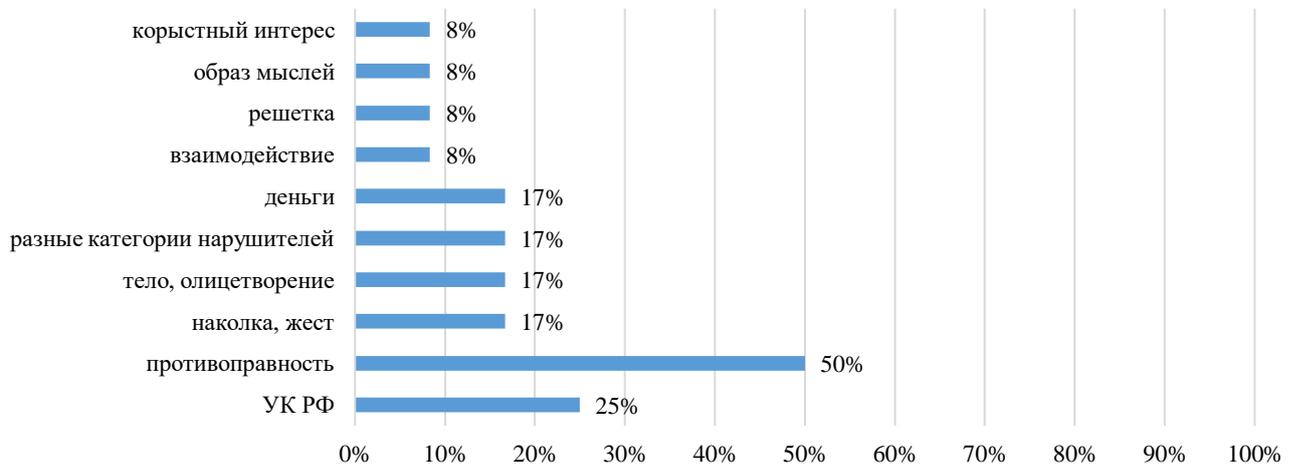

Рисунок 42 – Распределение дополнительных смысловых единиц визуального стимула фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость»

В целом полиграфологи отметили необходимость включения в визуальный стимул некоторых смысловых единиц, указывающих на противоправность лица.

Групповая дискуссия по обсуждению внесения дополнений в визуальный стимул фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия» определила следующие ответы полиграфологов:

– полиграфолог 1: «Визуальный стимул должен получиться идентично незаконному обороту наркотических веществ, и общие замечания поэтому похожие: в первую очередь необходимо дополнить образ лицом, осуществляющим действие»;

– полиграфолог 2: «Добавить действие, то есть добавить какой-то глагол и конечно же, того, кто осуществляет действие»;

– полиграфолог 3: «Изобразить в середине деньги как символ материального интереса в данном незаконном деянии, дополнить лицом, осуществляющим незаконный оборот»;

– полиграфолог 4: «Дополнить номером статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предполагающей наказание за данное незаконное деяние»;

– полиграфолог 6: «Необходимо олицетворение и действие»;

– полиграфолог 9: «Дополнить действием: перевозка, хранение»;

– полиграфолог 15: «Не хватает действия и лица, осуществляющего незаконный оборот»;

– полиграфологи 5, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 16: «Дополнений нет, необходимо учесть все замечания по фактору риска о незаконном обороте наркотиков».

Результаты дискуссии представлены на рисунке 43.

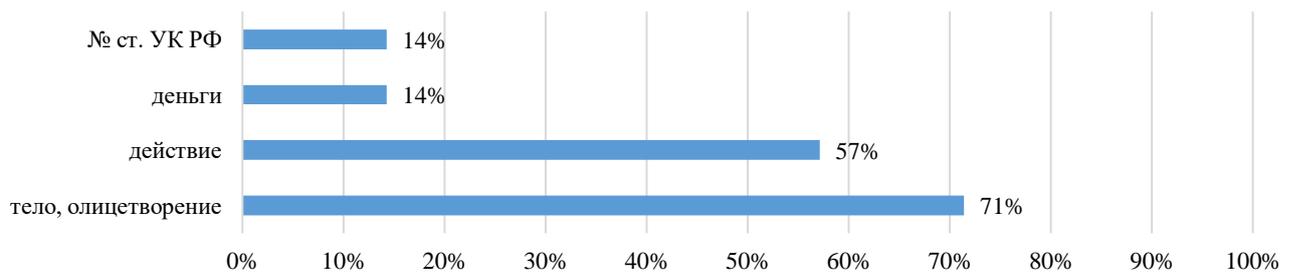

Рисунок 43 – Распределение дополнительных смысловых единиц визуального стимула фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия»

Таким образом, визуальный стимул фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия», по мнению полиграфологов, не нуждается в значительной коррекции. Однако большинством из 44% полиграфологов обозначена необходимость олицетворения действия.

Обсуждение по внесению изменений в визуальный стимул фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» вызвал активную дискуссию:

– полиграфолог 1: «Мне не хватает символического изображения религиозной организации, занимающейся противоправной деятельностью»;

– полиграфолог 2: «Необходимо дополнить публичными высказываниями, лозунгами»;

– полиграфолог 3: «Мне не хватает каналов распространения: интернет-ресурсы, запрещенная литература»;

– полиграфолог 4: «Добавить еще руку с телефоном, в правую часть рисунка добавить шахидку, лицо с транспарантом, чтобы было три человека с разной направленностью противоправных деяний»;

– полиграфолог 6: «Добавить изображение свастики и интернет-пространства»;

– полиграфолог 7: «Правая часть рисунка – все хорошо, левая немного ограничена. Необходимо обозначить приверженность незаконной организации, изобразить участие в конкретном незаконном действии, например в террористическом акте»;

– полиграфолог 8: «Добавить руку, управляющую людьми, из другого варианта визуального образа этого же фактора риска, с купюрами и информацией»;

– полиграфолог 10: «Я вижу, как человек сидит за монитором компьютера и ставит лайк противоправному посту»;

– полиграфолог 11: «В левой части рисунка сделать разнообразие различными представителями преступных организаций (ОПГ, террористы)»;

– полиграфолог 12: «Необходимо изобразить взаимовыгодный процесс: отдаешь информацию, получаешь деньги»;

– полиграфолог 13: «Показать больше других преступных организаций»;

– полиграфолог 14: «Изобразить стрелку и в обратном направлении, указывая на взаимовыгоду»;

– полиграфологи 5, 9, 15, 16: «Смысловое содержание представленного визуального образа соответствует смысловому содержанию фактора риска».

Результаты представлены на рисунке 44.

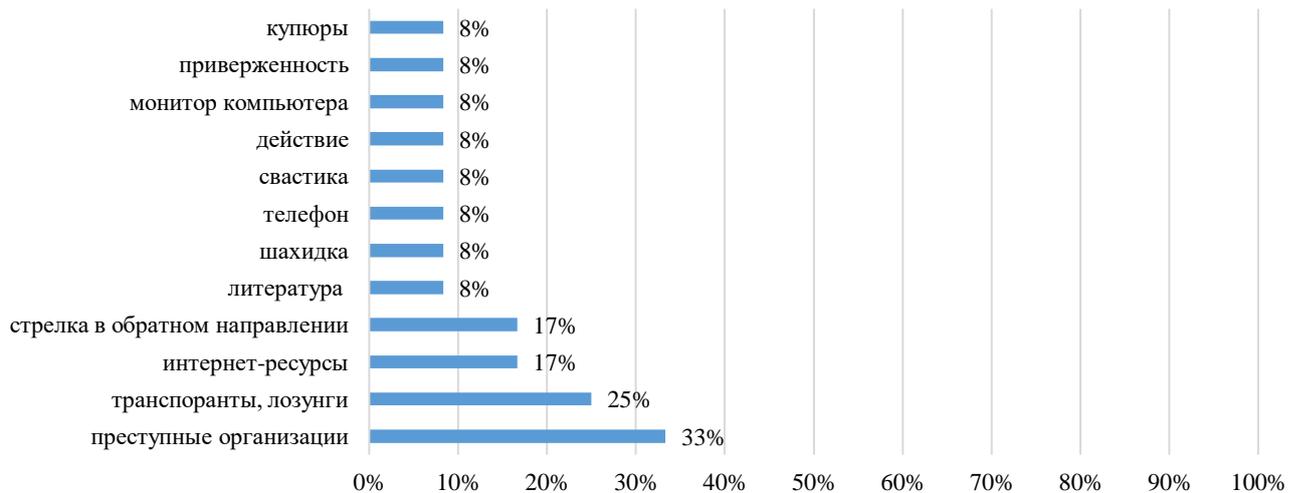

Рисунок 44 – Распределение дополнительных смысловых единиц визуального стимула фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений»

Таким образом, полиграфологи, в целом, предлагали расширить круг представителей организаций, осуществляющих противоправную деятельность, а также дополнить образ различными средствами распространения информации.

Обсуждая вопрос внесения дополнений в визуальный стимул фактора риска «Совершение уголовно наказуемых деяний», полиграфологи предложили следующие варианты:

– полиграфолог 1: «В образе не хватает решетки и детализации всех видов наказуемых деяний»;

– полиграфолог 2: «Необходимо добавить круг с названием всех 5 видов незаконных деяний: против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества»;

– полиграфолог 3: «Отсутствие решетки в данном образе я считаю правильным»;

– полиграфолог 6: «Я считаю необходимым дополнить образ решеткой»;

– полиграфолог 8: «Я тоже считаю, что изобразить решетку будет уместно»;

– полиграфолог 9: «Решетка для меня реальное лишение свободы, но каждый кандидат проходит специальные проверки, и осужденных к лишению свободы не допускают к дальнейшему прохождению отбора, нам необходимо каким-то образом визуализировать сокрытие участия»;

– полиграфолог 10: «Я исходила из того, что человек юридически совершил уголовное деяние, его судили и был вынесен приговор, я бы добавила судебный молоток»,

– полиграфолог 13: «Мне не хватает палочки снизу, то есть стрелку надо изобразить и в обратном направлении, чтобы образовалась причинно-следственная связь»;

– полиграфолог 14: «Мне решетки не хватает»;

– полиграфолог 16: «На мой взгляд, самый важный аспект – это преступления, которые остались нераскрытыми, поэтому следует изобразить убегающего от наказания человека и раскрытые наручники». Еще 3 специалиста тут же одновременно поддержали высказанное мнение;

– полиграфологи 3, 4, 5, 7, 11, 12, 15: «Всего хватает».

Результаты дискуссии представлены на рисунке 45.

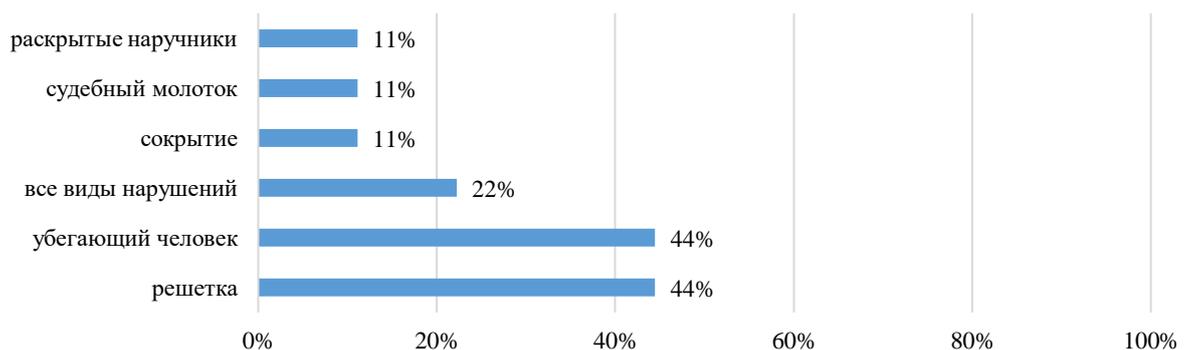

Рисунок 45. Распределение дополнительных смысловых единиц визуального стимула фактора риска «Совершение уголовно наказуемых деяний»

В целом, полиграфологи рекомендовали дополнить визуальный стимул убегающим от наказания человеком.

При обсуждении визуального стимула фактора риска «Сокрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и

обязательствах имущественного характера» ответы полиграфологов были акцентированы на включение в образ следующих смысловых единиц:

- полиграфолог 4: «Я думаю, что мне не хватило мимики»;
- полиграфолог 5: «А я думаю, что нужно изобразить человека, заполняющего документ»;
- полиграфолог 7: «Не хватает изображения действия»;
- полиграфолог 10: «Необходимо изобразить человека, прячущего за спину правдивый документ»;
- полиграфолог 12: «Не хватает человека, прячущего за спину документ с 4 пунктами, а показывающего 3 пункта»;
- полиграфолог 13: «Я вижу человека за столом, заполняющего анкету»;
- полиграфолог 14: «Правда прячется, ложь показывается»;
- полиграфологи 1, 2, 3, 6, 8, 9, 11, 15, 16: «Достаточно схематично, но суть отражена, появляется ассоциация утаивания чего-либо, поэтому стимул дополнений не требует».

Результаты представлены на рисунке 46.

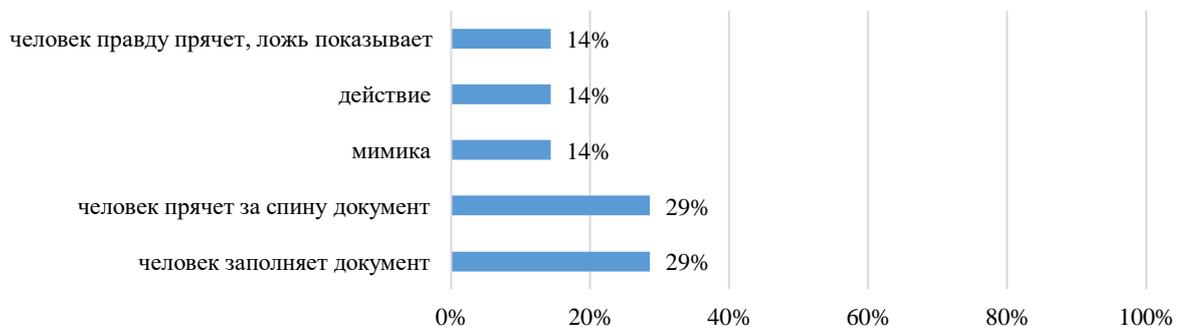

Рисунок 46 – Распределение дополнительных смысловых единиц визуального стимула фактора риска «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»

Таким образом, основная мысль полиграфологов заключалась в том, чтобы образ отражал действие лица, утаивающего правдивый документ и демонстрирующего ложный.

Обсуждая вопрос коррекции визуального стимула фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных

общественных объединений, преступных и иных организаций», полиграфологи обратили внимание на дополнение стимула следующим:

– полиграфолог 3: «Здесь диктуют сотруднику в ухо, что может быть шпионажем, а вот надо еще изобразить саботаж, не хватает схематичного изображения преступного промысла»;

– полиграфолог 4: «Надо дополнить торсом с другого варианта этого же фактора риска, где одна половина торса полицейского, вторая половина – преступника»;

– полиграфолог 5: «Изобразить кого-нибудь со свастикой рядом»;

– полиграфолог 6: «Изображены только преступные организации, а в текстовом формате прописаны и иные организации, поэтому нужно изобразить символ невидимки, то есть какую-то третью силу»;

– полиграфолог 7: «В другое ухо должен шептать сектант, потому что изображения только одного оружия недостаточно»;

– полиграфолог 8: «Добавила бы оборотня из другого варианта и нашептывающих в оба уха оставила»;

– полиграфолог 9: «Соединить два варианта – оборотня и нашептывающих»;

– полиграфолог 10: «Добавить преступника»;

– полиграфолог 12: «Не хватает общности действия, их общих замыслов, например в виде единых мыслей»;

– полиграфологи 1, 2, 11, 13, 14, 15, 16: «Все хорошо, ассоциация возникает».

Результаты представлены на рисунке 47.

В целом, полиграфологи предложили дополнить изображение представителями преступных организаций и объединение всех участников каким-либо общим действием.

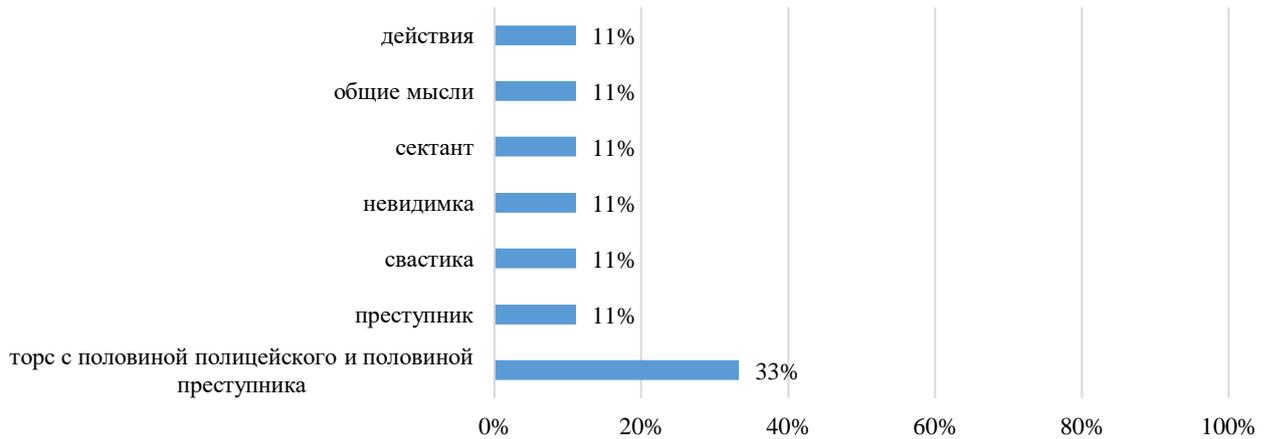

Рисунок 47 – Распределение дополнительных смысловых единиц визуального стимула фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций»

Продолжая дискуссию о визуальном стимуле фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями», полиграфологи сочли необходимым дополнить образ следующими смысловыми единицами:

- полиграфолог 2: «Необходимо изобразить взаимовыгоду, например: должностное лицо оказывает услугу, а принимающий услугу дает деньги»;
- полиграфолог 3: «Изобразить стрелку к решетке как визуализацию последствия»;
- полиграфолог 4: «Не хватает атрибутов должностного лица, чтобы было видно, что взятка дается именно должностному лицу»;
- полиграфолог 6: «Изобразить кресло, конверт у должностного лица»;
- полиграфолог 7: «Не хватает рук за решеткой, а также оружия, наркотиков»;
- полиграфолог 8: «Указать статус»;
- полиграфолог 9: «Обе части рисунка объединить стрелкой»;
- полиграфолог 10: «Изобразить погоны как атрибут должностного лица, чтобы понимать, кто берет взятку»;
- полиграфолог 11: «Необходима статусность»;

- полиграфолог 12: «Добавить статус, сверху образ мысли: "Помогу решить"»;
- полиграфолог 13: «Добавить в образ дом, машину как материальные блага в качестве взятки»;
- полиграфологи 1, 5, 14, 15, 16: «Образ откликается и вызывает ассоциацию, соответствующую смыслу фактора риска».

Результаты представлены на рисунке 48.

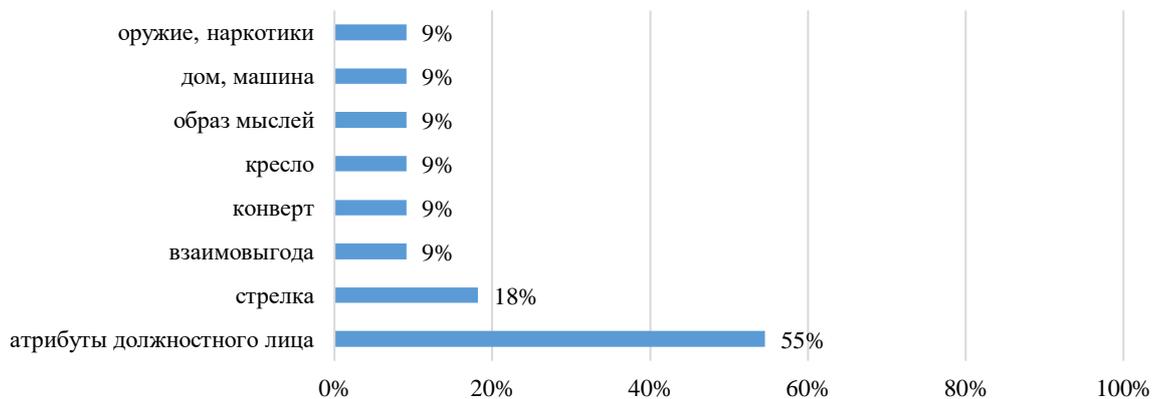

Рисунок 48 – Распределение дополнительных смысловых единиц визуального стимула фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями»

Таким образом, визуальный стимул фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» у большинства полиграфологов вызвал потребность внесения дополнений в виде атрибутов должностного лица.

После того, как все полиграфологи высказались по существу задаваемого вопроса о дополнении визуальных стимулов смысловыми единицами, на обсуждение был вынесен следующий вопрос: «Какие смысловые единицы необходимо исключить из каждого визуального стимула фактора риска, которые отвлекают внимание и мешают точному пониманию утверждения?»

Обобщив результаты обсуждения по вопросу исключения смысловых единиц, в целом, полиграфологи отметили необходимость убрать решетку с незамкнутыми краями и большую замочную скважину, потому что возникает

ассоциация возможности уйти от наказания вместо ассоциации негативных последствий от противоправного деяния.

Анализируя полученные результаты о необходимости дополнения визуальных стимулов факторов риска конкретными смысловыми единицами и исключения тех элементов, которые мешают объективному восприятию образа, установлено, что немалое число полиграфологов решили не вносить какие-либо изменения в образы, объясняя свое решение высоким соответствием смысла утверждения и изображения (рисунок 49).

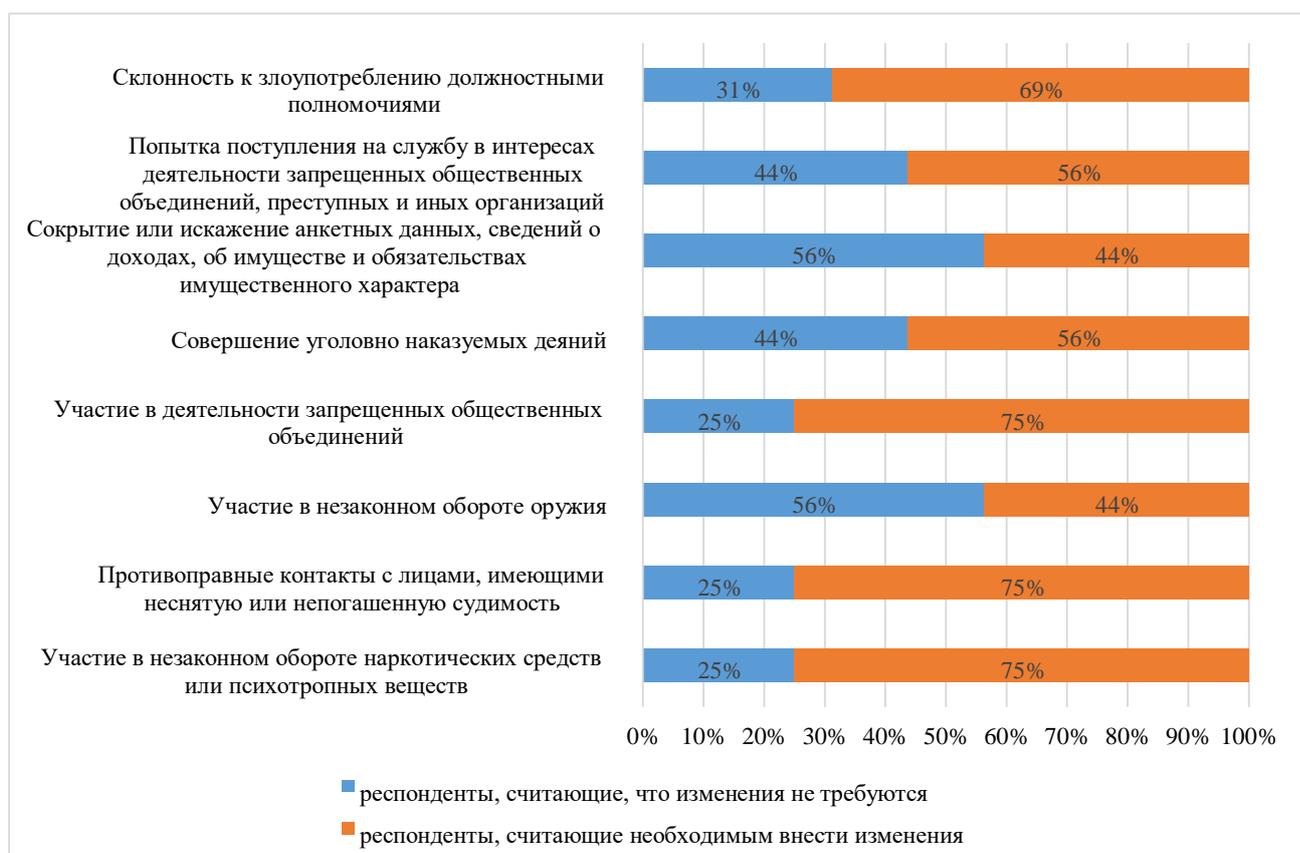

Рисунок 49 – Распределение мнений специалистов по отношению к необходимости уточнения визуальных стимулов факторов риска

Наименьшей коррекции, по мнению полиграфологов, подлежали визуальные стимулы факторов риска «Участие в незаконном обороте оружия» и «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера». Наибольшее количество уточнений было рекомендовано внести в визуальные стимулы: «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ»,

«Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость», «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений».

Таким образом, в процессе проведения фокус-группы мы получили информацию о необходимости дополнения визуальных стимулов факторов риска смысловыми единицами. Подсчет результатов осуществлялся с помощью количественного анализа. За категорию анализа принимался визуальный стимул фактора риска, за единицу анализа – смысловые единицы изображений, частота выборов подсчитывалась по количеству высказываний полиграфологов о необходимости коррекции (таблица 3).

Таблица 3 – Частотность выборов смысловых единиц полиграфологами, указавшими на необходимость коррекции

Категория анализа	Единицы анализа	Частоты выборов полиграфологов	
		Частота выбора абсолютная, раз	Частота выбора относительная, %
1	2	3	4
Визуальный стимул «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ»	Тело, олицетворение	7	32%
	Участие, действие	4	18%
	Статья УК РФ	2	9%
	Замкнутость решетки	2	9%
	Закрытая замочная скважина	2	9%
	Выращивание	1	5%
	Рецепты	1	4,5%
	Разные виды наркотиков растительного происхождения	1	4,5%
	Деньги	1	4,5%
	Бальбулятор	1	4,5%
	Всего: 10	22	100%
Визуальный стимул «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость»	Противоправность	6	28%
	УК РФ	3	14%
	Наколка, жест	2	9,5%
	Тело, олицетворение	2	9,5%
	Разные категории нарушителей	2	9,5%
	Деньги	2	9,5%
	Взаимодействие	1	5%
	Решетка	1	5%
	Образ мыслей	1	5%
	Корыстный интерес	1	5%
	Всего: 10	21	100%

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
Визуальный стимул «Участие в незаконном обороте оружия»	Тело, олицетворение	5	45%
	Действие	4	37%
	Деньги	1	9%
	№ статьи УК РФ	1	9%
	Всего: 4	11	100%
Визуальный стимул «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений»	Преступные организации	4	22%
	Транспаранты, лозунги	3	17%
	Интернет-ресурсы	2	10,5%
	Стрелка в обратном направлении	2	10,5%
	Литература	1	5%
	Шахидка	1	5%
	Телефон	1	5%
	Свастика	1	5%
	Действие	1	5%
	Монитор компьютера	1	5%
	Приверженность Купюры	1	5%
	Всего: 12	19	100%
Визуальный стимул «Совершение уголовно наказуемых деяний»	Решетка	4	31%
	Убегающий человек	4	31%
	Все виды нарушений	2	14%
	Сокрытие	1	8%
	Судебный молоток	1	8%
	Раскрытые наручники	1	8%
	Всего: 6	13	100%
Визуальный стимул «Сокрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»	Человек заполняет документ	2	29%
	Человек прячет за спиной документ	2	29%
	Мимика	1	14%
	Действие	1	14%
	Человек правду прячет, ложь показывает	1	14%
	Всего: 5	7	100%
Визуальный стимул «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций»	Торс с половиной полицейского и половиной преступника	3	34%
	Преступник	1	11%
	Свастика	1	11%
	Невидимка	1	11%
	Сектант	1	11%
	Общие мысли	1	11%
	Действие	1	11%
	Всего: 7	9	100%

Окончание таблицы 3

1	2	3	4
Визуальный стимул «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями»	Атрибуты должностного лица	6	44%
	Стрелка	2	14%
	Взаимовыгода	1	7%
	Конверт	1	7%
	Кресло	1	7%
	Образ мыслей	1	7%
	Дом, машина	1	7%
	Оружие, наркотики	1	7%
	Всего: 8	14	100%

Таким образом, анализируя результаты обсуждения визуальных стимулов факторов риска, можно констатировать, что участники фокус-группы продемонстрировали разноплановые взгляды относительно одних и тех же визуальных стимулов. У некоторых мгновенно возникала ассоциация с конкретным визуальным стимулом, а для других он не имел никакого значения без внесения дополнительных изменений. Следовательно, мы сочли правильным оставить несколько вариантов визуальных стимулов относительно каждого фактора риска, тем самым повысив возможность формирования ассоциативного ряда у разных респондентов индивидуально (приложение Д).

Анализ полученных данных на втором этапе экспериментального исследования позволил сформулировать следующие выводы:

1. Результаты дискуссии по анализу визуального стимула фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» показали: большинство из 75% участников фокус-группы считают необходимым дополнить визуальный образ лицом, осуществляющим действие по обороту наркотиков. Кроме того, полиграфологи рекомендовали в качестве действия изобразить виды оборота, в частности выращивание, продажу, изготовление. Внимание 17% опрошенных было обращено на открытые края решетки и крупную замочную скважину, что ассоциировалось с возможностью уйти от наказания. Поэтому полиграфологи предложили замкнуть края решетки и изобразить замок.

2. Обсуждая вопрос о дополнении визуального стимула фактора риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную

судимость», в целом, полиграфологи отметили необходимость включения в визуальный стимул некоторых смысловых единиц, указывающих на противоправность лица, корыстный интерес. Кроме того, полиграфологи предложили олицетворить действие, разнообразить представителей нарушителей закона, изобразить взаимодействие, добавить номер статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. Визуальный стимул фактора риска «Участие в незаконном обороте оружия», по мнению специалистов, не нуждается в значительной коррекции. Однако большинство из 44% участников фокус-группы считают необходимым олицетворение действия, большинство рекомендуют изобразить действие, включающее хранение, перевозку, продажу оружия, а также по аналогии с фактором по обороту наркотических средств дополнить образ различными видами оружия.

4. Обсуждение по внесению изменений в визуальный стимул фактора риска «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» вызвал активную дискуссию. Полиграфологи, в целом, предлагали расширить круг организаций, осуществляющих противоправную деятельность, а также дополнить образ различными средствами распространения информации.

5. Анализируя визуальный стимул фактора риска «Совершение уголовно наказуемых деяний», полиграфологи сочли необходимым дополнить его действием лица, убегающего от наказания, раскрытыми наручниками, судебным молотком, тем самым обеспечить понимание фактора как ухода от наказания. Также полиграфологи рекомендовали прописать все виды нарушений: против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества.

6. При обсуждении визуального стимула фактора риска «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» основная мысль полиграфологов заключалась в том, чтобы образ отражал действие лица, утаивающего правдивый документ и демонстрирующего ложный.

7. Обсуждая вопрос коррекции визуального стимула фактора риска «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций» полиграфологи обратили внимание на дополнение разновидностями представителей преступных организаций и объединение всех участников каким-либо общим действием. Кроме того, полиграфологи желали увидеть в образе фигуру оборотня из другого варианта образа этого же фактора риска.

8. Визуальный стимул фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» у большинства из 69% участников интервью вызвал потребность внесения дополнений в виде атрибутов должностного лица, а также предметами интерьера должностного лица. Кроме того, полиграфологи рекомендовали дополнить образ материальными ценностями, приобретенными незаконно, в виде дома, машины.

9. Относительно исключения из визуальных стимулов смысловых единиц, мешающих адекватному восприятию, полиграфологи отметили необходимость убрать решетку с незамкнутыми краями и большую замочную скважину, потому что возникает ассоциация возможности уйти от наказания.

10. Немалое количество полиграфологов решили не вносить какие-либо изменения в образы, объясняя свое решение высоким соответствием смысла текста фактора риска и его визуального образа.

11. Наименьшей коррекции, по мнению полиграфологов, подлежали визуальные стимулы факторов риска «Участие в незаконном обороте оружия» и «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера». Наибольшее количество уточнений было рекомендовано внести в визуальные стимулы: «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ», «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость», «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений».

12. Анализируя полученные результаты на первом и втором этапах исследования, можно отметить, что фактор риска «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации вызвал трудности экспликации текста в зрительный образ, так как насчитывает наибольшее количество интерпретаций (73 смысловые единицы), а на втором этапе визуальный стимул данного фактора риска потребовал коррекции у 75% участников фокус-группы. Фактор риска «Участие в незаконном обороте оружия», наоборот, определяется легкостью экспликации, ибо на первом этапе получил наименьшее количество интерпретаций в сочетании с наибольшим количеством повторений смысловых единиц, а на втором этапе визуальный стимул сочли необходимым корректировать 44% участников фокус-группы. Полученный результат, на наш взгляд, объясняется трудностью кодирования текста в визуальное изображение по причине отсутствия словаря кодирования слов в соответствующие образы. Так, сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации сочли трудным изобразить противоправность лиц, имеющих судимость, и их контакты с гражданами в противовес легкости кодирования таких слов, как оружие, оборот, незаконность.

13. Участники фокус-группы продемонстрировали разноплановые взгляды относительно одних и тех же визуальных стимулов. У некоторых мгновенно возникала ассоциация на конкретный визуальный стимул, а для других он не имел никакого значения без внесения дополнительных изменений. Следовательно, мы сочли правильным оставить несколько вариантов визуальных стимулов для каждого фактора риска, тем самым повысив возможность формирования ассоциативного ряда у разных обследуемых на полиграфе индивидуально.

14. Руководствуясь законами восприятия, учитывая прописанные нами ранее правила формирования визуальных стимулов, а также рекомендации полиграфологов, мы внесли изменения в визуальные стимулы факторов риска и подготовили их окончательные варианты.

2.5. Сравнительный анализ классического подхода в предъявлении стимулов и подхода с использованием визуализации

Третий этап эмпирического исследования предполагал апробацию визуальных стимулов факторов риска в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в отношении кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Группам обследуемых предъявлялись стимулы, содержащие изучаемые факторы риска, последовательно в аудиальном (контрольном), а затем в визуальном, либо в аудиовизуальном (экспериментальном) форматах. Проведенный этап позволил получить результаты СПФИ в двух вариантах предъявлений – контрольном и экспериментальном и провести сравнительный анализ полученных результатов для подтверждения выдвинутого в исследовании предположения о том, что визуализация стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения способствует формированию у обследуемого представления, адекватного изучаемой теме.

Полученные в результате проведения СПФИ полиграммы в обоих вариантах исследования (контрольном и экспериментальном) подвергались двум системам оценок с помощью компьютерной программы «Диана-7»: автоматической и метрической (приложение Е, таблицы 1, 2, 3, 4).

Корреляционный анализ показал высокую согласованность данных систем оценок. Автоматическая и метрическая оценки имеют достаточно высокую положительную корреляцию, то есть результаты контрольного предъявления в автоматической системе оценки высоко коррелируют с результатами контрольного предъявления в метрической системе оценки, аналогично результаты экспериментального предъявления в автоматической системе оценки высоко коррелируют с результатами экспериментального предъявления в метрической системе оценки (таблицы 4, 5).

Таблица 4 – Корреляционный анализ автоматической и метрической систем оценок аудиовизуального экспериментального варианта

Вид оценки	Вид предъявления	Номер вопроса	Вариант исследования	Автоматич
				Контроль
Вид оценки	Вид предъявления	Номер вопроса	Вариант исследования	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5	Вопрос 6	Вопрос 7	Вопрос 8	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5	Вопрос 6	Вопрос 7	Вопрос 8	Вопрос 8
Метрическая	Контрольное	Вопрос 1	Аудиовизуальный	0,67**	-0,16*	-0,10	-0,16*	0,00	-0,15*	-0,09	-0,16	0,15*	-0,17**	-0,10	-0,13*	0,18**	-0,07	0,07	-0,05	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 2	Аудиовизуальный	-0,11	0,63**	-0,05	-0,16*	-0,17*	0,02	-0,10	-0,10	-0,12	0,15*	0,12	0,03	0,02	-0,08	0,00	-0,09	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 3	Аудиовизуальный	-0,03	-0,05	0,6**	-0,05	-0,18**	-0,12	-0,09	-0,12	0,04	0,07	0,06	0,00	-0,07	0,07	-0,05	-0,12	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 4	Аудиовизуальный	-0,10	-0,10	-0,09	0,53**	-0,12	-0,06	-0,04	0,02	0,00	0,01	-0,06	0,12	-0,11	-0,01	-0,01	0,12	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 5	Аудиовизуальный	-0,04	-0,11	-0,21**	0,01	0,65**	-0,18**	-0,09	0,11	-0,08	-0,13*	-0,01	0,01	0,13*	0,08	-0,03	-0,01	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 6	Аудиовизуальный	-0,2**	-0,06	0,03	-0,14*	-0,10	0,65**	-0,14*	-0,2*	0,01	0,11	-0,03	-0,06	-0,08	0,06	-0,09	0,06	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 7	Аудиовизуальный	-0,14*	-0,09	-0,11	0,05	-0,07	-0,06	0,61**	-0,17	-0,05	0,03	0,04	0,05	-0,06	-0,02	0,10	-0,01	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 8	Аудиовизуальный	-0,23*	-0,07	-0,03	0,01	0,00	-0,11	-0,04	0,59**	0,13	-0,21*	0,00	-0,14	0,00	0,04	-0,03	0,08	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 1	Аудиовизуальный	0,13*	0,00	-0,06	0,09	-0,10	-0,07	0,03	-0,02	0,74**	-0,2**	-0,04	-0,2**	-0,18**	-0,11	-0,03	-0,08	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 2	Аудиовизуальный	-0,07	0,09	-0,04	-0,02	-0,02	0,08	0,03	-0,13	-0,2**	0,71**	-0,09	-0,05	-0,09	-0,10	-0,05	-0,11	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 3	Аудиовизуальный	-0,03	-0,01	0,04	0,06	0,00	-0,04	-0,11	0,07	-0,04	-0,09	0,57**	-0,06	-0,15*	-0,14*	-0,12	0,03	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 4	Аудиовизуальный	-0,04	-0,04	-0,10	0,09	-0,01	0,11	0,10	-0,07	-0,22**	0,03	-0,13	0,58**	-0,08	-0,01	-0,12	0,02	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 5	Аудиовизуальный	0,01	0,05	-0,02	-0,01	-0,04	-0,03	0,01	0,07	-0,11	-0,16*	0,00	-0,15*	0,63**	-0,03	-0,17**	0,01	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 6	Аудиовизуальный	-0,09	-0,07	0,13	-0,15*	0,14*	0,14*	-0,09	0,08	-0,15*	-0,19**	-0,09	0,00	0,00	0,57**	-0,14*	-0,04	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 7	Аудиовизуальный	0,09	0,02	0,07	-0,03	0,09	-0,14*	0,04	-0,12	-0,10	-0,06	-0,09	0,00	-0,06	-0,11	0,67**	-0,39**	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 8	Аудиовизуальный	-0,10	-0,07	-0,13	0,06	-0,01	0,04	0,05	0,09	-0,06	-0,08	-0,06	-0,09	-0,06	-0,02	-0,27**	0,64**	

* – статистическая значимость на уровне $p \leq 0,05$;

** – статистическая значимость на уровне $p \leq 0,01$.

Таблица 5 – Корреляционный анализ автоматической и метрической систем оценок визуального экспериментального варианта

Вид оценки	Вид предъявления	Номер вопроса	Вариант исследования	Автоматич
				Контроль
Вид оценки	Вид предъявления	Номер вопроса	Вариант исследования	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5	Вопрос 6	Вопрос 7	Вопрос 8	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5	Вопрос 6	Вопрос 7	Вопрос 8	Вопрос 8
Метрическая	Контрольное	Вопрос 1	Визуальный	0,58**	-0,01	-0,29**	-0,03	0,05	-0,09	-0,16	0,02	0,07	-0,04	0,12	0,00	-0,05	-0,14	-0,05	-0,10	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 2	Визуальный	-0,16	0,54**	-0,02	-0,11	-0,06	-0,03	-0,12	-0,05	-0,12	-0,15	-0,03	0,02	-0,07	0,21*	-0,03	0,10	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 3	Визуальный	-0,15	-0,03	0,67**	-0,18*	-0,22*	-0,09	0,03	-0,15	0,05	0,06	-0,05	-0,06	0,01	0,02	-0,06	-0,05	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 4	Визуальный	0,08	0,03	-0,14	0,61**	-0,05	-0,18*	-0,3**	0,11	-0,09	0,04	0,19*	-0,10	-0,04	0,04	0,05	-0,15	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 5	Визуальный	-0,13	-0,05	-0,10	0,00	0,67**	-0,19*	-0,09	-0,21	-0,15	-0,03	0,07	-0,12	0,14	0,12	0,04	0,04	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 6	Визуальный	-0,19*	-0,21*	0,00	-0,10	-0,21*	0,63**	0,01	0,03	0,16	0,15	-0,12	0,01	0,00	-0,04	-0,16	0,05	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 7	Визуальный	-0,03	-0,12	-0,10	-0,13	-0,10	-0,07	0,68**	-0,16	0,06	0,04	-0,16	0,16	0,02	-0,19*	0,05	0,24	
Метрическая	Контрольное	Вопрос 8	Визуальный	-0,04	-0,25*	-0,03	0,06	-0,07	-0,05	-0,26*	0,68**	-0,08	0,01	0,06	0,10	0,09	-0,09	0,13	-0,07	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 1	Визуальный	0,12	-0,06	0,07	0,01	-0,11	0,18*	-0,09	-0,29*	0,55**	0,04	0,09	-0,06	-0,26**	-0,18*	-0,03	-0,17	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 2	Визуальный	-0,07	0,01	-0,06	0,10	-0,18*	0,08	0,05	0,14	-0,08	0,71**	-0,18*	-0,09	-0,08	-0,11	-0,03	-0,41**	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 3	Визуальный	0,18*	-0,03	0,09	0,09	-0,07	-0,15	-0,09	0,07	-0,04	-0,14	0,51**	-0,11	0,06	-0,19*	-0,22*	0,21	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 4	Визуальный	-0,16	0,02	-0,11	-0,10	0,04	-0,04	0,10	0,36**	-0,19*	-0,05	-0,09	0,62**	-0,14	-0,04	-0,09	-0,03	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 5	Визуальный	-0,07	-0,12	0,04	-0,04	0,10	0,01	0,03	0,12	-0,13	-0,04	-0,10	-0,22*	0,6**	-0,03	-0,10	0,13	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 6	Визуальный	-0,08	0,02	0,10	0,03	0,02	0,11	-0,04	-0,17	-0,11	-0,19*	-0,05	-0,11	-0,11	0,54**	0,07	-0,14	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 7	Визуальный	0,06	0,06	-0,12	-0,03	0,14	-0,15	0,00	-0,08	-0,03	-0,23**	-0,24**	0,05	-0,04	0,03	0,56**	-0,09	
Метрическая	Экспериментальное	Вопрос 8	Визуальный	0,02	0,07	-0,05	-0,22	0,01	0,13	0,04	0,03	-0,07	-0,27*	-0,07	-0,08	0,09	-0,18	-0,05	0,7**	

* – статистическая значимость на уровне $p \leq 0,05$;

** – статистическая значимость на уровне $p \leq 0,01$.

Так как автоматическая и метрическая системы оценок имеют высокую положительную корреляцию, в дальнейшем сравнительный анализ мы будем осуществлять относительно автоматической системы оценки.

Корреляционный анализ результатов контрольного и экспериментального предъявлений представлен в таблице 6.

Таблица 6 – Корреляционный анализ вопросов контрольного и экспериментального предъявлений аудиовизуального экспериментального варианта

Автоматическая система оценки, экспериментальное предъявление	Вопросы	Автоматическая система оценки, контрольное предъявление							
		1В	2В	3В	4В	5В	6В	7В	8В
	1В	0,22**							
	2В		0,15*						
	3В			0,12					
	4В				0,004				
	5В					0,09			
	6В						0,06		
	7В							0,14*	
	8В								0,06

Очевидно, что корреляционная зависимость между каждым проверочным вопросом контрольного и экспериментального предъявлений выражена очень слабо.

Результаты корреляционного анализа контрольного и экспериментального предъявлений в визуальном варианте исследования представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Корреляционный анализ вопросов контрольного и экспериментального предъявлений визуального экспериментального варианта

Автоматическая система оценки, экспериментальное предъявление	Вопросы	Автоматическая система оценки, контрольное предъявление							
		1В	2В	3В	4В	5В	6В	7В	8В
	1В	0,17							
	2В		-0,04						
	3В			0,06					
	4В				-0,04				
	5В					0,2*			
	6В						0,07		
	7В							-0,07	
	8В								-0,07

Результаты анализа визуального экспериментального варианта идентичны аудиовизуальному.

Таким образом, исходя из полученных данных, можно наблюдать отсутствие корреляционной зависимости между оценочными значениями

контрольного и экспериментального предъявлений относительно каждого проверочного вопроса.

Для сравнительного анализа результатов контрольного и экспериментального предъявлений зависимых выборок используется критерий Уилкоксона¹.

Сравнительный анализ значений всей выборки относительно каждой проверочной темы представлен в таблице 8.

Таблица 8 – Сравнение групп при контрольном и экспериментальном предъявлениях (критерий Уилкоксона)

Вариант исследования	Номер вопроса	$M \pm S$, Контрольное предъявление	$M \pm S$, Экспериментальное предъявление	Динамика %	Уровень P
Аудиовизуальный	Вопрос 1	$0,57 \pm 0,30$	$0,59 \pm 0,30$	3,31%	0,4761
Аудиовизуальный	Вопрос 2	$0,45 \pm 0,29$	$0,46 \pm 0,29$	3,36%	0,4141
Аудиовизуальный	Вопрос 3	$0,42 \pm 0,27$	$0,45 \pm 0,28$	5,14%	0,3402
Аудиовизуальный	Вопрос 4	$0,45 \pm 0,28$	$0,46 \pm 0,27$	3,07%	0,5045
Аудиовизуальный	Вопрос 5	$0,48 \pm 0,27$	$0,50 \pm 0,29$	3,10%	0,5117
Аудиовизуальный	Вопрос 6	$0,53 \pm 0,29$	$0,51 \pm 0,28$	-3,85%	0,4912
Аудиовизуальный	Вопрос 7	$0,45 \pm 0,28$	$0,41 \pm 0,27$	-10,63%	0,0715
Аудиовизуальный	Вопрос 8	$0,46 \pm 0,29$	$0,44 \pm 0,28$	-4,33%	0,4383
Визуальный	Вопрос 1	$0,55 \pm 0,27$	$0,55 \pm 0,27$	-0,68%	0,9845
Визуальный	Вопрос 2	$0,45 \pm 0,28$	$0,44 \pm 0,30$	-2,62%	0,8469
Визуальный	Вопрос 3	$0,46 \pm 0,28$	$0,41 \pm 0,27$	-10,00%	0,1847
Визуальный	Вопрос 4	$0,41 \pm 0,26$	$0,47 \pm 0,27$	15,99%	0,0765
Визуальный	Вопрос 5	$0,47 \pm 0,29$	$0,46 \pm 0,27$	-2,32%	0,8462
Визуальный	Вопрос 6	$0,51 \pm 0,28$	$0,58 \pm 0,28$	12,52%	0,0501
Визуальный	Вопрос 7	$0,46 \pm 0,29$	$0,44 \pm 0,27$	-4,72%	0,6201
Визуальный	Вопрос 8	$0,47 \pm 0,30$	$0,51 \pm 0,30$	7,28%	0,4406

Полученные данные свидетельствуют о том, что в целом физиологические реакции обследуемых на контрольное и экспериментальное предъявления идентичны, значимых различий не наблюдается. Причем результаты аналогичны как в аудиовизуальном, так и в визуальном вариантах исследования. Однако если проанализировать результаты оценок контрольного и экспериментального предъявлений внутри выборки относительно каждого респондента, то можно отметить видимую разницу, указывающую на существенные различия

¹ Сорокова М. Г. Математические методы в психолого-педагогических исследованиях. М.: Неолит, 2020. 216 с.

физиологических реакций. Именно физиологические реакции каждого респондента в нашем исследовании являются практически значимыми. Если мы будем ориентироваться на общий массив данных, то можем не заметить и пропустить цель при проведении СПФИ, то есть не выявить фактор риска у обследуемого, имеющего этот фактор или выявить фактор риска у обследуемого, не имеющего этот фактор. Поэтому, несмотря на схожесть средних значений контрольного и экспериментального предъявлений в целом, мы не можем не учитывать их разницу внутри выборки относительно каждого респондента.

Для сравнения результатов контрольного и экспериментального предъявлений мы вычленили из базы данных полиграммы тех обследуемых, у которых на контрольное предъявление были получены результаты, входящие в зону незначимости проверочной темы, то есть меньше или равны 0,25, и проанализировали результаты этих же респондентов при экспериментальном предъявлении. Анализ результатов представлен в таблице 9.

Таблица 9 – Оценки контрольного и экспериментального предъявлений аудиовизуального варианта (критерий Уилкоксона)

Вопрос	Контрольное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Экспериментальное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Число наблюдений	Уровень p
Вопрос 1	0,12 [0,07; 0,20]	0,50 [0,33; 0,80]	55/56	<0,0001
Вопрос 2	0,14 [0,07; 0,19]	0,37 [0,22; 0,65]	90/90	<0,0001
Вопрос 3	0,12 [0,07; 0,17]	0,33 [0,20; 0,54]	83/85	<0,0001
Вопрос 4	0,12 [0,06; 0,18]	0,42 [0,22; 0,71]	76/76	<0,0001
Вопрос 5	0,12 [0,07; 0,19]	0,46 [0,20; 0,67]	65/67	<0,0001
Вопрос 6	0,16 [0,07; 0,22]	0,52 [0,27; 0,71]	64/64	<0,0001
Вопрос 7	0,15 [0,07; 0,20]	0,33 [0,16; 0,59]	91/91	<0,0001
Вопрос 8	0,11 [0,07; 0,18]	0,35 [0,16; 0,70]	41/42	<0,0001

Очевидно, что значения экспериментального предъявления выше значений контрольного предъявления, что свидетельствует о более выраженных физиологических реакциях обследуемых при экспериментальном предъявлении. Итак, можно отметить, что использование визуальных стимулов изменяет степень выраженности физиологических реакций респондентов в сторону их увеличения.

Следует обратить внимание на то, что визуальные стимулы факторов риска в части случаев кардинально меняют и значимость проверяемой темы (таблица 10).

Таблица 10 – Распределение результатов экспериментального (аудиовизуального) предъявления относительно зоны незначимости контрольного предъявления

Незначимость темы контрольного предъявления				
Номер вопроса	Количество наблюдений	Экспериментальное предъявление		
		Незначимость темы	Неопределенность темы	Значимость темы
1В	56 (100%)	20%	54%	26%
2В	90 (100%)	32%	46%	22%
3В	85 (100%)	38%	51%	12%
4В	76 (100%)	31%	47%	22%
5В	67 (100%)	33%	45%	22%
6В	64 (100%)	25%	58%	17%
7В	91 (100%)	41%	52%	7%
8В	42(100%)	48%	33%	19%

Например, результаты СПФИ по фактору риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» (1 вопрос) при контрольном предъявлении находились в зоне незначимости проверочной темы в 56 наблюдениях, после использования визуальных стимулов 26% результатов перешли в зону значимости данной темы (приложение Ж, таблица 1). Аналогичными оказались результаты и по остальным факторам риска: «Противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость» (2 вопрос) из 90 наблюдений незначимости темы 22% результатов стали значимыми (приложение Ж, таблица 2), «Участие в незаконном обороте оружия» (3 вопрос) из 85 – 12% (приложение Ж, таблица 3), «Участие в деятельности запрещенных общественных объединений» (4 вопрос) из 76 – 22% (приложение Ж, таблица 4), «Совершение уголовно наказуемых деяний» (5 вопрос) из 67 – 22% (приложение Ж, таблица 5), «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» (6 вопрос) из 64 – 17% (приложение Ж, таблица 6), «Попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных

объединений, преступных и иных организаций» (7 вопрос) из 91 – 7% (приложение Ж, таблица 7), «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» (8 вопрос) из 42 – 19% (приложение Ж, таблица 8).

Относительно гендерного признака можно отметить, что как у мужчин (51%), так и у женщин (49%) практически в равной степени результаты, находящиеся в зоне незначимости проверочных тем при контрольном предъявлении относительно всех 8 вопросов, перешли в зону значимости при аудиовизуальном экспериментальном варианте исследования (приложение И, таблицы 1, 2).

Таким образом, различий по гендерному признаку относительно более выраженной физиологической реакции на аудиовизуальный стимул, чем на аудиальный, не выявлено.

Аналогичные результаты контрольного и экспериментального предъявлений визуального варианта исследования представлены в таблице 11.

Таблица 11 – Оценки контрольного и экспериментального предъявлений визуального экспериментального варианта (критерий Уилкоксона)

Вопрос	Контрольное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Экспериментальное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Число наблюдений	Уровень p
Вопрос 1	0,13 [0,10; 0,22]	0,47 [0,28; 0,62]	21/21	0,0003
Вопрос 2	0,15 [0,09; 0,19]	0,36 [0,17; 0,63]	39/39	<0,0001
Вопрос 3	0,12 [0,05; 0,16]	0,28 [0,19; 0,58]	37/37	<0,0001
Вопрос 4	0,12 [0,07; 0,19]	0,46 [0,16; 0,74]	39/41	<0,0001
Вопрос 5	0,13 [0,09; 0,19]	0,38 [0,22; 0,58]	37/37	<0,0001
Вопрос 6	0,15 [0,08; 0,19]	0,48 [0,28; 0,73]	24/24	0,0001
Вопрос 7	0,15 [0,08; 0,19]	0,45 [0,17; 0,62]	39/40	<0,0001
Вопрос 8	0,10 [0,05; 0,16]	0,52 [0,23; 0,80]	16/18	0,0009

Очевидно, что значения визуального экспериментального предъявления имеют более высокие оценки по всем проверочным вопросам.

Анализ результатов выявил достоверно значимые различия контрольного и экспериментального предъявлений. Следовательно, использование визуальных стимулов повысило степень выраженности физиологических реакций

обследуемых. Кроме того, результаты контрольного предъявления, находящиеся в зоне незначимости темы при использовании визуальных стимулов факторов риска у части испытуемых переместились в зону значимости соответствующей проверочной темы (таблица 12).

Таблица 12 – Распределение результатов экспериментального (визуального) предъявления относительно зоны незначимости контрольного предъявления

Незначимость темы контрольного предъявления				
Номер вопроса	Количество наблюдений	Экспериментальное предъявление		
		Незначимость темы	Неопределенность темы	Значимость темы
1В	21 (100%)	19%	67%	14%
2В	39 (100%)	38%	44%	18%
3В	37 (100%)	43%	49%	8%
4В	41 (100%)	32%	44%	24%
5В	37 (100%)	32%	57%	11%
6В	24 (100%)	21%	54%	25%
7В	40 (100%)	35%	55%	10%
8В	18 (100%)	33%	33%	34%

Очевидно, что относительно первого проверочного вопроса из 21 наблюдения 14% результатов перешли в зону значимости проверочной темы (приложение К, таблица 1), относительно второго вопроса – из 39 наблюдений – 18% (приложение К, таблица 2), третьего вопроса – из 37 – 8% (приложение К, таблица 3), четвертого вопроса – из 41 – 24% (приложение К, таблица 4), пятого вопроса – из 37 – 11% (приложение Л, таблица 5), шестого вопроса – из 24 – 25% (приложение К, таблица 6), седьмого вопроса – из 40 – 10% (приложение К, таблица 7), восьмого вопроса из 18 – 34% (приложение К, таблица 8). Ни одна проверочная тема не осталась без коррекции результатов при помощи визуальных стимулов. Результаты восьмого, шестого и четвертого вопросов подверглись наиболее значительным изменениям.

Что касается гендерного признака, то относительно всех восьми вопросов визуального экспериментального варианта можно отметить: мужчины в большей

степени (58%), чем женщины (42%), более выраженно реагируют на визуальный стимул, чем на аудиальный (приложение Л, таблицы 1, 2).

Таким образом, можно отметить, что повышение степени выраженности физиологических реакций при использовании визуальных стимулов факторов риска можно объяснить появлением ассоциаций с имевшимися в прошлом опыте противоправными деяниями, а, сохранение степени выраженности физиологических реакций в зоне незначимости проверочной темы – с отсутствием ассоциаций, то есть с отсутствием противоправных деяний в прошлом опыте обследуемого.

Еще одна часть испытуемых, чьи результаты переместились в зону неопределенности проверочных тем, требует дальнейшей уточняющей работы по определению наличия / отсутствия факторов риска.

Далее для сравнительного анализа результатов контрольного и экспериментального методов мы отобрали полиграммы, в которых результаты контрольного предъявления входили в зону значимости проверочной темы, то есть равны или больше 0,75. Результаты представлены в таблице 13.

Таблица 13 – Оценки контрольного и экспериментального предъявлений аудиовизуального экспериментального варианта (критерий Уилкоксона)

Вопрос	Контрольное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Экспериментальное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Число наблюдений	Уровень p
Вопрос 1	0,88 [0,82; 0,94]	0,74 [0,44; 0,88]	88/91	<0,0001
Вопрос 2	0,86 [0,81; 0,93]	0,55 [0,25; 0,78]	50/50	<0,0001
Вопрос 3	0,88 [0,77; 0,93]	0,52 [0,25; 0,78]	39/40	<0,0001
Вопрос 4	0,85 [0,81; 0,93]	0,57 [0,29; 0,72]	47/49	<0,0001
Вопрос 5	0,85 [0,78; 0,91]	0,54 [0,25; 0,80]	54/55	<0,0001
Вопрос 6	0,84 [0,78; 0,90]	0,51 [0,29; 0,80]	75/76	<0,0001
Вопрос 7	0,85 [0,78; 0,90]	0,62 [0,33; 0,81]	43/48	<0,0001
Вопрос 8	0,85 [0,80; 0,94]	0,52 [0,27; 0,68]	23/24	<0,0001

Очевидно, что значения экспериментального предъявления меньше значений контрольного предъявления. Анализ данных показывает достоверно значимые

различия результатов контрольного и экспериментального предъявлений с вероятностью $P < 0,0001$.

Выявленные различия обусловлены переходом результатов контрольного предъявления из зоны значимости проверочных тем в зону незначимости у части обследуемых (таблица 14).

Таблица 14 – Распределение результатов экспериментального (аудиовизуального) предъявления относительно зоны значимости контрольного предъявления

Значимость темы контрольного предъявления				
Номер вопроса	Количество наблюдений	Экспериментальное предъявление		
		Незначимость темы	Неопределенность темы	Значимость темы
1В	91 (100%)	10%	41%	49%
2В	50 (100%)	26%	38%	26%
3В	40 (100%)	28%	40%	32%
4В	49 (100%)	24%	60%	16%
5В	55 (100%)	29%	40%	31%
6В	76 (100%)	22%	46%	32%
7В	48 (100%)	19%	44%	37%
8В	24 (100%)	25%	54%	21%

Так, часть оценок, входящих в зону значимости проверочной темы при контрольном предъявлении, перемещается в зону незначимости соответствующей темы при экспериментальной подаче информации. Из 91 наблюдения значимости проверочной темы по первому вопросу в контрольном предъявлении 10% результатов при использовании визуальных стимулов оказались в зоне незначимости (приложение М, таблица 1), относительно второго вопроса – из 50 наблюдений значимости результатов в зону незначимости переместилось 26% (приложение М, таблица 2), третьего вопроса – из 40 – 28% (приложение М, таблица 3), четвертого вопроса – из 49 – 24% (приложение М, таблица 4), пятого вопроса – из 55 – 29% (приложение М, таблица 5), шестого вопроса – из 76 – 22% (приложение М, таблица 6), седьмого вопроса – из 48 – 19% (приложение М, таблица 7), восьмого вопроса – из 24 – 25% (приложение М, таблица 8). Таким образом, в 50% проверочных вопросов более чем на 25% результаты изменились на противоположные. Несомненно,

часть результатов так же, как и при контрольном предъявлении, осталась в зоне значимости, что может служить подтверждением изначально полученных данных контрольного предъявления и дает возможность более объективного и уверенного принятия решения. Часть результатов экспериментального предъявления переместилась в зону неопределенности темы, что диктует необходимость в дополнительных вопросах к обследуемому по изучаемой тематике. Относительно тех обследуемых, у кого результаты оказались диаметрально противоположными, появилась необходимость в проведении дополнительного более детального изучения проверочной темы.

Касательно гендерных особенностей реагирования на разный вид представляемой информации можно констатировать, что оценка результатов при экспериментальном предъявлении кардинально меняется в сторону уменьшения чаще у представителей мужского пола: 65% против 34% женского пола (приложение Н, таблицы 1, 2). Значит, можно отметить, что аудиовизуальный стимул значительно уменьшает степень выраженности физиологических реакций чаще у мужчин, чем у женщин.

Аналогичные результаты контрольного и экспериментального предъявлений визуального варианта исследования представлены в таблице 15.

Таблица 15 – Оценки контрольного и экспериментального предъявлений визуального экспериментального варианта (критерий Уилкоксона)

Вопрос	Контрольное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Экспериментальное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Число наблюдений	Уровень p
Вопрос 1	0,85 [0,78; 0,90]	0,67 [0,38; 0,87]	36/37	<0,0001
Вопрос 2	0,88 [0,81; 0,96]	0,25 [0,11; 0,52]	24/24	<0,0001
Вопрос 3	0,88 [0,81; 0,93]	0,42 [0,18; 0,64]	25/25	<0,0001
Вопрос 4	0,86 [0,81; 0,89]	0,46 [0,21; 0,72]	16/16	0,0009
Вопрос 5	0,86 [0,82; 0,93]	0,60 [0,34; 0,78]	25/26	<0,0001
Вопрос 6	0,85 [0,81; 0,94]	0,63 [0,46; 0,87]	35/35	<0,0001
Вопрос 7	0,85 [0,81; 0,91]	0,37 [0,16; 0,64]	28/28	<0,0001
Вопрос 8	0,90 [0,85; 0,95]	0,29 [0,19; 0,60]	15/15	0,0012

Очевидно, что при использовании визуальных стимулов значения физиологических реакций в экспериментальном предъявлении уменьшаются.

Аналогично результатам аудиовизуального варианта использование данного инструментария в визуальном формате способствует уточнению данных, полученных при контрольном предъявлении (таблица 16).

Таблица 16 – Распределение результатов экспериментального (визуального) предъявления относительно зоны значимости контрольного предъявления

Значимость темы контрольного предъявления				
Номер вопроса	Количество наблюдений	Экспериментальное предъявление		
		Незначимость темы	Неопределенность темы	Значимость темы
1В	37 (100%)	14%	46%	41%
2В	24 (100%)	50%	42%	8%
3В	25 (100%)	32%	56%	12%
4В	16 (100%)	31%	44%	25%
5В	26 (100%)	19%	46%	35%
6В	35 (100%)	17%	49%	34%
7В	28 (100%)	36%	50%	14%
8В	15 (100%)	33%	53%	14%

Таким образом, визуальные стимулы способствуют уточнению результатов контрольного предъявления, что в дальнейшем определяет стратегию проведения исследования и позволяет достичь более обоснованных результатов. Так, относительно первого проверочного вопроса можно наблюдать, что из 37 случаев значимости темы контрольного предъявления 14% результатов при использовании визуальных стимулов переместились в зону незначимости темы (приложение П, таблица 1).

Что касается второго вопроса, то можно констатировать, что из 24 наблюдений в зоне незначимости оказалось 50% (приложение П, таблица 2), третьего вопроса – из 25 – 32% (приложение П, таблица 3), четвертого вопроса – из 16 – 31% (приложение П, таблица 4), пятого вопроса – из 26 – 19% (приложение П, таблица 5), шестого вопроса – из 35 – 17% (приложение П, таблица 6), седьмого вопроса – из 28 – 36% (приложение П, таблица 7), восьмого вопроса – из 15 – 33% (приложение П, таблица 8).

Относительно гендерных различий можно констатировать, что результаты также идентичны аудиовизуальному варианту исследования: у 70% мужчин и 30% женщин оценка физиологических реакций в экспериментальном предъявлении расположилась в зоне незначимости темы в пику значимости в контрольном предъявлении (приложение Р, таблицы 1, 2).

Таким образом, использовании визуальных стимулов факторов риска способствует снижению степени выраженности физиологических реакций у обследуемых по причине сформировавшегося представления, отражающего заложенный полиграфологом смысл фактора риска, исключив ассоциации, не имеющие непосредственного отношения к обследуемому и его прошлому опыту.

Также выявлена часть испытуемых, чьи результаты оказались в зоне неопределенности. Данное обстоятельство диктует необходимость в дальнейшем изучении проверочной тематики.

Результаты зоны неопределенности проверочных тем $>0,25$ и $<0,75$ в контрольном предъявлении можно наблюдать в таблице 17.

Таблица 17 – Оценки контрольного и экспериментального предъявлений аудиовизуального экспериментального варианта (критерий Уилкоксона)

Вопрос	Контрольное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Экспериментальное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Число наблюдений	Уровень р
Вопрос 1	0,53 [0,42; 0,67]	0,58 [0,28; 0,80]	107/108	0,6344
Вопрос 2	0,47 [0,39; 0,59]	0,42 [0,22; 0,67]	114/115	0,6197
Вопрос 3	0,50 [0,37; 0,59]	0,44 [0,23; 0,71]	130/130	0,4785
Вопрос 4	0,47 [0,37; 0,63]	0,46 [0,25; 0,67]	127/130	0,2131
Вопрос 5	0,53 [0,37; 0,63]	0,47 [0,26; 0,73]	131/133	0,4757
Вопрос 6	0,47 [0,36; 0,63]	0,54 [0,33; 0,74]	114/115	0,2328
Вопрос 7	0,53 [0,38; 0,63]	0,53 [0,21; 0,70]	116/116	0,7619
Вопрос 8	0,47 [0,37; 0,61]	0,37 [0,20; 0,62]	74/74	0,0800

Анализ полученных данных позволяет констатировать отсутствие значимых различий в степени выраженности физиологических реакций в контрольном и экспериментальном предъявлениях, о чем свидетельствует

уровень $P > 0,005$. Однако более детальный анализ относительно каждого испытуемого показывает имеющиеся различия (таблица 18).

Таблица 18 – Распределение результатов экспериментального (аудиовизуального) предъявления относительно зоны неопределенности контрольного предъявления

Неопределенность темы контрольного предъявления				
Номер вопроса	Количество наблюдений	Экспериментальное предъявление		
		Незначимость темы	Неопределенность темы	Значимость темы
1В	108 (100%)	24%	41%	35%
2В	115 (100%)	31%	49%	20%
3В	130 (100%)	29%	47%	24%
4В	130 (100%)	28%	53%	19%
5В	133 (100%)	25%	50%	25%
6В	115 (100%)	18%	57%	25%
7В	116 (100%)	28%	50%	22%
8В	74 (100%)	30%	55%	15%

Очевидно, что часть результатов из зоны неопределенности проверочной темы переместилась в зону незначимости, а часть, наоборот, в зону значимости. Относительно первого вопроса из 108 наблюдений неопределенности контрольного предъявления 24% результатов подтвердили незначимость темы, а 32% стали значимыми (приложение С, таблица 1). В качестве примера можно привести работу автора исследования, заключающуюся в проведении СПФИ в отношении кандидата на службу. На этапе тестирования при аудиальном предъявлении фактора риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» результаты находились в зоне неопределенности изучаемой темы. После предъявления аудиовизуального стимула по этой же теме физиологические реакции обследуемого приобрели положительную выраженность. Полиграфологом было принято решение о проведении дополнительного тестирования по данной тематике, в результате которого были выявлены выраженные физиологические реакции, не отражающие информацию, ранее сообщенную респондентом о своей непричастности к незаконному деянию.

Результаты второго вопроса констатируют 115 неопределенных значений, 31% которых стали незначимо определенными, а 20% – значимо определенными (приложение С, таблица 2). Третий вопрос распределил 130 наблюдений неопределенности темы контрольного предъявления 29% в незначимость, 24% – в значимость (приложение С, таблица 3), четвертый вопрос – 130 случаев распределил 28% – в незначимость, 19% – в значимость (приложение С, таблица 4), пятый вопрос – 133 наблюдения – 25% – в незначимость, 25% – в значимость (приложение С, таблица 5), шестой вопрос – 115 наблюдений – 18% – в незначимость, 25% – в значимость (приложение С, таблица 6), седьмой вопрос – 116 случаев – 28% в незначимость, 22% – в значимость (приложение С, таблица 7), восьмой вопрос – 74 случая – 30% в незначимость, 15% – в значимость (приложение С, таблица 8). Наибольшей разницы между результатами контрольного и экспериментального предъявлений, более 50%, достигли первый, второй и третий вопросы. Остальные проверочные темы также частично распределились по зонам незначимости и значимости. Следовательно, можно констатировать, что неопределенный результат контрольного предъявления при использовании визуальных стимулов приобретает более точные значения и тем самым обеспечивает принятие объективного решения, заключающегося либо в использовании дополнительного тестирования (при значимости темы), либо в констатации непричастности к изучаемому незаконному деянию (при незначимости темы).

Аналогичные результаты получены и в визуальном варианте исследования и представлены в таблице 19.

Таблица 19 – Оценки контрольного и экспериментального предъявлений визуального экспериментального варианта (критерий Уилкоксона)

Вопрос	Контрольное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Экспериментальное предъявление (медиана, межквартильный размах)	Число наблюдений	Уровень р
Вопрос 1	0,47 [0,41; 0,67]	0,53 [0,33; 0,78]	21/21	0,6021
Вопрос 2	0,47 [0,39; 0,53]	0,42 [0,20; 0,82]	60/60	0,7349
Вопрос 3	0,53 [0,40; 0,59]	0,42 [0,22; 0,71]	61/61	0,1679
Вопрос 4	0,47 [0,36; 0,59]	0,46 [0,27; 0,71]	65/66	0,9401

Продолжение таблицы 19

Вопрос 5	0,47 [0,36; 0,64]	0,47 [0,22; 0,67]	59/60	0,3209
Вопрос 6	0,44 [0,34; 0,59]	0,58 [0,38; 0,83]	62/64	0,0023
Вопрос 7	0,53 [0,34; 0,64]	0,46 [0,26; 0,67]	55/55	0,5717
Вопрос 8	0,47 [0,37; 0,58]	0,59 [0,42; 0,80]	31/31	0,1169

Анализ результатов показывает отсутствие значимых различий, за исключением шестого вопроса, что свидетельствует о превалировании физиологических реакций испытуемого на экспериментальное предъявление вопроса «Соккрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера».

Детальный анализ продемонстрировал тенденцию получения более точных данных при использовании визуальных стимулов (таблица 20).

Очевидно, что в первом вопросе из 21 случая неопределенности темы контрольного предъявления 28% результатов стали значимо определенными, а 10% – незначимо определенными (приложение Т, таблица 1), во втором вопросе из 60 наблюдений 30% перешли в зону значимости, 32% – незначимости (приложение Т, таблица 2), в третьем вопросе из 61 случая – 23% – в значимость, 31% – в незначимость (приложение Т, таблица 3), в четвертом вопросе из 66 – 23% – в значимость, 21% – в незначимость (приложение Т, таблица 4), в пятом вопросе из 60 – 15% – в значимость, 33% – в незначимость (приложение Т, таблица 5), в шестом вопросе из 64 – 36% – в значимость, 17% – в незначимость (приложение Т, таблица 6), в седьмом вопросе из 55 – 24% – в значимость, 25% в незначимость (приложение Т, таблица 7), в восьмом вопросе из 31 – 32% – в значимость, 20% – в незначимость (приложение Т, таблица 8).

Таблица 20 – Распределение результатов экспериментального (визуального) предъявления относительно зоны неопределенности контрольного предъявления

Неопределенность темы контрольного предъявления				
Номер вопроса	Количество наблюдений	Экспериментальное предъявление		
		Незначимость темы	Неопределенность темы	Значимость темы
1В	21 (100%)	10%	62%	28%
2В	60 (100%)	32%	38%	30%

Продолжение таблицы 20

3В	61 (100%)	31%	46%	23%
4В	66 (100%)	21%	56%	23%
5В	60 (100%)	33%	52%	15%
6В	64 (100%)	17%	47%	36%
7В	55 (100%)	25%	51%	24%
8В	31 (100%)	20%	48%	32%

Наиболее подверженными коррекции посредством визуальных стимулов оказались вопросы 2, 3, 6, 8, в которых более 50% результатов приобрели наиболее точные значения, то есть оказались в зоне незначимости или значимости проверочной темы.

Итак, использование визуальных стимулов при неопределенности результатов физиологических реакций в контрольном предъявлении способствует получению уточняющих данных, в одном случае позволяющих констатировать отсутствие факторов риска при перемещении результатов в зону незначимости проверочной темы, в другом случае – продолжить уточняющую работу с теми обследуемыми, чьи результаты оказались значимыми.

Использование данного инструментария не только способствует уточнению результатов исследования при предъявлении аудиальных стимулов в процессе проведения СПФИ, но и позволяет еще на этапе предтестовой беседы получить значимую для полиграфолога информацию. Так, в качестве примера можно привести проведение СПФИ автором исследования в отношении кандидата на службу. В процессе проведения предтестовой беседы, при аудиальном обсуждении фактора риска «Склонность к злоупотреблению должностными полномочиями» обследуемый уверенно отрицал факты получения денежного или иного вознаграждения за незаконные действия или бездействие. Однако при предъявлении визуального стимула, на котором изображено незаконное помещение денежных средств в карман, обследуемый с большим удивлением для себя вспомнил ситуацию, когда помещал денежные купюры в карман при незаконной продаже продуктов из столовой, работая там поваром. Следовательно, визуальные стимулы факторов риска способствуют

формированию адекватного задаваемому вопросу представления об изучаемом факторе риска. В данном случае у кандидата в процессе тестирования не выявлено выраженных физиологических реакций на данную тематику, так как тест был составлен с учетом полученной информации.

Однако, при сознательном сокрытии информации у обследуемого уже на этапе предтестовой беседы при обсуждении визуального стимула фактора риска, значимого для обследуемого, формируется представление, адекватное изучаемой теме и появляется повышенное напряжение, которое пролонгируется во время тестирования (Р. Нельсон), что свидетельствует об активизации памяти при узнавании совершенных незаконных деяний (Ю.И. Холодный), о концентрации внимания на изучаемом и значимом для обследуемого факторе риска (А.П. Сошников, А.Б. Пеленицын), его выделении из других незначимых стимулов (А. Гинтон). Мотивационный компонент также положительно влияет на выраженность физиологических реакций при визуализации релевантного стимула (В.А. Варламов, Г.В. Варламов), то есть при высокой мотивации поступления на службу визуализация значимого стимула вызывает выраженную физиологическую реакцию.

Проведенный сравнительный анализ результатов контрольного (аудиального) и экспериментального (аудиовизуального либо визуального) предъявлений позволил сделать соответствующие выводы.

Визуализация стимулов факторов риска при незначимости проверочной темы в контрольном предъявлении способствует в части случаев повышению степени выраженности физиологических реакций, что объясняется появлением ассоциаций с имевшимися в прошлом опыте противоправными деяниями, а, сохранение степени выраженности физиологических реакций в зоне незначимости проверочной темы – с отсутствием ассоциаций, то есть с отсутствием противоправных деяний в прошлом опыте обследуемого.

Еще одна часть испытуемых, чьи результаты переместились в зону неопределенности проверочных тем, требует дальнейшей уточняющей работы по определению наличия / отсутствия факторов риска.

При значимости проверочной темы по результатам контрольного предъявления использование визуальных стимулов факторов риска способствует снижению степени выраженности физиологических реакций у части обследуемых по причине сформировавшегося представления, отражающего заложенный полиграфологом смысл фактора риска, исключив ассоциации, не имеющие непосредственного отношения к обследуемому и его прошлому опыту, а, сохранение степени выраженности физиологических реакций в зоне значимости проверочной темы может объясняться наличием ассоциаций, связанных с имеющимися в прошлом опыте противоправными деяниями.

Использование визуальных стимулов при неопределенности результатов физиологических реакций в контрольном предъявлении способствует получению уточняющих данных, в одном случае позволяющих констатировать отсутствие факторов риска при перемещении результатов в зону незначимости проверочной темы, в другом случае – продолжить уточняющую работу с теми обследуемыми, чьи результаты оказались значимыми.

Таким образом, можно отметить, что визуализация стимулов способствует адекватному формированию у обследуемых представлений об изучаемых темах (факторах риска) путем создания установки к восприятию заложенного смысла каждого фактора риска, тем самым способствуя нивелированию зашумляющего эффекта, то есть, устранению второстепенных ассоциаций не имеющих непосредственного отношения к испытуемому и его прошлому опыту. Следовательно, визуализация стимулов факторов риска в ряде случаев меняет степень выраженности физиологических реакций обследуемого, либо повышает степень их выраженности в связи с появлением ассоциаций с имеющимися в прошлом опыте противоправными деяниями, либо снижает их выраженность по

причине отсутствия в прошлом опыте противоправных деяний обследуемого и, следовательно, отсутствием ассоциаций.

Таким образом, можно констатировать, что, используя визуальные стимулы факторов риска, в части наблюдений мы получаем отличную от контрольного предъявления физиологическую реакцию обследуемых, в одном случае – ее увеличение, в другом – уменьшение. Следовательно, использование визуальных стимулов уточняет полученные при контрольном предъявлении результаты и определяет дальнейшую стратегию полиграфной проверки. Кроме того, использование данного инструментария позволяет еще на этапе предтестовой беседы получить значимую для полиграфолога информацию благодаря формированию адекватного изучаемой теме представления, полученного путем изучения и обсуждения с обследуемым противоправного деяния, изображенного на визуальном стимуле.

Относительно гендерного признака можно отметить, что представители мужского пола более выражено реагируют на визуальные стимулы, так как их физиологические реакции чаще подвергаются кардинальному изменению относительно значимости проверочной темы.

С целью формирования представления, адекватного изучаемой теме целесообразнее использовать аудиовизуальные стимулы, обеспечивающие поступление информации как по аудиальному, так и визуальному каналам восприятия.

На основании полученных результатов по подтверждению гипотезы в рамках данного исследования можно сформулировать ряд рекомендаций для психологов, проходящих службу в органах внутренних дел Российской Федерации и занимающихся проведением специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу.

Использование визуальных стимулов факторов риска предполагает подключение к полиграфу дополнительного монитора, который должен

располагаться перед кандидатом на расстоянии от 2 до 3 метров на уровне глаз или немного выше. Обследуемый не должен испытывать дискомфорта из-за расположения монитора.

Визуальные стимулы начинают использоваться на этапе предтестового собеседования, когда полиграфолог последовательно обсуждает с обследуемым каждый фактор риска, разъясняя, какую информацию он в себя включает. Одной из целей предтестового собеседования является достижение понимания обследуемым смысла каждой проверочной темы, то есть каждого обсуждаемого вопроса. Визуальные стимулы факторов риска на данном этапе способствуют достижению цели предтестового собеседования, так как в каждом визуальном стимуле в полном объеме отображена информация, входящая в каждый фактор риска. После разъяснения полиграфологом смысла проверочного вопроса обследуемому представляется два варианта визуальных стимулов обсуждаемого фактора риска. После внимательного визуального изучения обследуемым представленных вариантов и ответов на его уточняющие вопросы полиграфолог предлагает выбрать тот вариант, который, по мнению респондента, в большей степени передает смысл обсуждаемого вопроса. После выбора обследуемым наиболее понятного для него варианта визуального стимула полиграфолог просит объяснить сделанный выбор и задает вопрос: «Вы лично принимали участие в изображенном незаконном деянии?» После ответа обследуемого можно переходить к обсуждению следующего вопроса в аналогичном порядке. В завершение этапа предтестового собеседования у полиграфолога остается восемь визуальных стимулов факторов риска, выбранных обследуемым.

Перед следующим этапом СПФИ – тестированием на полиграфе полиграфолог с помощью имеющейся в полиграфе функции «Прикрепить фотометки» прикрепляет выбранные обследуемым визуальные стимулы факторов риска к соответствующим вопросам. Далее, в процессе проведения тестирования, когда полиграфолог задает вопрос, одновременно на дополнительном мониторе появляется соответствующий визуальный стимул,

который исчезает после ответа обследуемого. Таким образом, информация поступает обследуемому одновременно по аудиальному и визуальному каналам восприятия.

Выводы по главе

Разработка методического материала и методики проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации осуществлялась согласно заявленной цели, поставленным задачам и выдвинутым гипотезам исследования.

Экспериментальное исследование включало проведение констатирующего эксперимента и состояло из трех этапов: формирование визуальных стимулов факторов риска путем изучения представлений сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации относительно факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения, подлежащих выявлению в процессе профессионального психологического отбора на службу в ОВД; коррекция разработанных на первом этапе визуальных стимулов факторов риска и формирование их окончательного варианта путем проведения фокусированного группового интервью полиграфологов, проходящих службу в органах внутренних дел Российской Федерации; апробирование визуальных стимулов факторов риска в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в отношении кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Анализ результатов изучения представлений сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации посредством экспликации текста (наименования) фактора риска в визуальное изображение позволил выявить

наиболее повторяющиеся смысловые единицы, послужившие основой формирования визуальных стимулов факторов риска. Визуальные изображения относительно всех факторов риска включают в себя такие смысловые единицы, как фигура человека, комментарии, линия перечеркивания, денежные купюры, атрибуты девиантной личности, стрелки, атрибуты должностного лица.

С соблюдением выработанных нами должных характеристик стимульного материала, обозначенных в первой главе диссертации, сформирован пакет восьми визуальных стимулов факторов риска, представленный несколькими вариантами каждого фактора.

Проведенный анализ результатов первого этапа исследования позволил выявить дополнительную информацию в виде наличия статистически значимых связей социально-демографических характеристик сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (возраст, стаж службы, сфера профессиональной деятельности, гендерные особенности) с изображением / не изображением ими конкретных смысловых единиц в визуальных стимулах. Полученные результаты объясняются психологическими особенностями респондентов.

Кроме того, выявлена зависимость количества смысловых единиц в визуальных факторах риска от степени абстрактности наименования фактора риска, то есть чем абстрактнее наименование фактора риска, тем труднее ее экспликация в зрительное изображение.

С учетом получения множественности визуальной интерпретации при изучении представлений сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации нами принято решение о проведении группового фокусированного интервью полиграфологов, занимающихся исследованием на полиграфе в рамках профессионального психологического отбора на службу, обладающих более глубокими, специализированными и точными знаниями по смысловому содержанию каждого фактора риска для внесения уточнений и дополнений в разработанные на первом этапе визуальные стимулы.

Анализ полученных результатов второго этапа экспериментального исследования позволил дополнить визуальные стимулы факторов риска смысловыми единицами, необходимыми для полноты изложения информации и исключить те, которые мешают объективному и адекватному восприятию изображения.

Участники фокус-группы продемонстрировали разноплановые взгляды относительно одних и тех же визуальных стимулов. У некоторых мгновенно возникала ассоциация с конкретным визуальным стимулом, а для других он не имел никакого значения без внесения дополнительных изменений. Следовательно, мы сочли правильным оставить несколько вариантов визуальных стимулов относительно каждого фактора риска, тем самым повысив возможность формирования ассоциативного ряда у разных респондентов индивидуально.

Анализ результатов первого и второго этапов исследования показал наличие зависимости между количеством визуальных интерпретаций на первом этапе и процентным соотношением к необходимости внесения коррекции образов на втором этапе.

В результате второго этапа исследования сформирован пакет универсальных, но в то же время значимых для каждого обследуемого лица визуальных стимулов факторов риска по два варианта каждого фактора.

На третьем этапе эмпирического исследования были апробированы визуальные стимулы факторов риска в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Сравнительный анализ оценочных значений физиологических реакций обследуемых на аудиальное (контрольное) и визуальное либо аудиовизуальное (экспериментальное) предъявления выявил значимые различия. Визуальные стимулы факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения позволяют уточнить полученные при

аудиальном предъявлении результаты посредством повышения или снижения степени выраженности физиологических реакций, меняющих уровень значимости проверочной темы.

Особенностью процедуры применения визуальных стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации является формирование у обследуемого представления, адекватного изучаемому фактору риска путем создания установки к восприятию заложенного полиграфологом смысла в каждом факторе риска, тем самым способствуя нивелированию зашумляющего эффекта, то есть, устранению второстепенных ассоциаций не имеющих непосредственного отношения к обследуемому и его прошлому опыту. В связи с этим визуализация стимулов факторов риска в ряде случаев меняет степень выраженности физиологических реакций обследуемого, в одном случае – способствует повышению степени выраженности физиологических реакций в связи с появлением ассоциаций с имеющимися в прошлом опыте противоправными деяниями, в другом случае – снижению степени выраженности физиологических реакций по причине отсутствия в прошлом опыте противоправных деяний обследуемого и, соответственно отсутствием ассоциаций.

Также можно констатировать, что неопределенный результат, полученный при аудиальном (контрольном) предъявлении при использовании визуальных стимулов приобретает более точные значения и тем самым обеспечивает принятие объективного решения, заключающегося либо в использовании дополнительного тестирования (при значимости темы), либо в констатации непричастности к изучаемому незаконному деянию (при незначимости темы).

Использование данного инструментария способствует не только уточнению результатов предъявления аудиальных стимулов в процессе проведения СПФИ, но и позволяет на этапе предтестовой беседы получить

значимую для полиграфолога информацию благодаря формированию адекватного изучаемой теме представления, полученного путем изучения и обсуждения с обследуемым противоправного деяния, изображенного на визуальном стимуле.

Относительно гендерного признака можно отметить, что представители мужского пола более выразительно реагируют на визуальные стимулы, так как их физиологические реакции чаще подвергаются кардинальному изменению относительно значимости проверочной темы.

На основании полученных результатов по подтверждению гипотезы в рамках данного исследования сформулирован ряд практических рекомендаций для психологов, проходящих службу в органах внутренних дел Российской Федерации и занимающихся проведением специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе рассмотрена проблема повышения эффективности профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Как мы отмечали, реалии современной действительности, сформированные под воздействием научно-технического прогресса, диктуют необходимость модернизации методов изучения лиц, желающих служить в органах внутренних дел Российской Федерации. Кроме того, анализ научной литературы свидетельствует о необходимости учета индивидуально-личностных особенностей восприятия, играющих немаловажную роль в эффективности процесса изучения кандидатов на службу.

Важнейшим этапом профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, предназначенным для выявления факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения, не совместимых с прохождением службы, является специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа. Именно этот этап служит своеобразным фильтром, предназначенным для недопущения к службе лиц, причастных к незаконным деяниям, поэтому требует как особого мастерства и профессионализма со стороны полиграфолога, так и современных подходов к проведению исследования. Проблеме совершенствования этапа специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, повышению объективности его результатов было посвящено проведенное исследование.

Прежде всего в диссертационной работе было уточнено понятие лжи и дано определение для понимания его значения в рамках специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. С этой целью проведен анализ научной литературы, освещающей данную проблематику. Мы

установили, что ложь – акт межличностной коммуникации, выражающийся в сознательном сокрытии обследуемым лицом информации, хранящейся в памяти, с целью получения личной выгоды в виде приема на службу. Хранящейся в памяти потому, что специалист изучает именно хранящуюся в памяти человека информацию, которая может не соответствовать по причине добросовестного заблуждения или нормального обмана воспоминаний имевшей место действительности. При этом сокрытие в рамках специального психофизиологического исследования с применением полиграфа связано с тем, что все ответы обследуемого лица на этапе тестирования должны быть либо «да», либо «нет», следовательно, произнося «нет», а думая «да», лицо сознательно скрывает информацию.

В ходе исследования проведен анализ эффективности использования инструментальных и неинструментальных методов выявления скрываемой информации. Рассмотрены преимущества метода специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, обозначена его высокая результативность, а также многогранность, включающая в себя анализ многочисленных информативных источников, исходящих от обследуемого. Определена роль полиграфолога, оценивающего ситуацию в целом, и полиграфа, предназначенного для фиксации физиологических реакций обследуемого при предъявлении стимулов.

Большое внимание уделено теоретической составляющей специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. Проведенная классификация теоретических воззрений, существующих в научной литературе, показала бесперспективность в связи с однобокостью и узконаправленностью однокомпонентных теорий и перспективность мультикомпонентных теорий, всесторонне изучающих многочисленные составляющие процесса появления выраженных физиологических реакций на предъявление релевантного стимула. На основании проведенного анализа нами был сделан вывод о том, что принцип работы полиграфа можно объяснить только через интеграцию и сочетание

научных теорий, что образует комплексный подход к изучению этой проблематики. Результат восприятия, по нашему мнению, может рассматриваться как пусковой механизм к появлению реакций. Поэтому проблеме восприятия отведена значительная часть работы.

Рассмотрены результаты исследований разных областей науки, направленные на изучение внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на результат восприятия. Проведенный в ходе работы над диссертацией анализ научной литературы позволил констатировать, что существуют индивидуально-личностные особенности людей, позволяющие более качественно обрабатывать определенный вид стимула. Проведен анализ взаимосвязи индивидуальных особенностей восприятия и необходимости использования визуальной информации при проведении профессионального психологического отбора кандидатов на службу. Так, в процессе проведения исследования отмечено наличие индивидуально-личностных особенностей восприятия людей, позволяющих более качественно обрабатывать определенный вид информации. Кроме того, от состояния окружающей действительности зависит доминирование тех или иных каналов восприятия.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что использование визуальных стимулов в процессе проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации отразится на результате восприятия посредством задействования визуальной репрезентативной системы. В связи с этим были разработаны визуальные стимулы факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения для многотемного скрининга специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках проведения профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Разработка и формирование универсальных визуальных стимулов факторов риска осуществлялись путем изучения представлений сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации посредством экспликации текста (наименования) факторов риска в визуальные изображения.

Разработанный нами метод обработки результатов изучения социальных представлений сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации – частотный анализ смысловых единиц изображений позволил распределить смысловые единицы по факторам риска. На основе наиболее часто повторяющихся смысловых единиц сформированы визуальные стимулы факторов риска с учетом основных законов восприятия и должных характеристик визуального материала.

На этапе обработки результатов изучения представлений сотрудников органов внутренних дел в качестве дополнительной информации, требующей дальнейшего научного внимания, выявлены статистически значимые связи социально-демографических характеристик сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с изображением / не изображением ими конкретных смысловых единиц. Полученная информация позволила сформировать визуальные стимулы, имеющие универсальный характер, но в то же время значимые для каждого обследуемого лица.

Кроме того, в процессе анализа отмечено, что чем абстрактнее наименование фактора риска, тем большее количество смысловых единиц содержится в визуальном стимуле, а чем понятнее наименование фактора риска, тем меньшее количество смысловых единиц он содержит.

В рамках проведения констатирующего эксперимента исследования выявлена особенность процедуры применения визуальных стимулов факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в многотемном скрининге специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, заключающаяся в формировании у

обследуемого представления, адекватного изучаемому фактору риска, что ведет в ряде случаев к повышению степени выраженности физиологических реакций в связи с появлением ассоциаций с имеющимися в прошлом опыте противоправными деяниями, в других случаях – к снижению степени выраженности физиологических реакций по причине отсутствия в прошлом опыте противоправных деяний обследуемого и, соответственно, отсутствием ассоциаций.

Также можно констатировать, что визуализация стимулов при неопределенном результате в аудиальном предъявлении в ряде случаев способствует получению более точных значений, тем самым обеспечивая принятие объективного решения об использовании дополнительного тестирования (при значимости темы), либо о констатации непричастности к изучаемому незаконному деянию (при незначимости темы).

Таким образом, использование визуальных стимулов факторов риска уточняет полученные при аудиальном предъявлении результаты и тем самым определяет дальнейшую стратегию полиграфной проверки. Помимо этого, использование данного инструментария позволяет еще на этапе предтестовой беседы получить значимую для полиграфолога информацию благодаря формированию адекватного изучаемой теме представления, полученного путем изучения и обсуждения с обследуемым противоправного деяния, изображенного на визуальном стимуле.

Итак, в ходе проведенного исследования были решены все задачи, направленные на достижение цели. Результат эмпирического исследования подтверждает выдвинутые гипотезы.

На основании полученных результатов по подтверждению гипотез в рамках данного исследования сформулирован ряд рекомендаций для полиграфологов территориальных органов и образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, осуществляющих профессиональный психологический отбор на службу.

В перспективе целесообразно проведение специального психофизиологического исследования с применением полиграфа с интерпретацией полученных значений вероятностей значимости факторов риска и фиксацией вывода окончательного заключения с целью анализа связи применения визуальных стимулов факторов риска и принятия окончательного решения; разработка методического инструментария, включающего визуальные стимулы тем, подлежащих изучению в процессе перемещения сотрудников на другие должности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации; изучение зависимости от различных видов стимулов результата восприятия с целью использования полученных данных в уголовном судопроизводстве путем создания технического верификационного комплекса¹.

¹ Арефьева О. В., Соловьева Н. А. Указ. соч. С. 70–78.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.; по состоянию на 1 июля 2020 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ ; по состоянию на 1 мая 2023 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 3.

3. О государственной тайне : [закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 ; по состоянию на 4 авг. 2023 г.] // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. – 1993. – № 38. – Ст. 1480.

4. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : [федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ ; по состоянию на 12 марта 2024 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 49. – Ч. I. – Ст. 7020.

5. Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации : [постановление Правительства Рос. Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 ; по состоянию на 6 марта 2015 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 50. – Ч. VI. – Ст. 7075.

6. Методические рекомендации ДГСК МВД России по проведению психологического обследования сотрудников, перемещаемых по службе на другие должности в системе МВД России : [от 16 декабря 2019 г. № 21/8/1564]. – Документ официально опубликован не был.

II. Монографии, книги

7. Александров, Ю. И. Основы психофизиологии / Ю. И. Александров. – Москва : Инфра-М, 1997. – 430 с.

8. Алексеев, Л. Г. Психофизиология детекции лжи. Методология / Л. Г. Алексеев. – Москва : Мастерская прикладной психофизиологии, 2011. – 108 с.

9. Ананьев, Б. Г. Психология чувственного познания / Б. Г. Ананьев. – Москва : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. – 486 с.

10. Анисимова, Н. Н. Особенности визуальной психодиагностики личности террориста. Обнаружение криминального искажения информации / Н. Н. Анисимова. – Домодедово : Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2006. – 79 с.

11. Анохин, П. К. Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – Москва : Наука, 1978. – 400 с.

12. Барабанщиков, В. А. Айттрекинг. Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике / В. А. Барабанщиков, А. В. Жегалло. – Москва : Когито-центр, 2014. – 128 с.

13. Барабанщиков, В. А. Системогенез чувственного восприятия / В. А. Барабанщиков. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 2011. – 550 с.

14. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва : Прогресс, 1994. – 615 с.

15. Белановский, С. А. Метод фокус-групп / С. А. Белановский. – Москва : Магистр, 1996. – 272 с.

16. Бианки, В. Л. Механизмы парного мозга / В. Л. Бианки. – Ленинград : Наука, 1989. – 262 с.

17. Блейк, Р. Восприятие / Р. Блейк, Р. Секулер. – Бостон : Макгроу-Хилл, 2006. – 625 с.

18. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – Москва : Изд-во Московского государственного университета, 1982. – 199 с.
19. Брагина, Н. Н. Функциональные асимметрии человека / Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. – Москва : Медицина, 1988. – 237 с.
20. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1896. – 922 с.
21. Брунер, Дж. С. Психология познания / Дж. С. Брунер. – Москва : Прогресс, 1977. – 412 с.
22. Будук-оол, Л. К. Функциональная асимметрия мозга и обучение: этнические особенности / Л. К. Будук-оол. – Москва : Академия естествознания, 2010. – 142 с.
23. Булюбаш, И. Д. Руководство по гештальт-терапии / И. Д. Булюбаш. – Москва : Психотерапия, 2011. – 765 с.
24. Варламов, В. А. Психофизиология полиграфных проверок / В. А. Варламов, Г. В. Варламов. – Краснодар : ГУВД Краснодарского края, 2000. – 239 с.
25. Величковский, Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания / Б. М. Величковский. – Москва : Юрайт, 2024. – 783 с.
26. Величковский, Б. М. Психология восприятия / Б. М. Величковский, В. П. Зинченко, А. Р. Лурия. – Москва : Изд-во Московского университета, 1973. – 245 с.
27. Гельмгольц, Г. О зрении человека / Г. Гельмгольц. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2010. – 182 с.
28. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск : Харвест, 1998. – 554 с.
29. Гордиевских, В. М. Технические средства обучения / В. М. Гордиевских, Д. В. Петухов. – Шадринск : Шадринский государственный педагогический институт, 2006. – 152 с.

30. Грачев, Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. Грачев, И. Мельник. – Москва : Институт философии Российской академии наук, 1999. – 230 с.
31. Губский, Е. Ф. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский. – Москва : Инфра-М, 2004. – 568 с.
32. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – Москва : Эксмо, 2006. – 575 с.
33. Данилова, Н. Н. Физиология высшей нервной деятельности / Н. Н. Данилова, А. Л. Крылова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 478 с.
34. Джемс, В. Научные основы психологии / В. Джемс. – Санкт-Петербург : Электротечатня, 1902. – 374 с.
35. Дюпра, Ж. Ложь / Ж. Дюпра. – Саратов : Новь. П. С. Феокритова, 1905. – 114 с.
36. Зинченко, В. П. Формирование зрительного образа / В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилес. – Москва : Изд-во Московского государственного университета, 1969. – 107 с.
37. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта. / И. А. Ильин. – Москва : Русская книга, 2002. – 587 с.
38. Иовчук, М. Т. Краткий очерк истории философии / М. Т. Иовчук, Т. И. Ойзерман, И. Я. Щипанов. – Москва : Мысль, 1981. – 928 с.
39. Кавецкий, И. Т. Социальная психология / И. Т. Кавецкий, С. А. Беляев. – Минск : Минский инновационный университет, 2009. – 267 с.
40. Кандинский, В. О духовном в искусстве / В. Кандинский. – Ленинград : Ленинградский областной совет профессиональных союзов, 1989. – 69 с.
41. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – Москва : Наука, 1980. – 709 с.
42. Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. – 176 с.

43. Колкова, М. К. Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам / М. К. Колкова. – Санкт-Петербург : КАРО, 2007. – 286 с.
44. Коровин, В. В. Как распознать лжеца и ложь / В. В. Коровин. – Москва : Перо, 2021. – 234 с.
45. Коротаева, Э. И. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Э. И. Коротаева, Л. В. Омелянович-Павленко. – Т. 6. – Москва ; Ленинград : АН СССР. Институт русского языка, 1957. – 1460 с.
46. Корсакова, Н. К. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников / Н. К. Корсакова, Ю. В. Микадзе, Е. Ю. Балашов. – Москва : Российское педагогическое агентство, 1997. – 123 с.
47. Котик, Б. С. К вопросу о механизмах латеральных различий в слуховом восприятии / Б. С. Котик. – Москва : Изд-во Московского университета, 1975. – 137 с.
48. Крысин, Л. П. Академический толковый словарь русского языка / Л. П. Крысин. – Т. 1 : А–Вилять. – Москва : Изд. дом «Языки славянской культуры», 2016. – 672 с.
49. Линдгрэн, Н. Органы чувств животных и их электронные аналоги / Н. Линдгрэн. – Москва : Электроника, 1962. – 87 с.
50. Липманн, О. Ложь в праве / О. Липманн, Л. Адам. – Харьков : Юридическое изд-во Украины, 1929. – 47 с.
51. Лурия, А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 320 с.
52. Люшер, М. Цвет вашего характера / М. Люшер. – Москва : РИПОЛ классик, 1997. – 236 с.
53. Марютина, Т. М. Введение в психофизиологию / Т. М. Марютина, О. Ю. Ермолаев. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Флинта, 2001. – 400 с.
54. Мелитан, К. Психология лжи / К. Мелитан. – Москва : А. Сомов, 1903. – 30 с.

55. Мозер, К. Психология маркетинга и рекламы / К. Мозер. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 380 с.
56. Моррис, Д. Библия языка телодвижений / Д. Моррис. – Москва : Эксмо, 2010. – 672 с.
57. Надирашвили, Ш. А. Психологическая природа восприятия / Ш. А. Надирашвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1976. – 256 с.
58. Нейропсихология индивидуальных различий / Е. Д. Хомская [и др.]. – Москва : Российское педагогическое агентство, 1997. – 281 с.
59. Образцов, В. А. Криминалистическая психология. Методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений / В. А. Образцов, С. Н. Богомолова. – Москва : Юнити-Дана ; Закон и право, 2002. – 273 с.
60. Оглоблин, С. И. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс / С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов. – Ярославль : Ньюанс, 2004. – 464 с.
61. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – Москва : Азбуковник, 1999. – 939 с.
62. Павлов, И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга / И. П. Павлов. – Москва : Изд-во и 1-я типография Академии наук СССР, 1949. – 475 с.
63. Пеленицын, А. Б. Современные технологии применения полиграфа / А. Б. Пеленицын, А. П. Сошников. – Москва : Центр прикладной психофизиологии, 2015. – 221 с.
64. Перлз, Ф. Теория гештальттерапии / Ф. Перлз. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2004. – 377 с.
65. Петровская, Е. В. Теория образа / Е. В. Петровская. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет ; Институт философии РАН, 2010. – 281 с.
66. Пирс, Ч. С. Символы, сигналы, шумы. Закономерности и процессы передачи информации / Ч. С. Пирс. – Москва : Мир, 1967. – 334 с.

67. Поварнин, С. Спор: О теории и практике спора / С. Поварнин. – Петроград : О. Богданова, 1918. – 110 с.
68. Потапова, Р. К. Язык, речь, личность / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. – Москва : Изд. дом «Языки славянской культуры», 2006. – 496 с.
69. Прангишвили, А. С. Психологические исследования / А. С. Прангишвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1976. – 340 с.
70. Ратинов, А. Р. Юридическая психология / А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова. – Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 1998. – 124 с.
71. Романова, Н. М. Психология лжи / Н. М. Романова. – Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2017. – 68 с.
72. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 720 с.
73. Русалов, В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий / В. М. Русалов. – Москва : Наука, 1979. – 352 с.
74. Савина, Е. А. Введение в психологию / Е. А. Савина. – Москва : Прометей, 1998. – 247 с.
75. Сахнова, Т. В. Зачем суду психолог? (О психологической экспертизе в гражданском процессе) / Т. В. Сахнова. – Москва : Знание, 1990. – 95 с.
76. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации в 2022 году : сборник аналитических и информационных материалов. – Москва : Главное управление по работе с личным составом МВД России, 2023. – 77 с.
77. Семенова, В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / В. В. Семенова. – Москва : Добросвет, 1998. – 292 с.
78. Сеченов, И. М. Избранные произведения / И. М. Сеченов. – Т. I : Физиология и психология. – Москва : Академия наук СССР, 1952. – 776 с.

79. Соколова, Е. Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии / Е. Т. Соколова. – Москва : Изд-во Московского университета, 1976. – 128 с.
80. Соловьев, В. Оправдание добра / В. Соловьев. – Москва : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012. – 648 с.
81. Сорокова, М. Г. Математические методы в психолого-педагогических исследованиях / М. Г. Сорокова. – Москва : Неолит, 2020. – 216 с.
82. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1999. – 425 с.
83. Сошников, А. П. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы / А. П. Соссюр, А. Б. Пеленицын. – Москва : Эксмо, 2009. – 239 с.
84. Спирица, Е. В. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца / Е. В. Спирица. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 272 с.
85. Страусс, А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
86. Субботский, Е. В. Строящееся сознание / Е. В. Субботский. – Москва : Смысл, 2007. – 422 с.
87. Суходольский, Г. В. Основы математической статистики для психологов / Г. В. Суходольский. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 1998. – 464 с.
88. Тюрин, Д. В. Маркетинговые исследования / Д. В. Тюрин. – Москва : Юрайт, 2019. – 342 с.
89. Узнадзе, Д. Н. Общая психология / Д. Н. Узнадзе. – Москва : Смысл, 2004. – 412 с.
90. Ухтомский, А. А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. А. Ухтомский. – Ленинград : Изд-во Ленинградского государственного ордена Ленина университета, 1945–1962 (тип. «Печатный двор»), 1954. – Т. 5. – 231 с.

91. Фрай, О. Детекция лжи и обмана / О. Фрай. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2005. – 106 с.

92. Фрай, О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи / О. Фрай. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2006. – 284 с.

93. Холодная, М. А. Когнитивные стили о природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – Москва [и др.] : Питер, 2004. – 384 с.

94. Холодный, Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность: справочная информация и рекомендации / Ю. И. Холодный. – Москва : Изд. дом «Мир безопасности», 1998. – 95 с.

95. Школьник, Л. С. Язык улицы / Л. С. Школьник, Е. Ф. Тарасов. – Москва : Наука, 1977. – 62 с.

96. Шютц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шютц. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 1054 с.

97. Экман, П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / П. Экман. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 196 с.

III. Статьи

98. Абрамовский, А. А. Методологические основы профайлинга / А. А. Абрамовский // Вестник Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. – Серия : Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 2. – С. 16–24.

99. Алишев, Б. С. Понятие представление в современной психологии / Б. С. Алишев // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – Т. 156, № 6. – С. 141–154.

100. Арефьева, О. В. Восприятие визуальных стимулов обследуемым в рамках специального психофизиологического исследования с применением полиграфа / О. В. Арефьева // Прикладная юридическая психология. – 2023. – № 1 (62). – С. 84–94.

101. Арефьева, О. В. Научные подходы исследования на полиграфе кандидатов на службу в ОВД / О. В. Арефьева // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя) : VI Международная конференция, 9–10 июня 2022 г. : сборник научных трудов / сост. В. Н. Дружинина, Д. В. Русецкая. – Москва : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. – С. 30–36.

102. Арефьева, О. В. Некоторые аспекты истории становления и развития методологии выявления лжи / О. В. Арефьева // Профессионализм и безопасность: состояние и перспективы востребованности достижений психологии : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2022 г. / под ред. В. М. Позднякова, В. Е. Петрова. – Москва : Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. – С. 39–44.

103. Арефьева, О. В. Основания для психофизиологических исследований кандидатов на службу в органы внутренних дел с применением полиграфа / О. В. Арефьева, И. В. Гайдамашко // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27, № 4 (91). – С. 446–456.

104. Арефьева, О. В. Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа как средство профилактики следственных ошибок / О. В. Арефьева, Н. А. Соловьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 2 (45). – С. 70–78.

105. Арефьева, О. В. Психологические основы формирования визуальных стимулов для проведения полиграфного исследования кандидатов на службу / О. В. Арефьева // Педагогика и психология: академический журнал. – 2023. – № 2 (2). – С. 56–61.

106. Арефьева, О. В. Современные подходы к выявлению скрываемой информации / О. В. Арефьева // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 140–150.

107. Арефьева, О. В. Социальные представления сотрудников полиции о визуальных образах факторов риска общественно опасного поведения / О. В. Арефьева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 3 (101). – С. 126–135.

108. Арефьева, О. В. Теоретические подходы к определению лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации / О. В. Арефьева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 215–225.

109. Арефьева, О. В. Формирование визуальных факторов риска для проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа О. В. Арефьева // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023) : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 г. / под ред. Ю. А. Шаранова, В. Л. Ситникова ; сост.: И. Ю. Кобозев [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 57–64.

110. Брудный, А. А. Понимание как философско-психологическая проблема / А. А. Брудный // Вопросы философии. – 1975. – № 10. – С. 109–117.

111. Бызова, В. М. Влияние полезависимости-полenezависимости на процесс преодоления неопределенных визуальных стимулов / В. М. Бызова, Е. И. Перикова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 396. – С. 178–182.

112. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия : сборник статей. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 44–87.

113. Васильев, В. В. Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь / В. В. Васильев // Логос. – 2008. – № 5 (68). – С. 144–150.

114. Волкова, К. Э. Влияние цвета на эмоциональный фон и психологию человека / К. Э. Волкова, Ю. В. Бартенева // Коллекция гуманитарных исследований. – 2020. – № 1 (22). – С. 13–16.

115. Грибер, Ю. А. Цвет как инструмент управления эмоциями в публикациях о пандемии COVID-19 в русскоязычных онлайн-СМИ / Ю. А. Грибер, Е. Е. Сухова // Мониторинг общественного мнения. – 2020. – № 6 (160). – С. 307–327.

116. Гуревич, Б. Х. Роль проприоцепции в механизмах глазодвигательного рефлекса и в работе зрительного анализатора у человека / Б. Х. Гуревич // Физиологический журнал СССР. – 1959. – Т. 45, № 11. – С. 1308–1316.

117. Девишвили, В. М. Способность распознавать скрываемую информацию / В. М. Девишвили, А. В. Белинский, М. О. Мдивани // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 269–271.

118. Дорофеев, Д. Ю. Образ человека и визуализация политической коммуникации в эпоху постмодерна / Д. Ю. Дорофеев, В. Н. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36. – Вып. 4. – С. 687–699.

119. Дупак, А. А. Личностные детерминанты склонности ко лжи / А. А. Дупак // Молодой ученый. – 2013. – № 3. – С. 430–433.

120. Жбанкова, О. В. Применение айтрекинга в практике профессионального отбора кадров / О. В. Жбанкова, В. Б. Гусев // Экспериментальная психология. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 156–165.

121. Знаков, В. В. Классификация психологических признаков истинных и неистинных сообщений в коммуникативных ситуациях / В. В. Знаков // Психологический журнал. – 1999. – № 2. – С. 54–64.

122. Знаков, В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания / В. В. Знаков // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 9–16.

123. Изучение нейрокогнитивных процессов в парадигме сокрытия информации / Ю. И. Холодный, Д. Г. Малахов, В. А. Орлов [и др.] // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 17–39.

124. Исайчев, Е. С. Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи» / Е. С. Исайчев, С. А. Исайчев // Мир психологии. – 2016. – Т. 88, № 4. – С. 202–214.

125. Коган, А. И. Роль компенсации в работе сенсорно-двигательного аппарата / А. И. Коган // Проблемы физиологической оптики. – 1967. – Т. 14. – С. 61–76.

126. Корж, Н. Н. Денотативные значения цветоименований / Н. Н. Корж, И. В. Пенова, О. В. Сафуанова // Психологический журнал. – 1991. – Т. 12, № 4. – С. 69–79.

127. Крогиус, Н. В. Правда о лжи: проблема рефлексии / Н. В. Крогиус // Известия Саратовского университета. – 2009. – Т. 9, № 5 (68). – С. 105–110.

128. Левинсон, А. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) / А. Левинсон, О. Стучевская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – № 1 (63). – С. 46–55.

129. Лурия, А. Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле / А. Лурия // Советское право. – 1927. – № 2 (26). – С. 84–100.

130. Лыкова, О. В. Акустические признаки наличия лжи в высказываниях / О. В. Лыкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 15 (754). – С. 144–165.

131. Майлис, Н. П. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа / Н. П. Майлис, Ю. И. Холодный // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 1 (31). – С. 147–152.

132. Маклеод, С. С. Асимметрия ЭЭГ, связанная с задачами: влияние возраста и способностей / С. С. Маклеод, Л. Дж. Пикок // Психофизиология. – 1977. – № 14 (3). – С. 308–311.

133. Михайлова, М. Г. Нейроны правой и левой префронтальных областей коры мозга крыс и стимуляция эмоциональных зон / М. Г. Михайлова, М. И. Зайченко // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1998. – № 48 (3). – С. 431–437.

134. Морозов, В. П. Искренность-неискренность говорящего и «психологический детектор лжи» / В. П. Морозов, П. В. Морозов // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, № 5. – С. 54–67.

135. Москвин, В. А. Межполушарная асимметрия и индивидуальные стили эмоционального реагирования / В. А. Москвин // Вопросы психологии. – 1988. – № 6. – С. 116–120.

136. Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания / Г. Е. Введенский, Ф. С. Сафуанов, М. Ю. Каменсков [и др.] // Российский психиатрический журнал. – 2011. – № 5. – С. 31–36.

137. Орлова, Н. А. Гендерные аспекты самоубийств / Н. А. Орлова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 20. – С. 35–37.

138. Пеленицын, А. Б. Так что же все-таки определяет полиграф? / А. Б. Пеленицын, А. П. Сошников, О. В. Жбанкова // Вестник криминалистики. – Вып. 2 (38). – 2011. – С. 7–11.

139. Пирс, Ч. С. Что такое знак / Ч. С. Пирс // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3 (7). – С. 88–95.

140. Плебанек, О. В. К вопросу о структуре ментальности / О. В. Плебанек // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 51–53.

141. Подвигина, Д. Н. Эффект знакомства в распознавании лиц и слов: ЭЭГ-исследование / Д. Н. Подвигина, В. К. Прокопеня // Современные технологии в медицине. – 2019. – № 1. – С. 76–82.

142. Позняков, В. П. Представления о партнерстве мужчин и женщин, состоящих в добрачных отношениях и в зарегистрированном браке / В. П. Позняков, Ю. М. Панфилова // Вестник Московского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 53–68.

143. Прохорова, Е. А. О классификации шрифтов и их функциях / Е. А. Прохорова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 13 (228). – С. 166–170.

144. Птахина, Ю. А. Вклад грузинской школы в изучение установки / Ю. А. Птахина, Е. А. Черенева // Наука и современность. – 2011. – № 14. – С. 136–140.

145. Рогожникова, Т. М. Доминантные модальности восприятия и их динамика / Т. М. Рогожникова, А. И. Навалихина // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16, № 2. – С. 469–473.

146. Романенко, В. Ю. Психофизиологический метод выявления скрываемой информации с использованием полиграфа в целях кадрового отбора: вопросы истории, теории и практики / В. Ю. Романенко // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 1 (32). – С. 73–77.

147. Сафуанов, Ф. С. Взаимосвязь темперамента с особенностями физиологического реагирования при исследовании с применением полиграфа / Ф. С. Сафуанов, В. В. Никитин // Юридическая психология. – 2023. – № 3. – С. 8–11.

148. Свободный, Ф. К. Некоторые проблемы исследований на полиграфе в рамках оперативно-розыскной деятельности / Ф. К. Свободный // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24, № 4 (79). – С. 375–382.

149. Симоненко, С. И. Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений / С. И. Симоненко // Вестник Московского государственного университета. – 1996. – № 1. – С. 60–61.

150. Симонов, П. В. О роли эмоций в приспособительном поведении живых систем / П. В. Симонов // Вопросы психологии. – 1965. – № 4. – С. 75–84.

151. Служаева, В. Ю. Гендерная мотивация психологии лжи в подростковом и юношеском возрасте / В. Ю. Служаева // Вестник магистратуры. – 2014. – Т. 1, № 3 (30). – С. 105–109.

152. Соколов, Е. Н. Принцип векторного кодирования в психофизиологии / Е. Н. Соколов // Вестник Московского государственного университета. – Серия 14 : Психология. – 1995. – № 4. – С. 3–13.

153. Ульянина, О. А. Визуализация стимулов скринингового теста специального психофизиологического исследования с применением полиграфа / О. А. Ульянина, О. В. Арефьева // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов : интеграция теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 октября 2021 г. / под общ. ред. А. С. Душкина, Н. Ф. Гейжан ; сост.: А. В. Демидов, М. Г. Барина, Ю. А. Новикова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 342–347.

154. Филипченко, В. А. Фокус-группа как метод маркетинговых исследований / В. А. Филипченко // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 9 января 2020 г. – Магнитогорск: ОМЕГА САЙНС, 2020. – С. 262–264.

155. Хамзин, С. Р. Реферативный обзор статьи Р. Нельсона «Научное обоснование исследований на полиграфе» / С. Р. Хамзин // Юридическая психология. – 2016. – № 3. – С. 36–40.

156. Хлоповских, Ю. Г. К вопросу о методолого-теоретических основах психофизиологического обследования с помощью полиграфа / Ю. Г. Хлоповских // Современные проблемы гражданской защиты. – 2018. – № 3 (28). – С. 43–47.

157. Холодный, Ю. И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья вторая) / Ю. И. Холодный // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 2. – С. 119–125.

158. Холодный, Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы / Ю. И. Холодный // Вестник криминалистики. – 2005. – Вып. 1 (13). – С. 39–48.

159. Чахоян, А. С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика / А. С. Чахоян // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8, № 2. – С. 74–79.

160. Шалютин, Б. С. Человек лгущий / Б. С. Шалютин // Человек. – 1996. – № 5. – С. 151–159.

161. Шитикова, Е. В. Типы мышления студентов вуза с разным научным потенциалом / Е. В. Шитикова // Научные ведомости. – Серия : Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 22, № 13 (184). – С. 321–326.

162. Шмакова, Л. А. Некоторые показатели структуры личности во взаимосвязи с тестом на аплодирование / Л. А. Шмакова, С. Е. Волошенко // Проблемы нейрокибернетики. – 1983. – С. 88–93.

163. Штерн, В. Психология свидетельских показаний. Экспериментальные исследования верности воспоминания / В. Штерн // Вестник права. – 1902. – № 2. – С. 107–133. – № 3. – 120–149.

IV. Диссертации, авторефераты диссертаций

164. Беловол, Е. В. Проявление свойств темперамента в акустических характеристиках речи : автореферат диссертации ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Беловол Елена Владимировна. – Москва, 1999. – 26 с.

165. Долгополова, О. А. Межполушарная организация вербальной памяти на модели узнавания в норме и патологии : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.04 / Долгополова Ольга Александровна. – Москва, 1990. – 226 с.

166. Кочюнас, Р.-А. Б. Исследование факторов проявления перцептивной асимметрии : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Кочюнас Римантас-Антанас Броневич. – Вильнюс, 1984. – 180 с.

167. Поповичев, С. В. Взаимосвязь потребности в безопасности субъекта и вероятности распознавания лжи в опросе с применением полиграфа : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Поповичев Сергей Владимирович. – Москва, 2011. – 184 с.

168. Фишман, М. Н. Интегративная деятельность мозга детей в норме и при отклонениях в умственном развитии : автореферат диссертации ... доктора биологических наук : 03.00.13 / Фишман Марина Натановна. – Москва, 1988. – 42 с.

V. Электронные ресурсы

169. Биттл, Дж. Углубленное исследование попыток распознать обман на основе искусственного интеллекта / Дж. Биттл. – 2020. – URL: <http://www.technologyreview.com/2020/03/13/905323/ai-lie-detectors-polygraph-silent-talker-iborderctrl-converus-neuroid/> (дата обращения: 20.12.2021).

170. Дюпра, Ж. Почему люди врут? [Звукозапись]: психосоциология лжи / Ж. Дюпра. – Москва : Ардис, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-DA): зв. диск: (274 мин.).

171. Когда текста недостаточно. – URL: <https://syml.cc/ru/1F489/> (дата обращения: 20.12.2021).

172. Об утверждении Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан : приказ МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.04.2024).

173. Педагогический терминологический словарь. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2006. – URL: <https://rus-pedagogical-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 20.12.2021).

174. Пеленицын, А. Б. Детекторы лжи по голосу / А. Б. Пеленицын, А. А. Степанов. 2013. – URL: <https://www.polygraph-club.ru/f/showthread.php> (дата обращения: 21.12.2021).

175. Юматов, Е. А. Объективная регистрация психической деятельности мозга человека на основе вейвлетного анализа электроэнцефалограммы / Е. А. Юматов, Л. Т. Сушкова // Биология и интегративная медицина. – 2024. – № 3 (68). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-registratsiya-psihicheskoydeyatelnosti-mozga-cheloveka-na-osnove-veyvletnogo-analiza- elektroentsefalogrammy> (дата обращения: 11.04.2024).

VI. Иностранные источники

176. Adams, H. F. Advertising and its mental laws (erste Auflage 1916) / H. F. Adams. – New York: Macmillan, 1920. – 356 p.

177. A meta-analysis of sex differences in human brain structure / A. N. V. Ruigrok [et al.] // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. – 2014. – Vol. 39. – P. 34–50.

178. Anzai, A. Neurons in monkey visual area V2 encode combinations of orientations / A. Anzai, X. Peng, D. C. Van Essen // Nature Neuroscience. – 2007. – Vol. 10, № 10. – P. 1313–1321.

179. Barland, G. H. Detection of deception / G. H. Barland, D. C. Raskin // Electrodermal activity in psychological research. – 1973. – 446 p.

180. Barry, R. J. Preliminary process theory: towards an integrated account of the psychophysiology of cognitive processes / R. J. Barry // Acta Neurobiologiae Experimentalis. – 1996. – Vol. 2. – P. 87–98.

181. Ben-Shakhar G. Theories and applications in the detection of deception: A psychophysiological and international perspective / G. Ben-Shakhar, J. Furedy. – New York : Springer-Verlag, 1990. – 169 p.

182. Ben-Shakhar, G. The dichotomization theory for differential autonomic responsivity reconsidered / G. Ben-Shakhar, I. Lieblich // Psychophysiology. – 1982. – Vol. 19. – P. 277–281.

183. Bernhard, U. Die Bedeutung und Verwendung der Blickregistrierung fuer den Pretest / U. Bernhard // In K. D. Hartmann & K. Koepler (Hrsg.), Fortschritteder

Marktpsychologie. – Frankfurt a. M.: Fachbuchhandlung fuer Psychologie, 1977. – P. 169–186.

184. Borland, G. H. Detection of deception / G. H. Borland, D. C. Raskin // *Electrodermal activity in psychological research.* – New York : Acad. Press, 1973. – 502 p.

185. Bruner J. S. On the perception of incongruity: a paradigm / J. S. Bruner, L. Postman // *Journal of Personality.* – 1949. – Vol. 18. – P. 206–223.

186. Conway, M. A. Writing and long-term memory: evidence for a «translation hypothesis» / M. A. Conway // *Quarterly Journal of Experimental Psychology.* – 1990. – 42A. – P. 513–527.

187. DePaulo, P. Sample size for qualitative research / P. DePaulo // *Quirk: Marketing Research Review.* – 2000. – № 12. – P. 181–187.

188. Elbracht, D. Erkennbarkeit und Lesbarkeit von Schriften für Zeitungs- und Zeitschriftensatz / D. Elbracht // *ZV – ZV, Organ für Presse und Werbung.* – 1969. – Vol. 47. – P. 24–32.

189. Fisher, R. P. Investigative utility of the Cognitive Interview: Describing and finding perpetrators / R. P. Fisher, G. E. Satin // *Law Hum Behav.* – 2019. – Vol. 43. – P. 491–506.

190. Frey, K. P. Vividness can undermine the persuasiveness of messages / K. P. Frey, A. H. Eagly // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1993. – Vol. 65. – № 1. – P. 32–44.

191. Geschlechtsunterschiede in der Gehirnstruktur in den Hör- und Hüftbereichen / C. C. Brun [et al.] // *NeuroReport.* – 2009. – P. 930–935.

192. Gordon, H. B. Reliability of Polygraph Chart Evaluations / H. B. Gordon // *Polygraph.* – 1972. – № 1 (4). – P. 192–207.

193. Hadley, H. D. How readership is affected by size of an advertisement / H. D. Hadley // *Advertising Agency,* 1950. – 518 p.

194. Heslegrave, R. An examination of the psychological mechanisms underlying deception / R. Heslegrave // *Psychophysiology.* – 1982. – Vol. 19. – P. 285–293.

195. Jacobi, H. Werbepsychologie: Ganzheits- und gestaltpsychologische Grundlagen der Werbung / H. Jacobi. – Wiesbaden : Gabler, 1972. – 140 p.
196. Janis, I. L. Effects of fear arousing communication / I. L. Janis, S. Feshbach // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1953. – Vol. 48, № 1. – P. 78–92.
197. Keller, P. A. Increasing the persuasiveness of fear appeals: The effect of arousal and elaboration / P. A. Keller, L. G. Block // Journal of Consumer Research. – 1996. – Vol. 22, № 4. – P. 448–459.
198. Kimura, D. Sex differences in intrahemispheric organization of speech / D. Kimura // Behavior. Brain Sciences. – 1980. – Vol. 3. – P. 240–241.
199. Kircher, J. C. Psychophysiological and Ocular – motor Detection of Deception / J. C. Kircher, D. C. Raskin // University of Utah, 2016. – Vol. 10, № 4. – P. 159–172.
200. Kleiner, M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal. Handbook of Polygraph Testing / M. Kleiner. – San Diego: Academic Press, 2002. – 354 p.
201. Krapohl, D. J. Fundamentals of Polygraph Practice / D. J. Krapohl, P. K. Show. – San Diego, CA: Academic Press, 2015. – 348 p.
202. Krzyoecin, A. The debate over polygraph in Poland / A. Krzyoecin // Polygraph. – 2000. – Vol. 29, № 3. – P. 226–236.
203. Levy, J. Lateral differences in the human brain in cognition and behavioral control / J. Levy // Cerebral Correlates of Conscious Experience. – 1978. – P. 285–298.
204. Lucas, D. B. The recall values of positive and negative advertising appeals / D. B. Lucas, C. E. Benson // Journal of Applied Psychology. – 1930. – Vol. 14. – P. 218–238.
205. Luria, A. R. The nature of human conflicts / A. R. Luria. – New York : Liverwright, 1932. – P. 77–127.

206. Lutz, K. A. The impact of interactive images on learning: application in advertising / K. A. Lutz, R. J. Lutz // *Journal of Applied Psychology*. – 1977. – Vol. 62. – P. 493–498.
207. Lying in everyday life / B. M. DePaulo [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996. – Vol. 70, № 5. – P. 979–995.
208. Marshall, M. N. Sampling for qualitative research / M. N. Marshall // *Family Practice*. – 1996. – № 13. – P. 522–525.
209. Merikle, P. M. Perception without awareness: perspectives from cognitive psychology / P. M. Merikle, D. Smilek, J. D. Eastwood // *Cognition*. – 2001. – Vol. 79. – P. 115–134.
210. Muensterberg, H. *Psychologie und Wirtschaftsleben* / H. Muensterberg. – Leipzig: Bart, 1912. – 212 p.
211. National Research Council The Polygraph and Lie Detection. Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph. Division of Behavioral and Social Sciences and Education. – Washington, DC: The National Academies Press, 2003. – 105 p.
212. Nelson, R. Scientific basis of polygraph testing / R. Nelson // *Polygraph*. – 2015. – Vol. 44. – P. 28–61.
213. *Oeuvres de Saint Augustin. Problemes Moraux II*. – Paris: Desclee de Brouwer, 1948. – 653 p.
214. Philip, E. Comparative Analysis of Polygraph with other Screening and Diagnostic Tools / E. Philip, A. Crewson // *Polygraph*. – 2003. – Vol. 32, № 2. – P. 57–85.
215. Poffenberger, A. T. *Psychology of advertising* / A. T. Poffenberger. – Chicago & New York : A. W. Shaw Company, 1925. – 632 p.
216. Role of layer 6 of V2 visual cortex in object-t recognition memory / M. F. López-Aranda [et al.] // *Science: journal*. – 2009. – Vol. 325, № 5936. – P. 87–89.
217. Rossiter, J. R. *Visual communication in advertising* / J. R. Rossiter, L. Percy // In R. J. Harris (Hrsg.), *Information processing research in advertising* Hillsdale. – New Jersey : Erlbaum, 1983. – P. 83–125.

218. Shams, L. Benefits of multisensory learning / L. Shams // Trends in cognitive sciences. – 2008. – № 12 (11). – P. 411–417.

219. Stapel, J. Recall and recognition: A very dose relationship / J. Stapel // Journal of Advertising Research. – 1998. – Vol. 38. – P. 41–45.

220. Strong, E. K. Jr. The effect of time-interval upon recognition memory. Psychological Review / E. K. Jr. Strong // Columbia University Quarterly. – 1913. – Vol. 20. – P. 339–372.

221. Thermal signatures of voluntary deception in ecological conditions / M. S. Panasiti [at al.] // Scientific Reports. – 2016. – Vol. 6 – Article number: 35174.

222. The vividness effect: Elusive or illusory? / R. L. Collins, S. E. Taylor, J. V. Wood [et al.] // Journal of Experimental Social Psychology. – 1988. – Vol. 24. – P. 1–18.

223. Viking warrior women? Reassessing Birka chamber grave Bj. 581 / N. Price, C. Hedenstierna-Jonson, T. Zachrisson [et al.] // Antiquity. – 2019. – Vol. 93. – P. 181–198.